

МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Москва

Ольга Журавлёва

Редактор *Ольга Журавлёва*
Зам. редактора *Владимир Крымский*
Ответственный секретарь *Максим Дубаев*
Информационная поддержка *Геннадий Гацура*
Кастинг групп партнёров *Григорий Мовшиц*
Фото-редактор *Михаил Журавлёв*
Вёрстка *Алексей Козлов*

Московский литературный альманах «ЖУР-НАЛ СТО-ЛИЦА»
 учреждён 17 января 2017 года

Учредитель Профессиональный Союз Писателей России (ПСПР)

основной государственный регистрационный номер: 1037739742743
 зарегистрировано Министерством юстиции Российской Федерации
 14 ноября 1994 года за N 131-п

Адрес редакции журнала:
 117152, г. Москва, Загородное шоссе, 6-3-17
 Тел. +7 (906) 747-71-81 e-mail: zura18april@mail.ru

Сайт «Московские писатели» <http://moscowwriters.ru/>

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
 Редакция оставляет за собой право не вступать с авторами в переписку.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
 119049, г. Москва, Ленинский пр., д. 4, стр. 1А
 Тел. +7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.ru
 Тираж 500

Подписано в печать 30.03.2018

* Исторические справки о Москве представлены
 в обработке редактора журнала по материа-
 лам официальных сайтов административных
 округов

© Редакция литературного альманаха
 «ЖУР-НАЛ СТО-ЛИЦА»
 © Приложение еженедельника «Лите-
 ратурная жизнь»

Содержание

От редактора..... 5

ПОЭЗИЯ и ПРОЗА

Центральный округ 6
 Юго-Западный округ.....32
 Западный округ 48
 Южный округ 62
 Северо-Восточный округ 80
 Северный округ 94
 Восточный округ 110
 Северо-Западный округ..... 136
 Юго-Восточный округ 152
 Новая Москва. Троицк 172

СОБЫТИЯ

Михаил Рощин. Главное – идти своей дорогой 184
 По итогам регионального детского поэтического конкурса 188

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

Олег Фёдоров. Искусство – феноменальное вытаскивание из болота буден 192

ЛИГА МАСТЕРОВ

Юрий Рябинин. Мир сошел с ума 198

ЛИТПАМЯТНИКИ

Об Алексее Маркове 208

НАШЕ ВСЁ

Виктор Аксючиц. Служение русской литературы..... 216

МОСКВА-ВЕДЫ

Ольга Жукова. «Шекспировский след» в Вешняках,
или Краеведение спальных районов 224

ПЕРЕВОДИКА

Евгений Рашковский..... 234

ГОСТИНАЯ

Мадина Ласария. Абхазия 240

Людмила Свирская. Прага..... 242

Леонид Яковлев. Финляндия 244

Лев Халиф. США 246

От редактора

Дорогой читатель, ко дню 870-летия города мы запустили новый литературный проект – «ЖУР-НАЛ СТО-ЛИЦА», в самом названии которого заложена суть современного периодического издания. Литературно-исторический альманах Москвы, как раз – то, что так необходимо теперь, когда культурная канва столичного региона, претерпевая существенные изменения, перестала быть для коренного населения близкой и понятной.

Москва молодёжная, многолика, многонациональная, многозначительная представляет на всеобщее обозрение многогранное творческое видение таких немаловажных аспектов современности, как история города, философия времени, настроение жителей многослойного в мультикультурном смысле мегаполиса – их стремление к совершенству, невзирая на бешеный ритм и скоростной режим. Авторами столичного литературного журнала стали писатели-москвичи, проживающие в одиннадцати непохожих один на другой округах Москвы. Вниманию читателя представлены работы, как именитых мастеров, классиков отечественной литературы, так и начинающих писателей, горячо увлечённых поэтическим занятием талантливых участников различных молодёжных литературно музыкальных фестивалей и конкурсов.

Кто как не теперешние таланты смогут передать будущему поколению дух эпохи. Что ни говори, а историю городов пишут сами горожане. Московскому журналу удалось охватить всё или почти всё литературное пространство разросшейся в процессе повальных реформаций Столицы.

Пора и оглянуться на своих знаменитых предшественников, продёрнувших сквозь поколения связующую нить глубоко гражданских, высокохудожественных и духовных смыслов. Мы же, в свою очередь, не гонимся за количеством приглашённых к столу генералов – нам здесь и сейчас требуется свежий воздух для работы и свободное от ястребов разборов пера небо над полями деятельности. Приглашаем москвичей и гостей Столицы в нашу дружную среду обитания. Желаем приятного просмотра и дальнейшего сотрудничества на страницах, теперь уже, по-московски яркого – Нашего долгожданного журнала.

Центральный округ

Евгений
Витковский

Андрей
Чемоданов

Герман
Виноградов

Роман
Клюкин

Валерий
Бурташов

Дмитрий
Чёрный

Если Москва – сердце России, то Центральный административный округ – сердце столицы. Ведь именно отсюда пошла Москва, вырвавшись из тесных пределов Кремля и распространившись на тысячи квадратных километров, вбирая в свои границы окрестные деревни, сёла и целые города. В XVII веке вокруг ещё деревянного Кремля раскинулись многочисленные слободки, где жили мастеровые, ремесленники, царские слуги, придворная челядь. От названий таких слободок пошли названия центральных улиц и переулков города: Кожевническая, Щипок, Арбат, Бронная, Калашный, Столешников, Оружейный...

Со временем город вырос, и словно огромный караван на чистом полотне Москвы-реки – для многочисленных гостей столицы, представлен на карте девятью историческими округами и двумя примкнувшими впоследствии. Для большинства россиян, столица России ассоциируется с Кремлем, Красной площадью, Собором Василия Блаженного, мавзолеем Ленина, Третьяковкой, Лужниками...

Москва – историческая, купеческая, дворянская, революционная, творческая, интеллигентная, развитая, разносторонняя, всегда притягивала иностранных купцов и завоевателей, но, несмотря на потрясения, ни в какие времена не теряла собственного лица – навсегда оставаясь в истории городов Белокаменной – Первопрестольной...

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ**МИСТИКА ТРЁХВОКЗАЛЬНАЯ**

Отсюда три железных рукава
в три направленья бросила Москва
и в рельсы переплавил орала.
Величественна площадь Каланча:
сюда века плеснули первача
и опустили на нее забрало.

Оригинален человеческий ум:
пришли сюда Гаврила и Наум
и отдали царя на растерзанье,
перепугали деток и внучат,
и вот теперь над площадью торчат
две звездочки и птичка из Казани.

Здесь город с содроганьем вспоминал,
как некогда рвануло арсенал,
и как по европейскому примеру
для изысканья правд или неправд
в Нью-Йорк мотались Мельников и Крафт
российскому на пользу шмен-де-феру.

На юг, на север, северо-восток
история течет, как кипяток,
и корчит идиотские гримасы,
и точно так же на любой перрон
со всех столичных четырех сторон
стекаются сюда людские массы.

Сюда идет, судьбе наперез,
старинный паровоз разряда «эс»,
и для прокорма черного народа,
как лошади идут на водопой,
идут посылки с гречневой крупой,
припасы восемнадцатого года.

Здесь говорят о близости войны,
когда при свете пепельной луны
взирает потрясенная столица
как из стены выходит старикан
но не затем, чтоб выпросить стакан,
а чтобы трижды здесь перекреститься.

Здесь каждый может преклонить чело:
по мелочи насобирав бабло,
приют находят местные скитальцы:
боекомплект заправивши в нутро,
лежат в обнимку с лестницей метро
московские бомжи-троевокзальцы.

Привычно смотрит здесь великий град,
как от востока прется азиат:
здесь места нет ни римлянам, ни грекам,
зато здесь край непуганных татар,
и виснет православный перегар
над каждым шашлыком и чебуреком.

Совсем не до Садового кольца,
а до запруды возле Ольховца
ведут пути от моря и пустыни,
и сколько ты Европу не хвали,
однако Рим не посреди земли,
зато Москва уж точно посредине.

Над миром простирая три луча,
здесь Каланча стоит как каланча,
здесь, в ожиданье века золотого,
всей ойкумене объявив бойкот,
страна перешагнула через год
двухтысячный от Рождества Христова.

АНДРЕЙ ЧЕМОДАНОВ

* * *

я знал его горадио он был
 того же завсегдатай магазина
 его там называла свинорыл
 кассирша но не зина а ирина
 красивым жестом подлинная знать
 и знающий как для народа лучше
 обычно бравший вечные ноль пять
 а верные ноль семь после полочки
 он мудрый план составил на века
 имел скользкий но точнейший график
 я знал его и прошептал ага
 когда грузили тело в мятый рафик

* * *

а никогда нет ничего
 на темной кухне два-три булька
 и в тихой спальне ого-го
 под шум машины в переулке
 застенчивый чужой уют
 и кошечка по кличке шкурка
 в молчании чего-то ждуть
 почти пустой стакан и булка
 всего три капли кап-кап-кап
 напитка с привкусом полыни
 твой муж придет откроет шкаф
 и нарния оттуда хлынет

* * *

жизнь прошмыгнула как будто мышь
 знаете если честно
 я из неё вспоминаю лишь
 банку от майонеза
 бабушка в банку сажала лук
 обыкновенный репчатый
 и говорила андюша look
 скоро он будет стрелчатый
 паялился мальчик во все глаза
 в банку на подоконнике

не отвлекали его из а-
 бэвэгэдейки комики
 был он угрюм хотя очень мал
 с банкой играл в смотрелки
 чтобы увидеть как лук давал
 бледные чудо-стрелки
 лука уж нет да и бабки нет
 стрелки на циферблате
 свой незатейливый пируэт
 пляшут как на зарплате
 тикало время ушла жена
 та что была законной
 мальчик по-прежнему у окна
 смотрит на подоконник

* * *

если выдержу зиму то ради москвы
 ради нашей любви и весеннего здрасте
 я бычок уроню между листьев травы
 и сверну к магазину и вот оно счастье
 в этом солнце заложенном за воротник
 той на пузе завязанной синей ковбойки
 будет что-то от песни про «есть только миг»
 заугольной шестнадцатигранной попойки
 в этом будет арбатский классический шик
 умирая ничью не забрызгать рубашку
 перед смертью я вспомню точильщика вжик
 и как матери звали детей на степашку
 как хрустела земля в перочинном ноже
 как плясали карбидные черти в бутылке
 как ходили поссать меж гнилых гаражей
 а не красные стены кремля и бутырк

* * *

глупую улыбкой улыбаясь
 ничего не зная про потом
 мимо проходящими люблюсь
 табуретку пряча под пальто

извините если слишком редко
 говоря прохожему привет
 просто предлагаю табуретку
 предлагаю сесть на табурет

герман виноградов

* * *

ВОТ СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ И ВЕТЕР
И ДОЖДЬ СТУЧИТ В ОКНО
ВЧЕРА Я БЫЛ ПЬЯН И СВЕТЕЛ
СЕГОДНЯ МНЕ ВСЁ РАВНО
Я РЫБУ ЛОВИЛ НА ГИТАРНЫЙ КОЛОК
МЕНЯ ПРЯМО В ОМУТ ВОДЯНОЙ УВОЛОК
СИЖУ В ОКРУЖЕНЬИ ЕГО ДОЧЕРЕЙ
ПРЕКРАСНЫХ КАК «ДАМА ЧЕРВЕЙ»
РУСАЛКИ ВЕДУТ ВКРУГ МЕНЯ ХОРОВОД
И ШЕПЧУТ МНЕ В УШИ И СМОТРЯТ МНЕ В РОТ
А Я ИМ ОТВЕТИТЬ СЕЙЧАС НЕ МОГУ –
ВОДОЙ ЗАХЛЕБНУСЬ, ПРОПАДУ
ЧТО ДЕЛАТЬ – НЕ ЗНАЮ, А НАДО ЛИ ЗНАТЬ?
ПУСТЬ БУДЕТ ЧТО БУДЕТ, А ОТКРОЮ ГЛАЗА –
И НЕТ ВОДЯНОГО И ЕГО ДОЧЕРЕЙ
ПРЕКРАСНЫХ КАК «ДАМА ЧЕРВЕЙ»
ВОТ СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ И ВЕТЕР
И ДОЖДЬ СТУЧИТ В ОКНО
ВЧЕРА Я БЫЛ ПЬЯН И СВЕТЕЛ
СЕГОДНЯ МНЕ ВСЁ РАВНО

* * *

Почему не послезавтра начинается четверг?
Почему ты просишь сахар, разве я тебя отверг?
Ты ответь мне бога ради – в пифагоровых штанах
Кто бродил по водной глади: Пушкин? Лермонтов? Монах?
Или я тебя не тешил, плоть твою не убажжал?
Или Пушкин не безгрешен? Или Шишкин убежал?
Или в мрачном подземелье, по груди рукой скользя,
Для меня готовишь зелье? Успокойся, так нельзя!
Скинь шуршащие одежды, руки белые раскинь
И прими в объятья нежны мои грязные носки!

* * *

...ПУСТЬ КОНЬ БЕСКРЫЛЫЙ МОЙ – ЗАТО КРЫЛАТ Я САМ!
ПУСТЬ ГРИВА НЕ РАСЧЁСАНА, НО ВЕТКИ
БЛАГОУХАЮТ – В МИР ПРИШЛА ВЕСНА,
ЧЁТ И НЕЧЁТ СПЛЕТАЯ В ЗАКОРЮЧКИ И ВИНЬЕТКИ!

* * *

С радости, не с горя я
Заварил цикория.

Такая вот история –
Заварил цикория.
С ней учился в школе я,

Предложил цикория.
Такая вот история –

Выпили цикория.
С радости, не с горя я
Заварил цикория!

С радости, не с горя я
Заварил цикория!

* * *

В деревне тихо и светло:
Шуршит усами кот на печке,
Старушка за водой на речку
Спешит, и только НЛЮ
Над лесом, как кастрюля новая,
Болтается и лазерным лучом
Сигналы подаёт – такая клёвая,
Что хочется любить ещё, ещё.

* * *

Я снова полон дум и неги.
В деревне тихо, спит сосед –
Уж не буянит! От телеги
Замёрз в грязи вчерашний след.

Чу! Птичка голос подала –
То из далёкого дупла
Завёл ленивую беседу
Озябший дятел, спать соседу

Теперь не долго,
Ну а мне
На тёплой печке с боку на бок
Перевернуться лень, а надо б.

ВАЛЕРИЙ БУРТАШОВ**ЧТО ЕСТЬ ДОБРО...**

Что есть добро на этом свете?
 Для всех расстёгнутый кошель
 Иль чуткое простое сердце,
 Согреть готовое в метель.
 Ведь если вдруг беда нагрянет,
 Любовь и радость омрачив,
 Кошель здесь горе не загладит,
 Пусть даже златом заплатив.
 Не всё на свете продаётся,
 Не всё за деньги можно взять,
 Порой при сделке остаётся
 На сердце жгучая печать.
 Уж коли горе с человеком,
 Неважно – он то, иль она,
 Отдай ему частичку сердца
 И он вернёт тебе сполна.
 Но каждый вправе усомниться
 А если горя океан?
 Тогда ему чем поделиться,
 Ведь сердце – это ж не карман!
 Эх люди! Да не шарьте по карманам,
 Не мните кошельков шевро,
 Отдайте душу всю и сердце без обмана,
 Вот это вот, мне кажется, и есть Добро!

ТЕПЛО

Ещё вчера тепло сияло
 Сегодня холод всё затмил,
 Ведь людям нужно очень мало,
 Чтоб холод Солнце не гасил.
 Представь себе, что всё погаснет
 И всё уснёт, и всё умрёт,
 И ни один в тиши не ахнет,
 Никто на помощь не придёт.
 Скорее люди осмотритесь,
 Услышьте вы природы глас,
 Быстрее к Солнцу обратитесь
 Не то тепло покинет вас.
 Цените люди Солнца радость

Оно вам душу отдало,
 А вам немножечко осталось –
 Передавать другим тепло.
 А коль вы Солнцем покуситесь,
 Не место вам и под Луной,
 Спешите люди и делитесь
 Всем тем, чем делитесь со мной.

УКРАДЕННОЕ СОЛНЦЕ

Мой человек дорогой
 Пораньше встань и сядь к оконцу
 По склону чаши сине-голубой
 Навстречу дню восходит Солнце.
 Оно почти уже взошло
 Торопит лес и птиц проснуться,
 Лучами нежными тепло
 Должно Земли вот-вот коснуться.
 Побудь сегодня у окна,
 Оставь Земле свои заботы
 Не остановится она
 И не замедлит обороты.
 С Землёй общаемся мы часто,
 Она нас кормит, кров даёт
 И умоляем мы её, порой, напрасно,
 Вернуть нам тех, кого не достаёт.
 Но мы немного отвлеклись,
 Ушли мы от окна-картины,
 Быстрее к оконцу возвратись
 Там Солнце ожидает тебя, Нина.
 Смотри – оно уже в зените,
 В огне и в свете как во мгле
 И золотые стрелы-нити
 В людей пускает на Земле.
 Всё сразу как-то просветлело,
 Кругом всё сразу ожило,
 Людское море закипело,
 Что значит для людей тепло!
 Но время как ты быстротечно
 И не вернуть тебя назад,
 Не может даже Солнце вечно
 В зените быть – идёт закат.
 Горя пунцовыми щеками,
 Краснеет, будто провинясь
 Прощается смущённо с нами,
 На полумесяцы делясь.

Садится потихоньку в море,
 Вуалью волн прикрыв глаза,
 Мы с грустью видим, что аморэ
 От нас уходит навсегда...
 И вот совсем его не стало,
 Упало в океан – на дно,
 Земное сердце биться перестало
 И стало холодно, темно.
 Всё потонуло как в пучине
 И потемнело вдруг оконце.
 Сочувствую я Вам товарищ Нина
 Бессильны Вы – украли Солнце!

ПОЧЕМУ ЛЕТО СРЕДНЕГО РОДА?

Мне всё понятно – род имеют
 И осень, и зима, и вёсны,
 Они как женщина – согреют,
 Они как сёстры – вместе крёсны.
 Мне всё понятно – то и это,
 Н вот уже который год
 Со стороны смотрю на лето –
 Оно имеет средний род.
 Ведь лето – это и цветы, и море
 И горных речек водопад,
 Резвятся птицы на просторе,
 И пчёлы радостно жужжат.
 Луга, поля, леса и нивы
 Насквозь пронизаны теплом,
 А люди! Как они красивы,
 Омывшись солнечным дождём.
 Я не за то, чтобы навечно
 На землю лето снизошло,
 Чтобы и в руки и на плечи
 Валилось тоннами тепло.
 Но почему оно безродно?
 Ответьте, люди, почему?
 Готов я спорить с кем угодно
 Неясно это никому...
 Вы можете пожать плечами,
 Смущённо веки опустить,
 Вы можете не спать ночами,
 Боясь ответа упустить.

Напрасно. Лучше вы поспите,
 А утром, отворив окно,
 На солнце пристально взгляните
 Тепло и свет несёт оно.
 Тепло и Солнце, и Добро
 Уж так устроена природа
 Их Лето вместе собрало,
 Для всех оно – оно без рода...

МИР ВЛЮБЛЁННЫХ

Ночная тишь, лесная глушь,
 Река окутана седым туманом
 И первых птичьих трелей грусть
 Пьянит, как будто бы дурманом.

Листва от ветра чуть дрожит,
 Спит соловей с подругой рядом
 Лишь филин темноту сверлит
 Любовью воспалённым взглядом.

На ветвь набросив листьев плед,
 Певун едва под ним разместится
 И хоть уже вот-вот рассвет
 Певунья всё ещё невестится...

Росой умылась уж трава,
 У филина в груди любовь клокочет
 Ему богиня темноты – сова
 Пол взгляда подарить не хочет.

Но вот уж небо розовеет
 Туман объятая разомкнул,
 Он от любви к реке весь млеет
 Он так всю ночь и не уснул.

Всё. День за ночью поспешает,
 Не в силах чувство превозмочь
 И мир влюблённых понимает
 Ну вот и день влюбился в ночь.

Природа! Кладезь вдохновенья
 Мне не понять тебя вовек,
 С тобой в влюблённом упоенье
 В тебя влюблённый че – ло – век!

РОМАН КЛЮКИН**ОРИГАМИ**

В паутине полигамий,
Как увязший мотылёк,
Извращаюсь оригами,
Направляя на Восток
Верх энергий средоточье –
В оргастический формат:

Это будет этой ночью –
Это наш с тобой догмат.

МНЕ...

Мне мармеладно-шоколадно
По эту сторону нирваны,
И сингапуру-лимонадны
Половозрелые бананы.

Мне клёва клёшей сексопильность –
Самообманом маргинала –
И сладко мне пилошь и пилошь,
А ты ещё мне наливала.

Мне – психоделикою глюков –
Весь amagcord твоей харизмы...
И ускользают в муке руки
Апологета гедонизма.

* * *

Ты ехала в трамвае
Оскоминным маршрутом:
Гавайи доставали
Меня обычно скукой.

Зачем я обречённо
Забрался в эту даль:
Мы – предопределённо! –
Не встретимся, а жаль...

* * *

Это действие ветра и дыма:
Твоя айки украсит, утешит мой до –
Киноманочка для синефила:
Убедительное либидо.

Мы – эстетика ноль-поколений:
Этот твой ремешок для моей рефлексии –
Запах трогательных коленей:
Очень вкусных и самых красивых.

Самоучки-шуты-самозванцы:
Пациенты в приёмной у доктора Nu –
Лишь фигуры языческих танцев:
На пути от «люблю» до «люблю».

* * *

А.А.

Эти чётки из звёзд,
Из блистающих капель,
Из объятия лета
И объятий ночей.
Эти чётки из роз –
И изящные пальцы
Их коснуться лениво,
И опять зазвучат
Твои чётки...

* * *

Тусклый сумрак над рекою
Вмёрз в расплавленный гранит,
Впечатлением покоя
Гладь печальная глядит.

Холод набережной хмурой.
Сумрак осени седой.
Под ногами шелест бурый.
Хруст и холод. И покой.

СКОРО...

Скоро снова грянет гарь.
Зазывает ветер бешеный.
Голод. Холод. И фонарь.
И расстрелянный повешенный.

ДМИТРИЙ ЧЁРНЫЙ

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Вышел из здания вокзала окрылённый. точнее было бы сказать – околесённый. или, традиционнее, но и парадоксальнее – колесованный. Билет в плацкартный вагон куплен, причём, по цене ниже моих ожиданий – четыре триста, в то время, как летом он стоил все шесть. Очередь отстоял при этом небольшую, а боялся вообще не успеть – поздновато добрался до вокзала. Мы с женой расстались в городе: Она поехала домой налегке, я же, взяв шуршащие нагруженные пакеты, отправился за билетом, не питая больших надежд и уже смиряясь с мыслью лететь на самолёте за ещё большие, чем летние купейные, деньги. Однако, с карточки, уже безналичное, что тоже отчасти приятно (не худеет кошелек) – отчислены небольшие деньги, гарантирующие мне возвращение в столицу к сроку. Единственно, чего я не успел – сказать кассирше, чтоб не страховали. Страховка – этакий налог по умолчанию, бессмысленный и незаконный даже: в случае катастрофы похороны всегда оплачивает государство, так что дважды так страховаться даже смешно. Вот я и улыбнулся, когда кассирша протянула мне чек Транскредитбанка: эта подпись и эта страховая сумма как бы и были моим автографом благодарности и платой за разрешение всех волнений, за безналичное билечивание, выражаясь старомодно.

И вот, вышел в осень сибирскую, возвышенную закатым ещё небом – с тем ощущением лёгкости, которое даёт билет не только на самолёт с серебристым крылом, но и на поезд с более серебристым, даже блестяще-отполированным колесом. Но от меня тут через неделю не останется и тени... странная эта диалектика чувств: и приятно приезжать, но и уезжать приятно. Не потому что надоело – нет. А просто так именно, расстоянием в три с половиной тысячи километров, измеряется теперь моё стремление к новым родным. Расстояние это помноженное на время – месяц здесь, месяц дома, – даёт формулу моего нынешнего бытия в движении, отчасти тоже пропетого Цоем в песне про странный стук...

Стою на невидимой, известной только томичам, остановке тех автобусов, которые доведут до Академгородка – а это отсюда не так далеко, но маршрута, идущего по кратчайшему расстоянию нет в расписании здешних маршруток. Кратчайший, как ни странно – это железнодорожный путь от вокзала Томск-1, откуда я отбуду, до Томска-2, если бы можно было сойти на полпути. Там от моста можно пешком дойти за полчаса. автобусная же логика движения – иная. ПАЗики подкатывают один за другим к остановкам, но ни на одном не красуется имя нашей достославной части города.

Зная, что быстрее всего ехать тридцать четвёртым, я, всё ещё движимый радостью от покупки билета, избегаю зачем-то в тридцать третий, на котором указан наш Академ финалом маршрута. На всякий случай

уточняю (мне и советовали так делать, тут бывает, что едут не туда, а сюда в зависимости от времени суток) у шофёра:

– До Академгородка доедете?

– Доедем...

он молодой, ровесник мой, или даже помладше – худой шофёр в районе тридцати, с бородкой альтернативщика, делающей его, скорее, моложе. Зря я не уточнил – когда доедем, но теперь-то поздно выпрыгивать, поехали. Я сел сразу к окну, на сидение по ходу езды, прямо от двери которое (если вы представляете себе планировку ПАЗика, в Москве они занимаются исключительно похоронным извозом), переглянулся с пацанёнком, сидящим на сидении прямо у мотора с другого борта автобуса, и подмигнул ему: мол, раз указан Академ, так доедем. Мальчик настолько мал, что не говорит – при нём мама студенческих или аспирантских лет, но вида неучёного. А ведь Томск – город студентов... Свернули к Южной, там-то мы и закупались...

Самое время возвращения с работы, поэтому автобус полон – хорошо, что мне нашлось с моими пакетами место. Здесь пакеты называют исключительно майками. Когда спрашивают кассирши «Маечку?» – всегда не сразу расшифровываю вопрос, думаю про какие-то фирменные майки магазинов. На Украине же всё тот же пакет носит название «кулёк», и никак иначе – сие узнал я ещё в конце восьмидесятых не от кого-нибудь, а от сына достославного «огонькового» Коротича, так говорила его мама, да и папа оттуда родом... Вот и постигай этот говор, этот город!

На Южной, поскольку мы едем на маршрутке (в Сибири, как и всё прочее, масштабы маршруток больше московских газелек) – усталый серокожий дядька с неровной щетиной, начинающейся прямо из-под кепки, звякнув оплатными монетками в руке, попросил шофёра: «У самолёта». Там когда-то стоял самолёт, украшение района. Мы же после этой незапланированной остановки берём круто вправо по Красноармейской, длиннющей улице, пересекающейся со знакомой мне улицей Фрунзе лишь противоположным краем своим. Но мы доходили отсюда с женою туда в морозные дни последней зимы...

Ощущение, будто уже это поезд, моё долгое возвращение – приветливо гляжу на вечер рабочего дня, хоть в салоне всё теснее становится. Вот уже с Красноармейской берёт через встречную полосу влево молодой шофёр. Кинотеатр слегка подновлённый, детский клуб, конечно же, нужный томичам – всё тут расположено разумно, но скомпоновано сумбурно, нередко с нахлёстом веков друг на друга, минув двадцатый. Однако сейчас как раз плавно текут силикатные пятиэтажки годов шестидесятых, меж которых вдруг подновлённым евроОком вылезает некий завод, и при нём комфортабельным щедро освещённым ларьком пивная – понятно, это тот самый «Крюгер». И туда сейчас как раз и втекают после работы мужички. Вот куда надо б заглянуть с дегустацией тёмного, светлого, крепкого, редкого. Показательная пивная. И вечер наступает – пока только закатыми отблесками в окнах, усиливающими осенние ощущения.

Здесь осень ярче московской и даже подмосковной во много раз: выезжая уже по улице Кирова к университетским кварталам, вижу такой пожирающий любое внимание листопад, что кажется, все последние листья сейчас и падают, хотя ветер несильный. Вот справа аккуратное неоклассическое здание КГБ, которого прежде боялись диссиденты, а теперь – это серенькая ФСБ, и памятник чекисту двадцатых годов стоит сиротливо, преданный, ведь сбоку втемяшились соглядатаи, перестроечные мемориалы, намекающие на ненужность и даже вредность проделанной бородатым большевиком-романтиком работы... Слева под опадающими кущами у одного из бесчисленных вузов есть и Колчаку посвящённый мемориал – свежевывербленные в камне строки недавно прошедших лет, не вычеркнутые пока новой революционной бурей. Подмечаю всё это, пересаживаясь, пока свободно – на сиденье, которое позади меня, обзор тут получше и не так жарит тепловой выхлоп из мотора, выведенный для обогрева салона уже по осенне-зимнему (а, скорее всего, круглогодично).

Листопад, как возвращающиеся домой студенты и трудяги, – численно всё усиливается. Мы свернули с горки направо к университету, и слегка до этого опустевший салон забивается молодым притоком. Как в достопамятной телеигре «Спортлото», люди перекатываются друг о друга такими шарами с номерками своих возрастов, и, в конце концов, на диванчик, примыкающий спинкой через рекламную перегородку к спинке водительского кресла, падает студентка, блещущая взглядом, раззадоренным этим внезапным спортсостязанием. Шатенка с выщипанными или подвитыми волосами, красивая.

Не могу сказать, что разглядел её сразу. Однако, уже проезжая ТГУ, понял, что расположение наше визави как-то и автобусом всем отмечено – сидящая у окна рядом с ней лет сорока пяти женщина, до этого хмурая и понурая, кажется, заулыбалась и деликатно загляделась на учебные кварталы, почувствовав даже раньше меня мост некоего внимания. Не то, чтобы взаимного – скорее, переблёскивание взглядов. Вот так автобусы венчают!

И не успеешь отвлечься, задуматься – чтобы оправдать частое возвращение зрачков к красивой цели... Да, она из перетекающей по автобусу массы неизменно выделяется, даже когда её закрывают животы и спины. Её яркость и пропорции лица – порядка Барбары Брыльски, какой её видел и преподносил Рязанов. Даже что-то вызывающее в такой красоте есть – а всего-то на всего девушка при макияже, с лекций едет, наверное.

Что есть красота – трудно понять в статике. Хотя, мы-то относительно друг друга не двигаемся (только на неё иногда налегают полами одежд передающие таксу шофёру). Красота это ритм и сила – нажим, магнит. Знакомый уже «левобережный» пейзаж проспекта Ленина не держит, она отвлекает, безмянная. Сейчас и автобус заметит, как ча-

сто я «рисую» её... Странный уют теперь и непокой ощущаю в местах, где с женою много раз проезжали. И рассвет самого центра, местного Белого дома – не радует как прежде, а тревожит, томит. Такие они – томички...

Интересно, где же сей маршрут поворачивает? где-нибудь за ЦУМом? А дальше-то я пока и не бывал... Спрашивать неудобно как-то – да и выгляжу ярковато, в рубашке европейского образца тяжелотканной, полосатый, будто шмель. Всем кажется, что это цвета Билайна, хотя вместо чёрного тут тёмно-синий. Однако готовность категорий говорит всем что чёрный. Жёлтый ярк по-летнему, хотя одежда как раз на осень – моя личная униформа из девяностых, подаренная ещё первой любовью. Вот спросишь соседа так, а он решит, что я билайновский рекламный агент. И в транспорт пролезли, заворчит... Или просто сам спросит.

Да и зачем спрашивать? Уж доеду молча – как-то глупо выглядеть буду и перед томичкой безмянной. Её гордая шея словно призвана быть постаментом красивого и лишь самую чуточку надменного лица – чтобы выделяться на фоне сливающихся с транспортной и законной серостью пассажиров. Мечтает о будущем за пределами Сибири? Несомненно – студенчество ведь пора и во многом реальное основание именно таких грёз.

Уже и ЦУМ миновали, и тут-то автобус наш взял круто вправо как раз на перекрёстке далее которого я не ездил, отчасти оправдывая ожидания – это как раз гипотетически в нашу сторону, так как до сих пор мы лишь удалялись от Академа... Всё новые соседи студентки замечают нашу очную ставку. И ставки сделаны – мы как бы не замечаем друг друга, но урываем черты лиц в самый неожиданный момент. Уверен, мой бурсацкий профиль и особенно идейно устремлённый нос смотрящего в окно не остался незамеченным...

Вечер тут уже очевидный, требует включить сигнальные огни машин, окружающих нас таким нерестом. Мы едем с поворотом вправо вверх куда-то – томские резные и тёмно-древние «деревяшки» выглядят с неожиданных земляных возвышенностей. слышал я, что где-то тут, на горе Каштаке (на шашлыке, на шампуре, на вертеле) находятся то ли бани, то ли автосалоны – автобус увёз-таки меня в совершенно непредсказуемую даль. И игра становится всё интереснее.

Её глаза выражают во-первых удовлетворённость тем, что заметили. А то едешь так, едешь, привыкаешь уже... Во-вторых, глаза её внимательны и несправдны, что тоже плюс. Занятые нехарактерным для пассажиров транспорта делом, мы теряемся в догадках. А за окном на широком, нехарактерном перекрёстке, похожем на ленинградскую рядовую площадь – ещё захвативший часть освещённого пространства, тот самый конструктивистский фрагмент центра Томска, который видел я лишь на открытках или на телеэкране. дом, распахнувший пря-

моугольные объёты своего желтостенного гостеприимства. Вот и дом подпевает, словно своими ровно освещёнными широкими и высокими окнами: чем дальше, тем интереснее.

Угадываю, что сейчас мы едем почти параллельным проспекту Ленина на путём, но обратно и как бы по другому краю Томска – успокаиваю себя. Где-то пересечём улицу Красноармейскую, а она точный признак приближения нашей окраины... Интересно, куда едет, где сойдёт она – успею ли я рассмотреть и размыслить (размусолить взглядом) её? Одежда в поблескивающую отдельными ниточками фиолетовую кофточку, тёмные джинсы, какие-то золотистые бусы поблёскивают, придавая весомости и изысканности её юной лицевой красоте.

Что ж, я, наверное, ярчайший (минимум – рубахой) делегат автобуса на переговоры очей с Мисс Тридцать Третий... Наш выезд на Красноармейскую произойдёт явно не в то время и не в том месте, как мне казалось – словно эти большие карие глаза девушки напротив отвлекли и сманили куда-то в сторону весь автобус. Старательно гляжу, пытаюсь отвлечься, в окно – там уже длинный завод Сибкабель и некая ночная улица с домами-«деревяшками», то ли из сказки, то ли из сна. салон наш короткий пополняется работягами, всё ещё трудящимися на хиреющем и планирующем переезд в Казахстан, где дешевле электричество, заводе... Заводчане вносят дух металлический и пивной, мисс автобус этому не рада, однако я замечаю такую самодостаточность в её глазах, тоже, как и я, умилённых старотомскими постройками, что не стоит беспокоиться.

Вот же: я беспокоюсь уже! и верно: беспокойство нарастает, как во время сватовства. На коленях у меня невидная девушке сумка-майка, и это успокаивает. Впрочем, ей нет дела до моей сумки – осторожность наши глаза по-прежнему соблюдают. Красноармейскую мы как-то дугой, с неожиданным поворотом у овальной клумбы, всё же пересекли, но въехали не в район улицы Сибирской, на что я очень рассчитывал (ведь там проходит родной, на единицу старший брат Тридцать Третьего)... Происходящее кажется всё более сном, пока темнеет за окном.

Тут-то я и вспоминаю о зеркальности – непременно атрибуте снов. Когда ехали в обратном направлении, и именно по той части Томска, куда я не заглядывал – это и было как во сне, где сбываются желания. и девушка – кто знает, не одна ли она из тех, что услужливо вспоминаются или выдумываются в период воздержания, не тобой инициированного? А Тридцать Четвёртый? Не он ли тоже завёз меня в здешнее зазеркалье – так и было, когда я отправился на вокзал, за билетом, из Академа. тоже проявил рассеянность, поверил надписи с упоминанием Томска Первого, а в итоге заехал в края, где Томск Второй. зеркала – точно, зеркала! И она, напротив, слегка подзавитая, не меня ли самого отражает в женском обличе?

Заехал в такие окраины на том Тридцать Четвёртом, что пришлось у кондукторши длинного автобуса с неизменным логотипом правящей партии чиную выведывать, как теперь назад-то вернуться. Она и под-

сказала доехать до самых дальних далей, связующихся почти по прямой с Томском Первым, в конце концов. Там я пересел на маршрутку и прибыл-таки на вокзал, увидев попутно новые районы, значительно дальше вытянутые, нежели представлял я, оглядывая их с наших околоадамских высот... Было это летом, в жару – и улица, под которой тут обнаружился внезапный для меня подземный переход, вполне могла бы оказаться московской, окраинной, населённой повсеместными тенистыми пятиэтажками. Десятки лет живи в Москве – не увидишь, не заедешь... Такими они во снах и бывают, районы неведомые, и сюжет-то типичный для сна. Не в будущее ли на много лет вперёд мы там заезжаем на голубых автобусах сновидений?

Тридцать Третий малыми улочками пробирается как раз туда, во Второй микрорайон (кто-то спросил, доедет ли), откуда я спешил убежать, завезённый неправильным его, но муниципальным, партийным братцем, пророчащим возрождение транспорта (а когда он умирал-то, муниципальный – то есть общественный?). Вот, значит, куда, в какие края и какую ситуацию я купил билет свой железнодорожный, сам того не подозревая. Девушка напротив не выходит, она, как и я, серьёзная пассажирка, надолго...

Мы заехали снова к избам, к одноэтажным кварталам, и наша очная перестрелка стала бы почти слитной, непрерывной, выстрелы не одиночные, а очереди – но меня спас звонок из дома. Ты очень вовремя звонишь, мама, и я отвечаю оживлённо, всё более поселяясь взглядом за заборами и деревянными стенами в подробностях древнего быта. Приятно слышать голоса гостей – вы собрались без меня, но я ощущаю семью на расстоянии трёх с половиной тысяч километров. И я дорог вам как начинающий семьянин – вот с этими сумками и выпукло золотящимся узеньким кольцом на пальце. Это я, засланный сюда вашей радостью...

Но я ловлю себя, что даже голосом, ответами оптимистическими я рисуюсь, я работаю на два фронта – неисправимый авантюрист... Впрочем, я всё же вспомнил, что только проездом в этих почти деревенских кварталах, если, конечно, автобус не поменял, как бывает уже только во снах, свой маршрут и не передумал везти меня домой. Домой...

Она глядит на меня, когда я не гляжу – спокойно, внимательно, дружелюбно, это я вижу боковым зрением, которое у мужчин считается многими опрометчиво слабым. Моё – хорошее. Контакт этот даже без прямого взгляда теперь не разорвать. Дерзость моих первых взглядов была чем-то вроде приглашения на танец – и вот, мы кружимся в неизвестном мне вальсе на поворотах уже откровенно новосельных панельно-бревенчатых кварталов. Что-то узнаю из поездки на Тридцать Четвёртом – Впрочем, молодой водитель снова повёл автобус в неведомом мне направлении. И, как во сне, где теряешь речь, не могу я никого спросить. Мелькают пивные, их больше и чаще можно тут встретить, чем можно было подумывать в центре Томска – что поделаешь, это и есть дома нынешнего быта. И работяги Сибкабеля пойдут сперва в них, дышать испариной хмельной, а потом уже домой, к семьям и телевизорам...

Я проникся не симпатией даже, а каким-то подобострастием ко всему населению здешнему, так как вырван из знакомых мест, координат, и единственное, за что я могу ухватиться – это карие глаза, это её стройная осанка и в освобождённом от сидевших передо мной теперь пространство видное разножье. Нет, это не чёрные джинсы, это нечто более обтягивающее и блестящее, близкое к лосинам. Более агрессивное, но сейчас благоволящее. Наши взгляды заочно схватились друг за друга и будто подгоняют друг друга, и смотрят за окно друг другом. И мне всё приветливее башни новостроек, а молодой бес-шофёр всё безжалостнее закручивает своим рулём мой компас, мою ориентацию, и я отчаиваюсь уже понять, как далеко мы уехали.

А она глядит приветливо – на сорок пять градусов правее меня, в окно, но в моём направлении. Наши взгляды, таким образом, образуют угол в девяносто градусов, прямой. Иногда в отражении, когда крошечная ночь без освещения несётся за окном, я подсматриваю её эмоции. Ей всё интереснее наш путь. Хорошо, что я выбрит, но плохо что кольцо – однако правая рука не показывается из-за кулис сидения пока. Что нам делать? Примут ли нас эти районы, подъезды – наверное, и тут кодовые замки? Или сюда они не добрались?..

Карие глаза – взаимные магниты. Выйти вслед за ней, говорить, глядя на её юные, но почему-то кажущиеся уже опытными губы – целовать их комплиментами, тянуть её в подъезд холодной каменной башни с венцом, напоминающим императорскую корону, стянуть с неё вихрем страсти лосины её, припереть к нагретому дневным солнцем стеклу лестничной клетки, увидеть вместе сотни зажжённых окон, куда разошлись пассажиры маршруток...

Что за бред? Я семейный человек! В моём пакете – детские каши и фруктово-овощные смеси в баночках, это ценнейший груз. «Всю свою жизнь я сумку охранял» – спел Егор Летов, живший недалеко тут, по меркам сибирских расстояний. В моём случае – сумка меня и мою жизнь охраняет. Мой якорь! Всю свою жизнь я сумкой охранял...

А ведь всего-то надо пересечь ровно на одно сидение вперёд и заговорить с ней прямо – сейчас уже запросто, ведь салон почти опустел. Догадываюсь, что мы вползли на те холмы, что казались мне с нашей поворотной возвышенности дороги домой – самыми дальними, туманными даялами, уже даже не Томском, за Иркутским трактом где-то... Я и не могу никак понять – когда же этот город кончится, ведь все прогнозируемые отрезки времени, за которое его проезжаешь на глаз, истекли. А город и не думает кончаться, а город заманивает меня своей дочерью-красоткой, институткой...

Как он подобрал момент, этот коварный город ссыльных! Драгоценное прибавление в семье, увы, полностью исключило взрослую негу в нашей постели, уже год, как мы не супруги телесно. Тут ничего странного: вся нежность жены адресована не мне, а созданию нашему, которому она нужнее. Я-то уже бывалый тип, могу и повременить ради общей драгоценности. Но самому по-прежнему хочется нежить женскую

неизведанность... вот такую юную и неприступную, хочется раздеть её в том смысле, что – скинуть не только её нарядность, но и автобус с неё, стены её родного микрорайона. Скинуть всё лишнее, грубо и точно, как скульптор, руками чующий в камне очертания тела богини... И верно: этот чёртов бывалый, оттого и пялит ненасытные очи, это прошлый я, живший вне регламента, всякий раз вот на такие встречи рассчитывавший и ставивший на случайное рифмованное число, хоть на тридцать три вот, всё своё прошлое, ва-банк...

вобравший ближайшие деревни, чтобы отсюда созывать рабочий класс на смены гудком некогда, Томск вынужден юлить тут деревенскими улочками и вывесками. И я юлю мыслями, жаркие окна новостроек и одинокие окна изб подогревают воображение – неизвестно, как этот пасьянс сложится, если я выскачу за незнакомкой. И главное – где выскочу. знаю, что есть тут откровенно бандитские испокон двадцатого века районы, где могут прирезать незнакомца просто из-за вида его пёстрога. А тут, к тому же, не пустой – сам привёз, чем поживиться. ублюдки-уркаганы-убийцы закусят водку детским питанием с грубым хохотом, чокнутся трофейными баночками, налив ровно по пятьдесят...

Игровая двусмысленность может вгонять в ступор нерешительности или же веселить – что-то произойдёт... Но тут снова вовремя раздаётся вибрирование в кармане, это звонит жена, словно чувствует моё жжение-напряжение на расстоянии. И двери открылись как раз, остатки салона вываливают, платят кондукторше, ранее мной незамеченной.

- Ты где?
- Да вот еду всё, сел на тридцать третий вместо тридцать четвёртого.
- Ну, это ты долго будешь ехать. А мы ждём папочку на тётчины пироги и даже пиццу!
- Еду-еду... Пока!
- Пока-пока.

Входящие спрашивают: «До Авангарда идёте?». Это концертный зал, где выступают столичные попсари и рокеры, кажется – и он точно в какой-то запредельной от нас части города. куда же мы всё-таки ка-тим?! Что-то мне перестает всё это нравиться. Но девушка напротив, слышавшая мои короткие реплики, нравиться продолжает. она снова будто ничего и не слышала, оглядывает зашедших, даже кому-то пояснила, куда автобус идёт. Меня теперь волнует вопрос: она проехала свою остановку или нет? Кто из нас держится за другого, а кто нет? Я-то до упора еду, а вот она?

Вошедшие расположились в задней части салона. Теперь спереди – только я, она, да семья водителя – Как я раньше не догадался? – Жена его молодая это кондуктор, а сынишка их за компанию, оставить не с кем. Жена шофёра на меня всё время, принимая червончики и пятаки, глядит весело. Она заметила, что я здесь старожил, уже около часа еду, равно как и девушка, и что-то нас держит...

Чтобы вести разговор, надо снять кольцо, по возможности незаметно. Засовываю правую и весьма неправую сейчас руку в карман, тихо оставляю там кольцо – визуальное предательство совершено, обман начинается... На некоторых остановках стоит столько народу, что ясно: автобусы тут редкость. Они лезут из осени, из прохладного уже вечера в наш салон, как в последнюю возможность покинуть хмурые кварталы частного сектора. Это вроде Подмосковья, где заборы резко сменяются панельными возвышениями...

Наконец, долгожданная зашедшими прежде, какая-то крупная остановка у торгового центра и снова пивных – вымывает из салона всех, если верить ушам, оглядываться-то тоже не полагается. сейчас уже два внимания обращены на меня – жены шофёра и институтки. да, флирт-шоу может начаться в любой момент. и этот полосатый весьма красноречив, если решится.

Груди у неё нет практически – настолько юна и не наполнена веществом будней первокурсница. Но видно, что непопОва её красота – лицо сообщает многое. главное – внутри, чёрт меня побери. Её спокойный взгляд в окно показывает, что волнение в данный момент – только на моём полюсе. Мужчины вообще взволнованный вид – им надо стараться в отношениях с женщинами, всегда, они являются двигателем и питанием... Теперь я поигрываю своей некольцованной кистью – но ей и дела нет до этого. Достает свой мобильничек с какой-то висячей на нём игрушкой, прошлогодняя школьница... Прямой угол наших взглядов сохраняется. Она при этом придвинулась к окну, чтобы оказаться напротив меня совершенно. а снизу там, под коленом её в лосине – жарит пахнущий слегка нефтепродуктами выхлоп мотора, я это прекрасно знаю. Так устроен автобус – зимой этот подогрев радует продрогшие на тридцатиградусном морозе ноги, но сейчас, в тёплом октябре, да ещё девушку... Однако она терпит.

Надо спешить, по идее: чем дальше, тем больше вероятность её выхода. А я не успею сказать ни слова. о чём говорить? О, можно пообещать ей студенческие каникулы в Москве – не в первый раз, тут фантазия и импровизация беседы не подведут. Краснодарскую девственницу однажды так завлёл. Надо только сделать этот шаг на одно место вперёд: оставить сумку на своём и сесть напротив неё.

А новостройки всё кружат голову, а автобус всё извилистее едет вдоль каких-то заводских бетонных оград и кромешной тьмы, прореженной фонарями. И я улучаю момент, чтоб оглянуться, как бы любуясь ночным пейзажем: в салоне позади нас нет ни души. Что же это, если не судьба – из всего автобуса оставить лишь двух пассажиров и трясти их на круговых развилках, проверяя прочность сцепки взаимного внимания и чару пасьянсами окон?

И вся шофёрская семейка, включая сына, глядит на нас. меня разбивает нервное веселье. просто не могу уже не улыбаться – я это устраи-

ваю, может, чтоб показать ей, что сдаюсь. Но выходит, что колеблюсь. Немужское поведение: в таких ситуациях ожидают только решительности и нажима... А я отдаюсь полностью видимому всему за окном – улыбаюсь побеждающим меня пригородам, тем самым местам, где возможен наш совместный выход.

Если выйду, то другого автобуса в сторону дома не будет. Да и опаздывать далее некуда, и так уже ждут, волнуются – это будет выход из всей сложившейся до сих пор жизни, из своего проекта. Выход наугад, так как там – либо страсть и квартира каких-нибудь её друзей, а если уж повезёт, то её пустующая квартира...

Честный вход в неизвестность, как из поезда посреди полей случайной бестаможенной республики, выход на бис, на милость города, который может распахнуть недельные хмельные и страстные объятия, повести по квартирам знакомых её, а может и прирезать или избить всё в той же компании... Но прошли времена такого наобума – девяностые.

Обращаю, наконец, прямой, долгий, откровенный взгляд в её большие карие. Однако она, давая себя разглядывать, привычно выпрыгивает вниманием в окно, на этот раз уже без тени улыбки и симпатии на лице. Что-то не испуганное даже, а надменное и хмурое мелькнуло в карих и вокруг них. Да, я просрочил женское ожидание – а моё веселье-шоу, придурковатое и дурашливое, могло зарекомендовать меня только как сумасшедшего, зависшего в точке принятия решения, внутренне хохочущего над своим хотением её.

В этот момент – настало время её (законного по правилам игры) звонка другу, точнее, он звонит ей. Она улыбается как-то лично, видя имя на мобильном, говорит без какого-либо акцента, образованно так говорит – теперь мне, в ответ на речевую грацию реплик москвича, являя свою...

– Нет, вот еду пока...

– У меня всё прекрасно. (На последнем слове глядит иронично на полосы моей рубахи)

– Да, вот прям все пары о тебе только и думала... (Всё с той же, но усиленной какой-то обидой, иронией, уже ему адресованной – чувством дразнящей, но верной особы)

– Голодная, приготовь чего-нибудь, уже скоро. Целую.

Обыкновенная студентка. Наверное, снимает комнату пополам с парнем. их много тут таких, студиозусов – скорее всего, не томичка она, обознался. из Новосибирска или Омска, из академической семьи, поэтому такая чистая речь... Нормальная первокурсница – кто ж нынче без парней? Вот он и ждёт её, какой-нибудь веб-мастер, как и я работающий на дому в виртуальности Сети, а вечером награждаемый реальностью в её лице.

Тут она вскакивает, сбрасывает монетки в ладонь кондукторши, властно берётся за поручень, даже не глядя в мою сторону. Вид чёрных лосин сзади такой же не вдохновляющий, как вид спереди ниже лица –

какая-то неприветливая плоскость при широкой расстановке ног. Это всё не моё, и моим быть не желающее. Я не ошибся – прыгать сейчас ей во след было бы просто глупо. Однако я через сумку-якорь как-то накренился в её сторону, снова ожидая любого сигнала извне... Но его не будет, она торопится – голодная юная женщина хуже стихии. Если бы я её прижал где-то в подъезде и целовал, она бы дышала изголодавшимся нутром, слишком знакомый мне из моего прошлого (прошлого века, прошлого романа) запах...

На пустынной и ветреной остановке быстро выходит в серую тьму и возвращается как бы, будто автобус проехал лишнее. Мы остались теперь вчетвером в автобусе – и тут-то молодой шофёр погасил свет в салоне, для экономии да разогнался вовсю. Я всё так же улыбаюсь – может быть, с облегчением.

Вот кто охранял меня надёжнее сумки – ещё не говорящий сынишка молодой семьи. Он катит то вперёд, то по кругу свою пластмассовую жёлто-синюю, как моя рубашка, машинку. Он ведёт нас в своё будущее, путём семьи. наши с женой шофёра молчаливые улыбки – говорят больше слов. она видела игру страстей на моём лице, видела и весёлую истерику глаз моих, мелькавших вслед за любым оконным светом по оба борта автобуса... И благодарна мне за такое, а не другое решение.

Конечно, это бред. Меня ждут три женщины, из которых самая маленькая – самая властная. Её предать не имеет право не только моя мысль, но и мои пальцы, везущие ей всё, что в сумке... То, забираясь на горы, то вырuling на новые круги, где автомобили меняют по-томски свой курс – наш автобус следует неизвестным мне курсом, но домой.

И кажется мне уже, что это не автобус – поскольку высоко он так поднялся над светящимися окнами кварталами, – а самолёт. И он в ночи медленно планирует, снижается в город моей любви, моего и уже не моего, а моей наследницы будущего... На её родину.

Я не вышел в микрорайоны приключений, благополучно миновал Второй микрорайон – и приехал в город многодетный, мне доселе невидимый, населённый такими вот семьями, как эта, шофёрская. Город, живущий простыми, но очень важными жизненно заботами – живущий своим трудом и своей верностью. Опора личная, семейная тут важна, как асфальт под колёсами. Сколько он нарулит за месяц, Этот мой ровесник-шофёр? Тысяч пятнадцать, тут это ещё хорошо. Я получаю вдвое больше, но оптимизма моего не заметишь. А он улыбается, летит, снижается и в свою семейную жизнь, в свой домашний вечер – снимет мальчонку с мотора, обнимет жену... Видно, что роды не прошли для неё бесследно – она пополнила не только фигурой, но и лицом, поблекла, наверно. Сидеть тут кондукторшей без движения – работа не сахар, сахар в термосном чае полнит, но она не теряет всёлого выражения лица, надежды родить братику сестричку. Им хорошо вместе, они опора друг другу – каждый, поэтому мальчонка так уверенно давит на колёсики своей машинки. И это радует жену шофёра, не меньше, чем его самого... А моя жена куда красивее – просто красавица

стройнейшая рядом с ней. Только это не повод для высокомерия, это повод для солидарности. Весь рабочий город сегодня – со мной, и держал меня, сжимая заботливыми стенами ПАЗика, как натруженными, пропахшими машинным маслом ладонями.

молчаливый мальчик давит на колёса своей машинки, ощущая ладонью жар мотора под козухом – рабочий день отца позади. Жена его спрашивает:

- В город поедем?
- А кто-то ещё едет, спроси?
- Молодой человек, вы ведь до акадЕма?
- Да, как и договаривались, но спасибо за экскурсию.
- Не за что... Вам где остановиться?
- Да на остановке первой же, дом пять где.
- Можем прямо к подъезду.
- Второй этаж.
- Лестницу выдвинем...

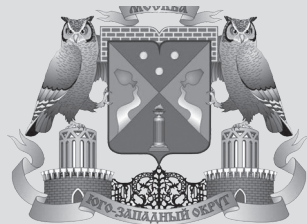
Весёлая жена – уже хорошо. Наконец, как-то косо, тем самым Иркутским трактом, автобус приземляется в знакомый мне лесной пейзаж у скрещения мостов, и теперь путь до остановки кажется короче и проще. Прилипшие к ладони пятаки и рублики, эту более, чем заслуженную плату за проезд, ссыпая торжественно жене, мальчик смотрит улыбаясь – он уже ощущает возвращение домой. Автобус семейного подряда становится только семейным...

Как же близко, но и далеко расположен нужный мне подъезд! Близко от остановки и далеко от момента смешливого риска среди светящихся вокруг автобуса окон. Вот и типовой домофон, железная дверь, покрытая досками, как во многих домах районов, где проезжали... Всё ещё присутствует рядом неким эхом вероятность безумного вбегания в город и чужой подъезд наобум с незнакомкой. Но нет: я уже другой, я уже не тот... Короткое взбегание по лестнице, и я дома. И запах отработавшей свою смену духовки приветствует, сдобный, слоёный, с отдалённой примесью пороха – плита новая, не прожаренная ещё. И быт потребует новых покупок, приятный, верный быт...

У светящегося как те, что наблюдал в пути, окна, забравшись в родной интернет, всё ещё ощущаю круговое смещение пространства – это автобусных извилин, движение во мне продолжается. И как я счастлив, что мой прицел не сбился, и я оказался из тысяч – именно в этой комнате! А за стеной крепко спит и доверчиво сопит малютка, так похожая на моего дядю – и только я это знаю И, только на краткие месяцы это сходство будет видно, подчёркивая преемственность всего родного в моей жизни, которую я не променял на другую и которая могла бы оборваться сегодня же. И в этих лентах новостей, что я пробегаю в поиске самого худшего – было бы известие о странной гибели нарядного поэта в трущобах...

Зовут есть пиццу.

Юго-Западный округ

Людмила
Королёва

Екатерина-
Августа Маркова

Яна-Мария
Курмаегалина

Андрей
Забурдаев

Серафим
Введенский

Алексей
Жирафов

К началу XIV века восходят первые дошедшие до нас сведения о селах, располагавшихся на землях современного Юго-Запада столицы. Великокняжеское село Ясенево впервые упоминается в духовной грамоте великого московского князя Ивана Даниловича Калиты. Этот документ составлен в 1331 году. Вдоль большой торговой Боровской дороги, которая в конце этого столетия протянулась до Калуги, появляются новые села и деревни – вотчины представителей видных родов московского боярства: Воробьево (боярин Кирилл Вороба), Деревлево (боярин Нестор Деревль), Семеновское (боярин Семен Жеребец), Воронцово (боярин Федор Воронец). Приблизительно со второй половины XVII – начала XVIII века в этом районе сосредотачиваются подмосковные усадьбы наиболее видных представителей столичной знати. Усадьбы Черемушки, Узкое, Знаменские садки, Ясенево, Воронцово, Мамоново полностью или частично сохранились до наших дней и составляют усадьбное «ожерелье» Юго-Запада. Великолепными образцами духовно-культурного наследия старины являются православные храмы. Восемь из них являются памятниками истории – это Большой Андреевский монастырь, храм Живоначальной Троицы в Воронцово, храм святых Бориса и Глеба в Зюзино, храм Казанской иконы Божией Матери в Узком, храм Знамения иконы Божией Матери в селе Захарьино (возраст последних двух храмов насчитывает более трёхсот лет).

ЛЮДМИЛА КОРОЛЁВА

ПРОЗРЕНИЕ

«...Смотрим, как безвестна, чуть видна,
Мимо нас действительность несется...»

Л. Сирота

Для души и для глаз наступает однажды прозрение...
Убежать бы, уехать бы прочь из бетонной жары,
Отмести все дела и проблемы, по сути-то бранные,
Оставляя глядящие ввысь городские шатры.

И в уютном вагоне, где явится память попутчицей,
Наблюдая в окно за гурьбой белоногих берез,
Ты внезапно, возможно, почувствуешь, если получится,
Возрождение души, осознавшей ошибки всерьез.

Осознавшей, познавшей, принявшей утраты, лишения,
Всю ничтожность и глупость постылой пустой беготни,
Вновь увидев края... Там, где лилий ростки длинношее
Тянут головы к солнцу и небу, куда ни взгляни.

Где легко, незатейливо кружит и кружит капустаница,
С накренившихся веток сирени спорхнув на траву,
А потом вдруг так близко... у ног в незабудки опустится –
Если есть где-то рай, то вот здесь, пред тобой, наяву!...

Как порою бываем мы скоры в неверных решениях,
И теряем все то, без чего нет возможности жить
До невысказанной тяги в груди, до подкожного жжения,
Чтобы переболеть и к истокам шаги совершить.

...Но сойдя на перрон здесь, на этой затерянной станции,
В безрассудстве и немощи долго себя не вини.
Пусть назад не вернуться, пусть прошлое прошлым останется, –
У прозревшей души есть надежда на лучшие дни...

ВОКЗАЛ ДЛЯ ДВОИХ

Два часа на любовь.
Место встречи – Вокзал для двоих.

Сдан тяжелый багаж, и запущен невидимый таймер.
И душа оживает на время под давящим камнем
Или нет, не душа... просто некий безвестный двойник.

Ей комфортно вполне... на исходе рабочего дня,
Только стрелки нещадны... Им вместе остаться бы вечность,
Но... желанья – всего лишь... желанья, они словно свечи –
Непрерывно растают, объятые жаром огня,
Расточая тепло. А его ведь так важно сберечь,
Друг для друга вложить в мимолетность улыбки и слова,

Чтоб в слепой безысходности жизни заполнился снова
Старый зал ожиданий надеждами будущих встреч

До того, как привычно ладони отпустит рука,
До того, как защиплет глаза от... горчайшего дыма,
И прошепчет душа монотонно и необратимо,
Кем-то свыше написанный, неоспоримый указ...

Будет вечер июльский как прежде безоблачен, тих.
Он, прощаясь, вздохнет... и расправит усталую спину...
И послышится Ей:
«Провожаящих, просьба покинуть...»

Свой лимит исчерпал
Опустевший вокзал для двоих.

МОСКВИЧИ

Кленовым листьям протяну ладонь,
Осенний день велит остановиться.
Мы, как никто, устали от погонь
За чем-то большим, чем в руках синица.
В пылу толпы, в плену людской молвы,
Забыв себя, не помня дня и ночи,
Век коротаем в суете Москвы
Но всё же счастье для нее пророчим.

Пока светлы над нами купола,
И детский смех дворовый шепот будит,
Не разделить надежды и дела,
В калейдоскопе непохожих судеб.
Мы друг за друга, значит – заодно,
Все так же дышим и живем столицей.
Нам – москвичам, как никому, дано
Любить Москву и за нее молиться.

ЕКАТЕРИНА-АВГУСТА МАРКОВА**ПОБЕГ**

Опять мне грязь месить,
 По дорогам колесить,
 По округам голосить.
 Где моя краса
 И где моя коса?
 Ты душу колесовал,
 Ухает сова.
 Из звёздного кувшина
 Прольется тишина.

След мой остынет
 Под твоим окошком,
 от твоего имени –
 мне – скатертью дорожка.
 Я давно уже верю в потери,
 Улетаю без стаи,
 В пространстве истаяв,
 Низложенную,
 разбитую наголову, дорога схавает,
 Боже! Избавь от лукавого...

ЛЮБИМАЯ

За устаревшим тюлем
 Вселенная в миниатюре,
 Под новогоднюю музыку
 Ступает прохожий узеньким
 Переулком переулочком,
 Пряча бутылочку, бочком.
 А та, что жизнью для него стала,
 Так от него устала,
 Такая хрупкая, его голубка,
 Что скинула его ненужной ношею
 Под снегопад непрощенный.
 Звезда на землю падает,
 Прохожего не радуется...
 С печалью неутолимую
 Твердит он имя любимое.

ДНИ

Дни в декабре короче свиданья в тюрьме,
 Так и живём от тьмы к неизбежной тьме.
 Мерклой луны бесцветное солнце не горячий,
 Стынь безответней твоих безрассудных речей.

Что всё забористой от палёного коньяка,
 Будто в отходах примёрзших Москва река.
 Грусть моя делается неземной
 Этой раскрашенной к празднику шалой зимой.

Памятник Пушкину скрылся в гирляндах, будто ему
 Здесь и не рады, будто продажная мёрзлая бэ...
 Только сидят и глядят А и Бэ на трубе.
 Тошно мне вдруг от носителей языка,
 Где же ты друг?
 Где твоя ледяная рука?

СЛЕЗА

Нет, не кончится всё абсолютной той
 всепоглощающей пустотой,
 после которой нет запятой,
 всё, что во мне
 существует и помимо, вовне.
 На земле коровьи стада,
 на небе туч стада
 движутся туда-сюда,
 как возвратным течением вода.
 Отсвет в глазах при свечах
 к утру постепенно зачах.

На путях, на крутых и пологих,
 страх и любовь, любовь для немногих.
 Жалобны жабы, а крысы мудры,
 что красота, что уродство?
 Сколько и до какой поры
 можно друг с другом бороться.
 Течёт слеза по моей скуле
 и прорастает в земле...

ЯНА-МАРИЯ КУРМАНГАЛИНА

* * *

разговор в кофейне зыбок словно бриз
я сижу рисую рыбок как матисс
голубей больных на ветке корабли
я рисую на салфетке как дали

а вокруг глинтвейн разносят и покой
по тверской блуждает осень по ямской
по асфальту – серой жиже – тут и там
как слепой дега в париже – по мостам

за окном намокший пушкин и бульвар
выпьём с горя где же кружка и словарь
крепкий кофе сигареты аква блю
нет ответов нет секретов не – люблю

* * *

закругленного неба скомканный парашют
в рюкзаке холщовом с наклейкой из дальних мест
расскажи мне кто ты и как тебя назовут
в середине голоса с миром наперевес

у меня с расстояния вытянутой руки
полумертвый город обветренные дома
расскажи мне как ты – с жизнью ли напрямки
расскажи мне где ты – я не найду сама

по забитым полкам скарб мой словесный весь
из походных сумок – стопками по местам
расскажи мне где ты – я не смотрела здесь
расскажи мне кто ты – я не искала там

где возможно небо где книжная пыль горька
где увижу сквозь время как в новом спокойном дне
ты достанешь из сердца смятые облака
развернешь под солнцем и улыбнешься мне

* * *

утренний воздух слегка горчит льётся в туманное молоко
как хорошо мы с тобой молчим так невесомо и далеко

город осенний тяжёл и зрим в стеклах витрин не поймать теней
как хорошо мы с тобой горим в вечном дедлайне коротких дней

где ни секунды не постоять крутится-вертится шар земной
как хорошо что тобой – не я как хорошо что и ты – не мной

падает серый на лица свет прячется эхо за шум и гам
как хорошо что тебя здесь нет как хорошо что и я не там

где теплотой голоса полны где посветлевших не спрятать глаз
где по хорошему мы больны теми кто завтра полюбит нас

* * *

в кафетерии пахнет цукатным хлебом
запах кофе тонок как органза
я сажусь под плакатом наоми кемпбелл
переждать покуда шумит гроза

вызревающий вечер обметан синью
а напротив у стойки где ярк свет
золотистая девушка в джинсах скинни
улыбается парню в бейсболке ред

за окном в отдалении звенит столица
разбиваются капли искрят вразлёт
и горчит в стакане моём корица
а у них в бокалах темнеет лёд

но когда оттремят в водостоках реки
время выйдет за мною в дверной проём
где мерцает воздух как платье бейкер
а они останутся здесь вдвоём

АНДРЕЙ ЗАБУРДАЕВ

* * *

«Понимаю – ярмо, голодуха,
тыщу лет демократии нет,
но худого российского духа
не терплю», – говорил мне поэт,
«Эти дождички, эти берёзы,
эти охи по части могил», –
и поэт с выраженьем угрозы
свои тонкие губы кривил.
И ещё он сказал, распаяясь:
«Не люблю этих пьяных ночей,
покаянную искренность пьяниц,
достоевский надрыв стукачей,
эту водочку, эти грибочки,
этих девочек, эти грешки
и под утро заместо примочки
водянистые Блока стишки;
наших бардов картонные копыя
и актёрскую их хрипоту,
наших ямбов пустых плоскостопые
и хореев худых хромоту;
оскорбительны наши святыни,
все рассчитаны на дурака,
и живительной чистой латыни
мимо нас протекала река.
Вот уж, правда – страна негодаев:
и клозета приличного нет», –
сумасшедший, почти как Чаадаев,
так внезапно закончил поэт.
Но гибчайшею русскою речью
что-то главное он огибал
и глядел словно прямо в заречье,
где архангел с трубой погибал».

* * *

«Ты умер, а мы ишачим,
но, впрочем, дело за малым.
Ты спал под живым кошачьим
мурлыкающим покрывалом.
Всё, что намурлыкано за ночь,
ты днём заносил на бумагу.

А низколобая сволочь
уже покидала общагу.
Ты легко раздаривал милость
растениям, детям, собакам.
А сволочь уже притаилась
в подъезде за мусорным баком.
Не слишком поэту живётся
в краю кистеней и заточек.
А кошкам не спится, неймётся,
всё ждут, когда же вернётся
живого тепла источник».

* * *

«Ах, как нам было весело,
Когда швырять нас начало!
Жизнь ничего не весила,
Смерть ничего не значила.
Нас оставалось пятеро
В промозглом блиндаже.
Командованье спятило
И драпало уже.
Мы из консервной банки
По кругу пили виски,
Уничтожали бланки,
Приказы, карты, списки,
И, отдалённый слыша бой,
Я – жалкий раб господен –
Впервые был самим собой,
Впервые был свободен!
Я был свободен, видит бог,
От всех сомнений и тревог,
Меня поймавших в сети.
Я был свободен, чёрт возьми,
От вашей суетной возни
И от всего на свете...
Я позабуду мокрый лес.
И тот рассвет, – он был белес, –
И как средь призрачных стволов
Текло людское месиво,
Но не забуду никогда,
Как мы срывали провода,
Как в блиндаже приказы жгли,
Как все крушили, как могли,
И как нам было весело!»

СЕРАФИМ ВВЕДЕНСКИЙ**ЛОЙС**

Вот время проходит, за временем мы
идём по дороге из света и тьмы,
затем пропадаем в пучине.
Рассвет, словно вены, встаёт на дыбы,
в закате мы видим превратность судьбы.
Смерть пьёт за углом капучино.
Построим забор и укроемся там,
чтоб нас не нашли. Ни друзьям, ни врагам
не вышлем свои позывные.
А время проходит, его не догнать –
всем смертным понятный до боли догмат
иль догмат, как скажут другие.
Оставлена родина, словно «бычок»
здесь на подоконнике, где пару строк
гвоздем нацарапаны ржавым:
«Ты вышел однажды, куда-то идёшь,
а время фырчит, как в траве злобный ёж».
Такие витают здесь нравы.
Искусство летит птицей киви с горы,
из каши мы льём по ночам топоры,
чтоб требовать вновь перемены.
Я слышу слова по вай-фаю эпох:
«Пора культивировать чертополох
всем скопом, немедля, в две смены».
Иначе наступит на горло беда,
и течь перестанет из крана вода –
так жизнь растеряет все свойства.
Поэтому нам остаётся одно,
смотреть в запотевшее счастьем окно
и ждать от всевышнего лойса.

ПРИЗНАТЬСЯ ЧЕСТНО

1

Топил я как-то печь в пруду,
а воздух мимо плавал брассом,
и мироточила в бреду
иконка на айфоне квасом.

Посты стояли на посту
в штыки воспринимая совесть.
Тянуло ветром за версту
и горизонт был с полем ровень.

Я полз мейнстриму вопреки
на берег смысла, чтоб однажды
я умереть вблизи реки
был вынужден от сильной жажды.

А лето по стеклу стекло.
На тренажёре жизнь бежала.
Признаться честно, мне везло,
ещё честней, мне было мало.

2

Признаться честно, я забыл
про мягкий знак внутри глагола;
Нет, жизнь моя, я не дебил,
не виновата в этом школа.

Я так себе был ученик:
лентяй, прогульщик, неумеха.
И в содержанье школьных книг
искал усладу и потеху.

Не понимал, что от меня
им надо всем, какие знания?!
Ведь за окном обломки дня
горели прям на крыше зданий!

Один из класса замечал,
как умирает снег в апреле,
что на ветру скулит свеча,
как ночь валяется в постели.

Признаться честно, я забыл
про всё на свете, кроме рифмы.
И рад, что не познал судьбы
считать усердно логарифмы.

АЛЕКСЕЙ ЖИРАФОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необходимо сказать несколько слов...

Литературные портреты – не пародия, не ирония, не насмешка. Выхваченные из сложного полотна писательской жизни, эти короткие заметки призывают только к одному – читай, друг! И, возможно, какая-то чёточка, на(со)блюденная автором, найдет отклик и у тебя!

Большие или великие писатели могут жить вечно, но лишь в своих читателях, и наши литературные портреты напоминают, что помимо букваря и пособия по ремонту мостов, есть литература и сочинители, требующие вашего сердца и душевного соучастия. И чувства (чувства) юмора...

Ещё одно предисловие.

МАНИФЕСТ СВОБОДНЫХ ХУДОЖНИКОВ

Для вас, знатоков чужой жизни, для профессионалов чужого белья, написаны эти портреты... Человек порой не знает самого себя, а вы тщитесь разложить по полочкам и углам художника, самой природой задуманного, как непостижимого и гения (даже если он прост и вполне человечен). Фиг вам, интеллектуалы-маргиналы и заумные тупицы! Этими портретами мы подтираем все недочеты жизнеописаний и (одновременно) надтираем задницу всёзнайкам и снобам от искусства.

Абсолютное незнание личной жизни любимых писателей наполняет меня чувством восторга, благоговения и верой в необычный завтрашний день.

Итак, основная идея «Портретов» – вызвать у читателя желание перечитать... кого угодно, посмотреть вдаль незамутненным глазом и вспомнить свои литературные открытия...

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Василий Шукшин и Александр Куприн

Порочный сосед Васюкин жил по соседству, в комнате напротив. Трудно найти человека с таким безупречным набором пороков, недостатков и извращений. В старые времена ни одна организация не приняла бы его в свои ряды. Даже известная своей терпимостью и всеохватностью игра «Зарница», ГТО и пионерлагерь «Звёздочка Севера», что располагался в Оймьяконе, самом холодном месте на планете! (обэтом восторженно, в своё

время, писала «Пионерка» и её сестра «Правда», которых тоже уже нет). Семен Яковлевич (Очень подозрительное отчество. И имя. Хоть сам происходил из Ярославской губернии, деревня Слезы из очень нищей семьи). Много курил, пил практически каждый день, но не хмелел до беспамьяства (очень подозрительно, если бы не деревня Слезы, где навыв к питию, думается, был приобретён с неразбавленным молоком матери-алкоголички и под причитания отца-евнуха, передовика сельхоз производства). Много читал, избегая центральных газет и книжек в мягких красноватых обложках из серий «Революция продолжается», «Герои-пятидесятники» (о стахановском движении в колхозах) и т.п., в библиотеке его привечали... Да уж что ж! Библиотеки всегда были рассадниками веротерпимости и интеллектуальной распущенности, потому что книг много, авторы разные, выбирай – не хочу! Можно вообще ничего не читать.

Особонужно отметить, что женщины к нему приходили. Разные. Источки зрения... забыл... этого... доктора... Бонч-Бруевича или какого?... – много. Ну, понятное дело, мать, чистенькая такая старушенция, в платочке, не красовская женщина, плохого не скажешь... Убраться, обстирать, накормить. Но были и молоденькие, лет тридцати-сорока пяти, касирши, думается, с Курского вокзала (он был близко от нашего дома). Им что приспичило? Наглые, оголтелые, с накрашенными губами, матершинницы и лесбиянки! Хохотали громко, пели под гитару, курили (дым шёл прямо из замочной скважины), пили (баловались и водочкой, и портвешком, и сухиньким, и пивца было море, несколько раз – даже виски!), бессовестные, две, поэтессы, из постоянных, в очень коротких, стриптизных юбках. Мне, лично, нравились.

Приходила и одна учительница начальных классов из школы № 693, умом тронутая, в белых колготках, на шпильках. Убогая, простите за выражение, а за тем же – дай ей любви, о которой в азбуке — ни слова! Тоже, наверное, материлась, как выпьет, тайно. Может и сестра, не хочу врать. А сам-то... как выйдет, обязательно – воздушный поцелуй и кланяется, в пояс, будто на параде. Издевался... Нас за людей не считал. Человек из народа, Шукшин какой-то, тьфу!

ОДНОФАМИЛЕЦ

Иван Бунин. Сергей Есенин и Андрей Платонов

Атаман Ванька Бунин...

Сколько крови нам попортил, сколько выпил! Лютовал...

Вот случай. Поймали его наймиты местного учителя, присланного из уезда. Как глумился над пареньком, как издевался! Требовал, чтобы наизусть читал Пушкина, Фета и ...еще.. запомнил! Наш не из трусливых, гордый человек. Да и не знал он этих товарищей, потому как грамоту осилил за неделю до плена. Не успел наших революционных поэтов и сочувствующих прочитать! Нашему брату не впервой –

приготовился умирать. А этот, за то, что грамоту знает и любит стихи Есенина (сочувствующий нам поэт, из Рязанской губернии), отпустил его... с трёхтомником Груши Крапивницкой (известная, говорят, была писательница до войны и революции). Образованный, гад, человек, из дворян.

Не смогли поймать, подвесить за я...ца, ушел, сволочь, по гати, по черноталу. Оказался во Франции, сбрил усы, стал профессором в Сорбонне. Студентов тоже, наверняка, мучил. Садист. Монархист. Белая косточка. (Ну, а того паренька наши же вскорости и расстреляли... За что уже и не помню. Что-то не то сказал нашему продкомиссару, когда излишки всего изымали у сочувствующих. Но без всяких мучений: приговор ревсуда, скорый и справедливый, наш Полищук из нагана два раза пальнул, и в овраг, за селом, сбросили. Парнишка худющий, лёгкий такой...)

ДРУЗЬЯ

Оскар Уайльд, Василий Аксенов и Владимир Сорокин

В этом сельскохозяйственном техникуме они были всегда изгоями. «Серпуховских» здесь не любили, старались сделать гадость, порой вызывали на драку. Всё же доучились, были лучшими «хорошистами» на своём, животноводческом, курсе.

Прошло время.

Из троих в живых остался только один из друзей.

Первого, самого светлого, жизнь оставила в экспедиции. Пьяный водела, на повороте, бросил тяжелый мотоцикл с коляской в немыслимый цугцванг. Андрюху придавило коляской, пробило грудь, легкие. Умер с улыбкой, еще до операции, был самым добрым.

Второй, известная персона, и.о. Президента Федерации гольфа и хард-бадминтона, в шейном платке, с подведенными глазами, пальцы тонкие, такие тонкие... как у паука его холодные волосатые ноги. А в сердце – его друзья, до смерти. Он тоже хороший человек.

Третьего всегда – утром до одиннадцати, и вечером – после семи – вы можете встретить у рюмочной на Берсеневской набережной, и у магазина «Только для толстых», и салона косметического облегчения «Елизавета».

Можете спросить у него:

– Почему вы, последовательно, сожгли первый, второй, третий и начало пятого томов ваших «Нежность на границе дозволенного» и «Амстердам не продается»?

Он, или кротко улыбнется, промолчит. Или попросит немного денег. Дайте. А, если вы не сволочь, дайте еще. Он хороший человек, только странный.

ГЕНИЙ ПРИ ЖИЗНИ. ПРОДАВЕЦ

Антон Чехов и Аркадий Аверченко

Он говорил с тем бархатным, южным оттенком звука, что прельщает всех без разбору женщин, и молодых, и старых, и делает ручными отцов семейств, невротиков, лошадей и собак-кавказцев. Он продавал любой товар, и некоторые, приходя домой, долго не могли придти в себя, разложив покупки на полу или кровати. Ничего из того, что они только что купили, было не нужно. Мистика... Но проходило время, и рожок голоса снова звал на рынок. И ноги сами собой поворачивали к заветному месту, где волшебник из неведомой страны (был он наполовину татарин, хотя родился под Тулой), Ашот, раздавал (продавал) подарки, каждому – свой. Люди улыбались, некоторые хмурились, задумываясь о своей беспросветной жизни, некоторые – стояли, открыв рты и глаза, любуясь подавальщиком чудес. Утешитель для слабых и тонких, юморист – для сильных и умных.

Таких сейчас нет.

НАСТОЯЩИЙ МУЖИК

Николай Гоголь

А что не знаете, что в тяжелую минуту нас может спасти только сакэ? Или виски, или водка? Или не менее божественный пастис... А кальвадос? Напиток деревенских дурачков и великих сыщиков, казалось бы. Все они скрыты под разными названиями. Но суть одна. Приходит время. Или времена... Когда мужику необходимо укрепиться в том, что он – соль земли. Что он знает, как крутится жизнь, что женщина, бывает... – это всё. Что небо и солнце – это твоё. Ты идешь по пахнущей свежими огурцами после дождя сельской дороге, ноги разъезжаются, сам весь промок, а ощущение восторга перед полнотой жизни не оставляет тебя! Даже, если, спустя неделю, ты умрешь от крупозного воспаления легких и тяжелых.

Это, ребята, жизнь. Настоящая.

Западный округ

Олеся
Николаева

Виктор
Пеленягрэ

Владимир
Миодушевский

Ольга
Дормидошко

Евгений
Медведев

Ирина
Бортничук

Современный Западный округ возник на давно известных поселениях: еще во втором тысячелетии до нашей эры эти земли занимали скотоводческие племена так называемой фатьяновской культуры. Орудия их труда обнаружены в ходе раскопок в Крылатском, Дорогомилово, на Воробьевых горах.

Одно из городищ располагалось близ устья реки Сетунь, а другое – на территории нынешнего Филевского парка. Группы курганов в Филях, Матвеевском, Очаково, Крылатском, Раменках и Тропарево свидетельствуют о заселении этой территории племенами вятичей. По соседству с курганами были расположены вятичские деревни, следы которых открыты в Матвеевском, на устье Сетуни. В конце XIII века образуется самостоятельное Московское княжество, и тогда же появляются села Аминьево, Волыньское, Тропарево, бывшие вотчинами боярских родов. Тогда же возникают вотчины в Воробьеве и Крылатском. Село Троицкое-Голенищеве с XVI века было владением митрополитов, а позднее – патриархов «вся Руси», а село Крылатское на протяжении нескольких столетий находилось в числе царских вотчин. В XVII–XVIII веках в этих местах появляются усадьбы Милославских, Нарышкиных, Мстиславских.

В конце XIX века здесь прошла железная дорога до Смоленска, а позже была проложена магистраль на Киев, что дало мощный толчок развитию района. Сюда из центра Москвы переводятся фабрики и заводы. Вдоль железных дорог возникают склады, селятся люди, возникают многочисленные дачные поселки.

В начале XX века строится Рублевская водопроводная станция. После 1917 года на территории развивается местная промышленность, строятся школы, больницы, ведется жилищное строительство.

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА**НЕВЕСТА**

Там такие разлучницы рыскают, сводницы, ведьмы, колдуньи:
 то дуэньей прикинута, то каркающей вороной,
 по лицу то веткой помажут, то шёрсткою куньей,
 то гнилым болотом дыхнут, то гадкой кожей варёной...
 Потому-то страшно невесте девятнадцатилетней:
 уведут желанного жениха, заколдуют в принца Оленя,
 по кривым путям заматают, заморочат голову сплетней,
 перепутают нити судьбы в роковом плетенье.
 Заговорят Финиста Ясного Сокола, царевича Елисея,
 заплетут ноги хвощами, завяжут борщевиками,
 сманят на сторону далече: «Что, мол, тебе Расея?»
 Ищи его, девятнадцатилетняя, с розовыми щеками!
 Становись девой-воительницей и проси подмоги
 у яблоньки чудодейной и у волка хромого,
 у зайца с порванным ухом, у ласточки-недотроги,
 у проглотившей жемчуг рыбы царства немого.
 И побеждай, наконец! Музыкой беспечальной
 из хтонических бездн вырывается легкокрылый Эрос!
 И пока вокруг аналоя ты идешь со свечой венчальной,
 для тебя кончается лирика и начинается эпос....

* * *

Белый-белый кораблик по небу плывёт,
 а о нём на земле нежный отрок поёт.
 И его слышит некий прохожий
 и уносит мелодию эту с собой,
 и погонщик с волами и старой арбой
 подбирает мотивчик похожий.

...Насыщается музыкой легкая пыль,
 ткань земная словесной становится; былъ
 баснословнее, чем небылица.
 А как только привидится смерть с узелком,
 кто имеет полцарства – берёт целиком.
 И уже ничего не боится.

ОСЕНЬ*Саше Столярову*

Земля скорбит и с ветром на паях
 поёт прощание шмелям и чёрным розам,
 да всхлипнет вдруг... И у неё в друзьях
 лишь меланхолия с анабиозом.
 И заразителен печальный этот вздох.
 День выдохся и сдулся, двинногривый.
 Конвой устал, и спекся скоморох,
 и сдался муравей трудолюбивый.
 И если даже знать, что мир-труд-май,
 что жизнь – борьба на рубеже эпохи,
 ты страсть к победе запихнешь в сарай,
 потратишь дни на ахи и на охи.
 Ты бродишь в снах, клубишься, как туман,
 и время вспять пытаешься подвинуть.
 Спроси: «Зачем земля себе в карман
 кладет людей и забывает вынуть?»

ИЗ КНИГИ «AMOR FATI»

Здесь всё бывает: здесь вода горит,
 орёл сажает отрока на плечи,
 вол славословит, лошадь говорит
 серьёзным голосом совсем по-человечьи.
 Кладоискатель обретает клад,
 купец – жемчужину из глуби океана,
 и погорелец всё своё – назад
 получит без издержек и изъяна.
 И всё, о чем душа среди тесноты
 мечтала в сумерках и в сказках сочиняла,
 здесь обретает вещие черты,
 с лица земли срывая покрывало.
 Дождём целебным в поле моросит,
 седлает демона, взлетает ввысь на гребне
 и по утрам по-бабьи голосит
 на благодарственном молебне.

ВИКТОР ПЕЛЕНЯГРЭ**НАВЬИ ЧАРЫ**

Вольный баловень забавы
 В тёмный лес тебя влекут
 Девы, жены, шлюхи, павы
 Сладострастные отравы
 Так из нас верёвки вьют
 Для тебя в чащобе злачной
 Бьёт кастальский ток прозрачный
 Как сердце любовный жар
 Ты, кого зовут в постели
 Рассыпая свист и трели
 В глухомани навьих чар
 Всюду феи и колдуньи
 А взглядишься – лгуньи, лгуньи
 Где-то люди, воля, свет
 Но туда мне ходу нет

УРОКИ МУЗЫКИ

К чему загадывать? В глуши невыразимой
 Нам дней отпущенных так ясен промежуток
 Когда, откинувшись, ты станешь уязвимой
 А мне, как водится, под юбкой не до шуток
 Как ты податлива – рука скользит всё выше
 Вся в чёрном бархате растаешь, изогнувшись
 Не может быть, что так становимся мы ближе
 Но ты потворствуешь, чему-то улыбнувшись
 Ты такходишь на простертую Изольду
 Что поневоле станешь призраком Тристана
 Когда скользят мои колени, словно по льду
 Ты мне вверяешься – легко и неустанно
 Ах, эта пыль! Ах, этот прах хмельного чувства
 Мы в чудный узел страсть связали воедино
 А где, скажи, ещё займёшься от искусства
 Сладчайшей музыки на крышке пианино

НОКТЮРН В ЖЁЛТОМ

Ты – жёлтый цвет моей разлуки
 Непоправимый жёлтый цвет
 Ван Гог в подсолнухах от скуки
 Волшебной кистью ловит звуки
 И полыхает белый свет
 Легко слетают листья липы
 И воздух свеж, как апельсин
 Желтеют призраки и всхлипы
 Безумных женщин и мужчин
 В соседнем доме окна жёлты
 И фонарей очерчен круг
 Ржавеет на губах: пошёл ты
 И множит эхо жёлтый звук
 Ступает золотая осень
 По жилке жёлтого листка
 В раскатах корабельных сосен
 Со мною жёлтая тоска

* * *

Этот город я знал наизусть
 На холмах цепенели церквушки
 Вдоль дороги брели побирушки
 А у въезда грозились мне пушки
 Я сюда никогда не вернусь
 Черта с два я слезами зальюсь
 Где вы, девицы, ласточки, душки
 Смолкли громкие наши пирушки
 Но пером от случайной подушки
 Я с тобою за всё разочтусь

ВЛАДИМИР МИОДУШЕВСКИЙ**БИНОКЛЬ СЧАСТЬЯ**

Бинокль полевой сейчас
 Решил на грудь повесить –
 Он увеличит в десять раз,
 Или уменьшит в десять.
 Бегут ребята за рекой.
 Их не догонишь взглядом.
 Смотрю в бинокль полевой –
 Они как будто рядом.
 Вот скалит зубы злобный пес
 И страх ползет по телу.
 Бинокль вдаль его унес –
 Совсем другое дело!
 Бинокль волшебный есть у нас,
 С ним не страшны напасти:
 Уменьшит горе в десять раз
 И увеличит СЧАСТЬЕ!

КОМАР

Укусил меня комар очень бо-о-льно!
 И пищит он надо мною дово-ольно...
 Я хотела убить его сту-у-улом!
 Но попала комару прямо в ску-у-уду.
 Может, выбила зубов ему па-ару,
 Задала кровопийцу я жа-ару!
 Без зубов комар уже не куса-ачий,
 Он забился в уголок – горько пла-ачет.
 Не горюй, комар, не плачь понапра-асну,
 Сам виновен ты во всем – это ясно.
 Двух зубов и у меня тоже не-е-ету.
 Они вырастут у нас к тому ле-е-ету!

ГОТ И КОТ

Брат Антон в пятнадцать лет
 Перекрасил в чёрный цвет
 Волосы и всю одежду,
 Стал он не такой, как прежде –
 Важно по двору идёт.
 Он теперь зовётся – ГОТ.

Готом стал Антон реально,
 Жаль, что цвет не натуральный,
 А навстречу – чёрный кот –
 Вот кто натуральный ГОТ!
 Мы все куда-то шли
 Шли на руке моей часы,
 А я шёл по вагону,
 Шёл поезд в город Туймазы,
 Стуча по перегонам...
 Прошёл другой состав вдали,
 Обходчик шёл Артём...
 Заметьте – все куда-то шли,
 Но все – своим путём!
 Разноцветное эхо
 Каждое эхо – цветное:
 Зелёное эхо – лесное,
 Жёлтое эхо – пустынное,
 Белое эхо – лавинное,
 Красное эхо – закатное,
 Синих морей необъятное.
 Колодезно-чёрное эхо
 И РАДУГА – ЭХО от смеха.

ЛУННЫЙ ЧАЙ

Тихий вечер за окошком...
 В речке лунная дорожка.
 Я возьму с собой ведёрко
 Выйду к речке на задворки,
 Зачерпну воды с Луной,
 Принесу её домой.
 Мама, в чашки разливай!
 Пьём сегодня лунный чай.
 Старый альбом
 Листаем с бабушкой альбом,
 В нем фотографий много.
 Вот карапуз с большущим лбом,
 Подписано – «Сергея»...
 Спросил бабуся: «Это кто?»
 Меня потряс ответ!
 Сказала бабушка мне, что...
 Тот карапуз – мой дед!
 Смотрю на снимок я другой,
 Дыханье затая,
 Там – дед с седою бородой,
 А может это... я?..

ОЛЬГА ДОРМИДОШКО

* * *

Свет огнем вспыхнул после тьмы влажной,
Прогремел резко в тишине голос,
Как снаружи все в первый раз страшно!
Как вы терпите этот злой холод?

Но вот рядом та, чей родной запах
Я узнаю из большинства схожих –
И начнет счастье из очей капать,
Дайте же прижмусь к маме я кожей!

Так устал идти с высоты неба,
Выбирая дом для души вечной,
И принес дары: мощь волны пенной,
Свет волшебных звезд от дорог млечных,

Мудрость бытия, красоту храмов,
И огонь тепла, и любви радость –
Как хотела ты – так бери, мама,
И улыбкою сбереги младость,

Жизни точный ритм мне задай сердцем,
Песню вольную напевай смело,
Верой помоги отворить дверцу
В этот чудный мир – для меня первый.

* * *

Почти убитая сомнением,
Устав впустую воевать,
В плену у страха и волнения,
Смертям назло, она жива.
И сотни раз меня прощала,
Когда гнала из сердца вон,
Внимания не обращая
На вечного страдания стон.
А сколько раз она сносила
Удары трусости и лжи,
Как только сил ее хватило
Года предательства прожить?
Измученная, тянет руки,
Горя желанием помочь.
Дай Бог непониманья муки
Благоприятно превозмочь.

Пока еще не слишком поздно,
Услышу я ее мольбы.
Душа моя, прорвемся к звездам –
Отныне вместе надо быть!

* * *

Не предавай своих мечтаний,
Что рождены самой судьбой,
Не предавай ростки желаний,
Что так взлелеяны тобой,
Не предавай любви сияний,
Что свыше небом суждены,
Не предавай друзей молчаньем,
Когда совета ждут они,
Не предавай тех нежных, слабых,
Что так доверились тебе,
Не предавай тех сильных, властных,
Что вдруг окажутся в беде.
Не изменяй вовеки главным
И честным принципам души,
Не предавай их даже тайно,
Ведь от себя не убежишь.

* * *

Помнишь, как мир заняла темнота,
А жизнь отделяла от смерти черта,
Но ты взял у солнца пронзительный луч,
И день вновь пробился сияньем из туч.
Помнишь, как я разучилась мечтать,
И жажда чудес начала пропадать,
Но ты положил мне в ладони звезду,
С которой в волшебную сказку войду.
Помнишь, как трудно сквозь время идти,
И я окончательно сбилась с пути,
Но ты подал руку, позвал за собой,
И вдруг расстелилась дорога домой.
Прошу небеса увидеть хоть раз
Тебя – разбившего вдребезги страх,
Тебя – летящего в светлых мечтах,
Тебя – живущего в радужных снах...
– Смотри – я уже в твоих глазах,
Я в листьях деревьев и в брызгах дождя,
Я в радуге и в полевых цветах,
Останусь с тобою, весь мир обойдя.

ЕВГЕНИЙ МЕДВЕДЕВ

* * *

В сугробы вмерзшие машины,
метели затяжной дебют,
так что невольно люди стыннут
поэтому быстрее идут.

И на душе опять завьюжит,
и сердце затоскует вновь,
так что нахлынувшая стужа
войдёт в мою и плоть и кровь.

Так что захочется забыться,
и, вспоминая о былом,
знакомые припомнить лица,
и этот сад, и этот дом.

Оазис солнечного рая,
приют уютного тепла,
когда у старого сарая
меня подолгу ты ждала.

Когда парящие стрекозы
и удалые мотыльки
прельщали и когда морозы
ещё так были далеки.

* * *

Жизнь застряла как машина,
тормознув былую пруть.
Подожду пока, остыну –
больше некуда спешить.

Не вернётся всё, что было,
то, что будет – не узнать.
Так становится уныло
на душе моей опять.

И отсюда неумело
отвечаю невпопад
на вопросы – что же делать
.....

* * *

Почему дожди обычно вызывают в сердце грусть?
Я бы попросту ответил: если грустно – ну и пусть.
Значит, скрывшееся солнце не пускает больше тень
и невольно удручает бесконечно серый день.

Потому что у деревьев обречённо-мокрый вид
и трава под градом капель ошарашенно шуршит.
Потому что телефон мой не звонит уже давно
и кончается к тому же на столе моём вино.

Потому что канонадой раздаётся в небе гром.
ярко молнии сверкают за распахнутым окном.
Потому что, бросив разом все привычные дела –
несмотря на обещанье – ты сегодня не пришла.

* * *

Любите мир как средство к новым войнам,
предупреждал один мудрец народ.
Лишь кажется, что мир и всё спокойно,
на деле – скрытая война идёт.

Готовиться все время к обороне
давно вошло в привычку неспроста:
тогда наверняка никто не тронет
и совесть будет, стало быть, чиста.

И по-другому никогда не будет –
готов я поручиться головой –
ведь ясно, сколько существуют люди,
то столько и воюют меж собой.

Мы знаем это всё не понаслышке,
забыв про уважение, любовь,
от распрей устремляясь к передышке,
от перемирия к раздору вновь.

И бьётся сердце, словно в клетке птица,
предчувствуя дух гари и огня,
и снова в бой, покой нам только снится,
хоть боль утрат с годами не унять.

ИРИНА БОРТНИЧУК**ПРО ЛЮБОВЬ ИЛИ ДОЖДЕВОЙ ЧЕРВЯК**

Ты прекрасен как дождевой червяк,
как бархатный чёрный шнурок.
Как уловистый и строгий рыбак,
что принёс много рыбы в дом.
Как Мюнхаузен ты застрелил трёх утей
одним взмахом убийственного ружья.
И теперь не знаешь, кто круче тебя,
потому что добыл и форель!
И твой беззубый рот,
беззубый твой рот
прошамкал нежно:»Люблю»...
Я в ответ легко опалила грудь ощипанному утю!
В нашей жизни простой странностей нет.
И, нежно любя в ответ,
я в похлёбкинский маринад сую, всё,
что добыл ты, Мой Свет!!!
ВСЁ, ЧТО ДОБЫЛ ТЫ,
МОЙ СВЕТА!!!
ВСЁЁЁЁЁЁЁЁЁЁЁЁ!!!!!!!!!!!!!!!
ЧТО ДОБЫЫЫЛ, ТЫЫЫЫЫ,
МООООЙ СВЕЕЕТА!!!

ПОЕХАЛИ, ПОЕХАЛИ В МОСКВУ!!!

Поехали, поехали в Москву!!!
Скорей, бегом!!!
Пройдёмся по бульварам...
Купив портвейну, ляжем под траву,
не скошенную дворником-татаром...

Потопчем плешку, взглянем на реку-
Москву, от счастья оба задохнёмся...
Ещё глоток, ещё глоток, ещё глоток –
и до утра зальёмся
бродить по центру, милому нутру.

И там, где видел только кабаки,
стоят церквушки, церкви и соборы...
Волшебным мановением руки
они открылись ищущему взору...

Прекрасная старинная Москва!!!
Ещё не вся ты мэрами убита!!!
Хотя вокруг – бисквитные дома
лужковскою печатью ядовитой!!!

Бордюры жены Собянина везде!!!
И нет страшней изделий Церетели!!!
Терпели все, как голубые ели!!!
Но съели всё ж не всё!!!!))
Быть – Красоте!!!
Быть – Свету!!!
Быть Москве!!!
Быть – Красоте!!!

Москва всех перемелет, перетрёт)))
И явит всё живым и обновлённым
На радость старичкам и всем влюблённым!!!
Поехали скорей в Москву!!! К Москве!!!

* * *

Срамно сказать... или признаться?
Кровь будоражит радужный завод.
Одновременно радость он и мука.
Ни спать, ни есть, ни выпить не даёт,
не выпускает из пространства звука.
Потерян не один мобильный телефон,
ключи, перчатки, деньги... Домофон –
никчёмный! Код не вспоминаю!!!
Хочу домой – домой НЕ ПОПАДАЮ!!!
Из дней от солнца ярких – выпадаю!
Грядёт весна – её не замечаю!!!
НО НЕ СКУЧАЮ! НЕ СКУЧАЮ!
НЕ СКУЧАЮ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
Томлений, сна и аппетита – нет.
Но в бесконечном музыки пространстве,
забыв семью, друзей, О !ПЬЯНСТВЕ!, -
брожу, летаю, им дышу.
НЕ ПОКИДАЮ!!!
пока...

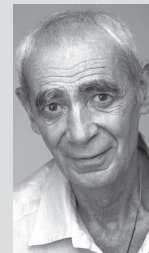
Южный округ

Ольга
Журавлёва

Олег
Ефимов

Гарри
Гордон

Богдан
Правда

Венера
Бицова

Татьяна
Беспалова

...Первые письменные сведения по истории земель, входящих в состав Южного округа, появляются только после монгольского нашествия. В конце XIX века первым московским князем Даниилом у Москвы-реки основывается Данилов монастырь. С началом XIV века связано первое упоминание селений Южного округа: в завещании князя Ивана Калиты 1336 году говорится о селах Коломнинское (будущее Коломенское) и Ногатинское (будущая деревня Нагатино), которые он передавал своему сыну Андрею Серпуховскому. Вскоре (до 1400 года) рядом с ними во владении серпуховских князей появляется село Дьяковское. В результате активной политики московских князей происходит интенсивный рост населения Подмосковья, которому не смогли помешать даже чумные эпидемии середины XIV века. В 1370 году основывается Симонов монастырь. Помимо чисто религиозных монастыри здесь постепенно стали выполнять функции сторожевых крепостей, ведь земли к югу от Москвы сильнее других страдали от татарских набегов. Такое положение этих земель препятствовало их нормальному заселению и заставляло московских князей прибегать к основанию слобод.

ОЛЬГА ЖУРАВЛЁВА

* * *

Оцепенение перед прыжком в Начало
 Напоминает родовую схватку истории Конца.
 В беспомощный комочек сжавшись, мало
 Всего лишь защититься от себя,
 Новорождённого для Света,
 И тут же, надвигающейся Тьмы,
 Себя – грядущего рассвета вселенной новой...
 Но, увы, выкручивая руки, жилы,
 Бессмысленную пантомиму боли, зла,
 Растрчивая волю, смыслы жизни,
 Лишь имитируешь ничтожный эмбрион,
 Едва ли намекающий на замысел творца...
 Окостеневшее, проросшее коростю насквозь,
 Уже не отойдёт от избранного курса –
 От самой сути жизнеутверждения над смертью,
 А потому возможно и не стоит так напрягать себя.
 Пустое. Лишь опять начав, от прошлого очнувшись,
 Родиться – чтоб уйти, закончится – вернувшись...

УЖЕ

Зиме конец!
 С печалью безазартно
 Бросает тень на пасмурный прогноз
 Фонарь дворовый. Беспризорный пёс
 Бежит по наступающему марту,
 Так, будто кто-то севший в чудо-нарты
 Сказал ему, чтоб веселее вёз...
 Стволы плакучих по весне берёз,
 Незримо набухающие вербы –
 Все призрачно-заведомые дебри
 Уже оставил ревностный мороз,
 Но отступая за рубеж огня,
 Надеется ещё на снисхождение
 Луною полной глядя на меня.
 И лапок птичьих бисероплетенье
 Под окнами на промысел еды
 Наброшено.

Предчувствие беды
 Уже не забирается под кожу
 Осин и ясеней.
 Тревожно-осторожна
 Проходит кошка призраком ночным,
 Задерживаясь на минутку возле
 Призывной метки блудного кота...
 А в воздухе такая чистота –
 И явным предисловием несложным
 Весны наивновеждой нагота.

ЕЩЁ...

Ещё не перешла зиме дорогу отчаянная оттепель,
 Но, среди заморозков утренних уже синиц позванивает лёд,
 Надменно отражающий в замёрзших гранях окон солнечный восторг
 Весны.
 Ещё не отметелила дворы, заставленные снежными сугробами,
 Не обморозила зима-задира до обморока стволы столетних тополей,
 Не распугала жгучими пощёчинами яблок багровеющих на лицах,
 И вот,
 Не скоро – а уже на днях – провозгласит свои права солнцестояния,
 Накинув взятку в несколько часов на круговерть привычной смуты, март –
 Не проиграть уже тут не получится, природа сама пасует перед игроком,
 Как знать,
 А только через постоянство голуболобой высоты нет-нет,
 да и проглянет Румянец нежного предупреждения
 о завершении жестоких игр ищ стужи,
 И в подтверждение – стозвонко с крыш обрушивают мёртвые осколки
 Мигранты...
 Но жаль немного тихого безмолвия седого, морозом нанесённого
 На крыши жилищ заиндевелых, на стёкла близ зимующих авто.
 А то –
 Уже вибрирует пространство переменой, передавая головную боль –
 Слетаются на саммит голубиный, сквозь галок синих гвалт и грай ворон,
 В надежде скорой отогреться птицы,
 Увлечены позолочённые синицы весёлым отпеванием Зимы...
 И радуются этим переменам!

ГАРРИ ГОРДОН

* * *

Акация высокая растёт,
Где я по целым дням сидел на ветке
И, равнодушно поднимая веки,
Следил за мною полосатый кот.
И мама возле самого ствола
Звала меня. И видеть не могла
Сквозь плотный тленный аромат акаций.
И что бы мне тогда не отозваться...

* * *

Во дворе палисадник зачах,
Рассыхается лодка на кирпичах.
Толстая женщина возле колонки
Рассерженно полоскает пелёнки,
Платье разорвано выше коленки,
Я стараюсь не замечать.
Во дворе целый день торчать.
Сыграны игры, прочитаны книжки.
Женщина вытирает подмышки.
Я стараюсь не замечать.

* * *

Среди строительных отбросов,
Цементный оседлав кулич,
Я косточку от абрикоса
Тру об украденный кирпич.
Растительной ракушки панцирь
Не поддаётся. Но терпи,
Точи свистульки, трогай пальцем,
И плюй в оранжевую пыль.
Кирпич на сантиметр источен,
В ресницы пот бежит со лба.
Теперь свисти до самой ночи,
Пока не задрожит рука.

* * *

Я не должен никому:
Ни таланту, ни уму,
Ни арийцу, ни еврею.

Я еще поднаторею,
И скажу своё «му-му».

* * *

Проступает серый свет,
Подтекает под герани,
В этой самой ранней рани
Не прозреньё, а навет.
Возрастает подозреньё,
И ползет сквозь переплет
То ли холод озаренья,
То ли ненависти лед.
Беспризорны, оробелы,
Взявшись за руки, летят
Ангел черный, ангел белый,
Друг на друга не глядят.

* * *

Поморосил по мере сил,
В листе короткий гром исторгнув,
Окурок тихо погасил,
И почвой принят. Без восторга.
Плескал беспечно, как вином,
Тревожным духом законным...
Но вовремя, по всем законам
Зазеленело за окном.
Одно лишь принимал всерьёз —
Судьбу и ремесло поэта.
Рассказывали, что на это
Смотреть нельзя было без слез.

* * *

Под кухонною полкой
Свой карандаш грызу,
Ругаю втихомолку
То вьюгу, то грозу.
Вокруг визжат и мчатся
Лихие домочадцы,
И жизнь моя легка,
Пока живу, пока
Румяный, большеротый,
Щербатый лик свободы
В заснеженном окне
Подмигивает мне.

ОЛЕГ ЕФИМОВ**МИЛОСТЬ – НЕ ОСУЖДАТЬ**

о. Алексею с благодарностью и прошением молитв

Душевный крик: «услышьте – я хороший!»
 Так просто растоптать: «молчи, плохой!».
 Души росток – он без тепла не может,
 Он страдает, тянется, он ищет свет, покой.
 Чужую боль всем естеством, всей кожей –
 Почувствовать...
 Какая благодать,
 Какое счастье – в мире быть хорошим,
 Какая милость – никого не осуждать!
 В сей спешный век мы все летим спеша,
 Бал правит грех, прельщает хитро зло...
 Но... даже через грязное стекло,
 Смотрите – светится бессмертная Душа!

РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ

Душа, ответствуй, отчего...
 Ужели мой язык не волен?
 Словами сердца моего
 Святых не славлю колоколен.

Ни зелень девичья берёз,
 Ни русской сини бирюза
 Не пробудят словесных слёз.
 Всю влагу выпила гроза.

Но, как святые образа,
 Среди московской суеты
 Небесно-русские глаза
 Мне явят силу красоты.

Мальчишек юных простота,
 Непосвящённых, непубличных,
 Лиц непорочных чистота
 В окладах их кудрей пшеничных.

И умоляю я тогда,
 В душе моей зажжётся ль свет,
 Угасший в страстные года
 Тому назад уж столько лет...

К БАБУШКЕ

Провожая, посмотрела,
 Словно думала запомнить,
 Словно если не увидать
 Больше милого лица.
 Посмотрел и я так грустно,
 Что просил благословенья,
 Всех обид своих прощенья,
 Детских всех моих проказ.
 И она благословила,
 Положила, начертала
 На главу, живот и плечи
 Мне охранный ровный крест.
 И вдали от глаз тех добрых,
 О спасении молился.
 Крест сберечь живой желая,
 Не запачкать, сохранить...
 С искушеньями боролся,
 Чистоты просил сердечной,
 Одиночеством томился,
 Грех к душе не подпускал.
 Но – развратничал мой разум,
 Руки помнили касанье
 И объятий прижиманье,
 Губы – влажное шептанье,
 Поцелуев разговор.
 И отчаявшись однажды,
 Я молил соединенья,
 Я просил успокоенья,
 Льду на жаркий “бедный лоб”.
 И, о чудо, миг тот горький
 Обернулся мигом счастья,
 Вопль заблудший был услышан
 И разверзлись небеса...
 Простирались сильны руки,
 Отнимали старый камень,
 Живоносных слёз потоки
 Разом брызнули из глаз.
 Омывали чисто душу,
 Заживляли живо раны,
 Очищали крест незримый,
 Твой охранный ровный крест.

ВЕНЕРА БИЦОЕВА

* * *

Нет меж нами стены,
Только тонкий канат.
Нет меж нами войны,
Есть задумчивый взгляд.

Этот тоненький трос,
На котором стоим, —
То ли мудрый вопрос,
То ль подсказка двоим.

Как дорога длинна
Между мной и тобой!
И уже не до сна
Нам под полной луной.

И один на один,
Торопя каждый шаг,
По канату любви
Мы идем не спеша.

* * *

За сплошной пеленою тумана,
За стеною сырого дождя,
Где-то прячутся рыжие страны
Поджидая тебя и меня.

И неважно, поврозь или вместе
Мы с тобой доберёмся до них:
Все дороги бегут к перекрестью,
Бубенец, задыхаясь, звенит.

И на сердце светло почему-то,
Почему-то тревожно чуть-чуть.
И торопишь пустые минуты,
Чтоб скорее отправиться в путь...

ОБЕРЕГ

Пусть мой город согреет тебя
Жёлтым светом ночных фонарей,
Пусть толпа наступившего дня
Не оставит закрытых дверей.

Пусть дожди обойдут стороной
Над тобой распустившийся зонт,
Пусть зима обернётся весной

И раздвинет тебе горизонт.
Пусть крылом прикоснётся к щеке
Лёгкий ветер, зовущий на юг,
И оставит синицей в руке
Божество улетевших разлук.

* * *

Цвета серой, ослепшей зимы
Окна тесной моей тюрьмы.
В муках корчится солнечный свет
На паласе из прожитых лет.

Здесь крадётся во сне тишина,
Здесь забытая память слышна,
Здесь динамиком чёрным кричит
Чёрной ночи колючая нить.

Здесь рассветы кроваво-красны,
Здесь убиты все звуки Весны.
Лишь под пытками корчится свет
На цементе расстрелянных лет.

Театр Живая паутинка сигарного дымка...
Нелепая заминка, и взгляд – чуть свысока.
Услужливой усмешкой изогнута губа,
Замедленные жесты, капризные слова...

Струится шёлк портьеры за согнутой спиной.
Находки и потери – за шёлковой стеной.
В луче седого света, на острие меча,
Распяты сонеты приглушенно звучат.

От двери в день вчерашний потеряны ключи.
Но день – слепой, напрасный, — с уходом не спешит.
Короткие прощанья, усталые цветы,
Слепое созерцанье полночной суеты...

БОГДАН ПРАВДА**КЛЮКА**

У моей мечты отказали ноги.
 Для неё эта пара была не легка.
 Я перестал с любовью своею кругами бегать,
 Но зато по самый мозг основательно выросла клюка.
 Надёжная, никелированная,
 Без нониуса и западлицо,
 Иду теперь по жизни ровно я,
 Обилечен по ней на одно лицо.

* * *

А если и пить,
 То пить лишь водку ака «БУХЛО»
 И конечно из фляжки.
 Чтоб лезла пилою
 Через дупло
 Которое многие
 Назовут глоткой.
 Потом освежить.
 Тяжко.
 С собою.

* * *

...да я давно уж молчу...
 Банальный рассказ..
 в тряпочку пропитанную
 C_2H_5OH и
 H_2O из глаз.

НЕМИГАНЬЕ

...и у кого эксклюзивное право рукой по моим векам вниз?
 Именно «ПРАВО», а не просто каприз.
 Ничего, ничего, Я приложу к себе мануал

В нём обозначу того,кого я,
 Лично Я выбирал.
 У него право ладонью по векам вниз.и привет!

У него право ладонью по векам вниз...
 и привет!
 Того, кто будет смеяться, а не сразу скис-нет!

ЖЁЛТОЕ О!

Вот было ж такое жёлтое!
 Стояли двое, кричали «е-Е»!
 И так улыбались, будто ты уж не на Земле!
 ..и больше НИЧЕГО!

ВДРУГ – по роже, мол:
 «веллком хом, кам бэк, так сказать.
 Мы спасли тебя, друг!..
 Что-то ты вдруг встал не в круг!»
 «нет, здесь пахнет стариками.
 ...в этом сто-руками ведомом автО»
 «Что ты смотришь так, будто здесь что-то не то?»

ВСЁ ТО!!!

Ты там чё, увидел тех двоих, да?
 И вокруг такая желтизна?...
 ...но, а нам-то до боли обидно
 Нам ведь тоже паства нужна!
 Нет, а хочешь обратно, пожалуйста,
 Нет, так нет!
 Тебе выбор дан,
 Но сначала, в общем, из жалости
 Мы тебя к нашим дедАм.
 Не бить ж по очкам тебе, пожалуй,
 Сперва к старичкам, а потом пожалуй,
 Куда хотел тогда,
 Помнишь «там двое... ну и всё жёлтое такое?»
 Нет?! Ух!...
 .. ну и ладЫ!
 Мы всегда с тобой, товарищ!
 ПРИВЕТ!

ТАТЬЯНА БЕСПАЛОВА

СПАСЕНИЕ АРЧИБАЛЬДА

РАССКАЗ

– Таким образом, ты окажешься в этом ужасном-ужасном мире! – у Катерины ещё хватало решимости шутить над ним. – Поехать в город! В ветеринарную клинику! Общаться с врачами! Они же страшные!

– Не шути со мной! – фыркнул Джексон. – Я реально в отчаянии! Он сам полез под пулю! Я целился в уток и вот... Ах, я оплошал!

– А что бы сделал, если б такое случилось со мной?

Её темные глаза округлились, сладкий ротик превратился в твердую, прямую линию. Теперь она не шутит, разозлилась. Обнять? Погладить по щеке? Нет! Пожалуй, сейчас она не примет ласку. Арчи издал протяжный, почти человеческий стон. Джексон посмотрел на собаку. Арчибалд лежал на боку, вытянув все четыре лапы. Его окровавленный бок тяжело вздымался, издавая пугающие хрипы.

– Похоже, задеты печень и легкое, – проговорила Катя. – Возможно внутреннее кровотечение. Он издохнет.

– Нет!

Джексон вскочил на ноги, подхватил пса. Синяя рубашка в размашистую желто-оранжевую клетку в миг окрасилась алым. Арчи взвизгнул, но Джексон крепко прижимал его отяжелевшее тело к животу. Тут уж не до осторожности. Надо торопиться. Джиб тарыхтел неподалеку. Обычная машинка, оснащенная допотопным, спиртовым движком доживала свой век в заповеднике. Нормальные машины, с электрическим приводом не обладали достаточной проходимостью. Конечно, нанотехнологии, автопилоты, вставные челюсти и искусственные глаза – всё это модно, современно, а порой и изысканно. Но! Душу-то искусственную не вставишь. Но характер покладистый и преданный не генерируешь в пробирке, не распечатаешь на 3D-принтере. Да и автопилот их без надежной связи со спутником превращается с бессмысленную говорилку. А им с Арчи приходится форсировать быстрые речки, преодолевать километры бездорожья, взбираться на крутые склоны, увязать в глубоких колеях. В таких местах с автопилотом делать нечего, да и покрытие сети в заповеднике никудашное. В этих местах зонт «всеобщей паутины» имеет значительные дефекты. Катя называет его «каркасом без брезента». И действительно, в заповеднике «Средний Урал» площадь покрытия сети значительно меньше суммарной площади дыр.

– Тебя не пустят в Чусовой со спиртовым движком и без автопилота, – проговорила Катя. – Поезжай на мобиле.

– Выхлоп спиртового движка соответствует экологическим нормативам. Пусть проверяют.

– В черте города ручное вождение запрещено...

Но Джексон уже отпустил педаль тормоза и автомобиль тронулся с места. Катерина умолкла, поняла – спорить бесполезно. Она просто шла рядом с автомобилем, посматривая через стекло на заднее сидение, где лежал Арчи. Джексон докуривал сигарету. Надо накуриться за время дороги, ведь в черте города Чусовой курение так же запрещено, как передвижение на автомобиле, не оснащенном автопилотом.

***

«Легкие Приволжья» – так называют средства массовой информации их заповедник. В тайге между Пермью и Серовым населенные пункты обезлюдели ещё в конце двадцатого века. А с прекращением поставок газа и закрытием газоперекачивающих станций эти места совсем опустели. Современным миром движет энергия световых протонов. Экваториальный пояс планеты сплошь застроен электрогенерирующими станциями. А на «Среднем Урале», где лето пасмурно, как портрет философа-неоплатоника, тайга давно пожрала поселки и городки. Единственный населенный пункт на сто километров окрест – город Чусовой. Там есть и больница, и ветеринарная клиника, и следственный изолятор, и фабрика-пекарня и даже модуль генерации искусственных органов. Оттуда дряхлый спиртовоз привозит топливо для их с Екатериной джиба и бумажные газеты. Ехать до Чусового по бездорожью не менее двух часов, а потом по хорошей дороге ещё минут сорок.

После долгого пути по безлюдью последовал сумасшедший бросок по улицам Чусового. Поиск здания ветклиники, оказался быстрым и результативным. Кратковременное метание по коридорам с твердеющим телом Арчи в руках прервало появление симпатичной, пахнущей незабудками докторши. Джексона поразил моментальный столбняк. Нет, такую дамочку ни за что нельзя пропускать! Но сначала – Арчи. Кто-то принял из его рук тело. Кто-то предложил воды в бутылке. Недолго думая, Джексон вылил всю жидкость себе на голову и на мгновение ослеп. Чьи-то добрые руки отвели его к плотно закрытой двери с табличкой «Операционная», усадили на банкетку, вытерли лицо.

Минуло не менее часа, прежде чем опять неслышно явилась докторша и села рядом. В руках она держала обычный глянцевый планшет – гаджет для ведения рабочих записей.

– Меня все называют Джексоном, хотя вообще-то я – Евгений, – представился Джексон.

– Людмила Игоревна. Можно просто Мила, – отозвалась докторша.

– Мой пес..., – Джексон провел ладонью по всё ещё влажной бороде.

– Пуля попала в легкое. Задета и печень. Возникло кровотечение..., – доктор водила пальчиками по экрану монитора, помогая сканеру-преобразователю звука, сохранять необходимый файлы в соответствующих ячейках памяти. – Мы удалили оба органа. Теперь необходимо вживить чип, генерирующий ткани утраченных органов с учетом кровопотери. Когда процесс завершится – ваша собака выздоровеет.

– Хорошо... я рад, что встретил именно вас.

– Именно меня? – она наконец-то подняла на него свои ясные глазки.
– Да! Вы – настоящий человек. Женщина! Доктор!

Она осталась довольна комплиментом или ему это только показалось? А что? Ну и пусть он деревенщина, житель глухого захолустья, пусть борода давно не стрижена, зато настоящий мужик. Не всё ж её киборгам шупать. Наверное, истосковалась по настоящей мужской ласке. Исподволь оценив её стати, Джексон решил на всё. Вот только Арчи надо выручить, а уж потом...

– Подпишите согласие, – молвила докторша и он послушно приложил подушку указательного пальца к соответствующему месту на экране гаджета.

***

Милая Мила явилась через несколько минут. Не стала сразу выпутываться из его объятий – позволила и к клетчатой, грязноватой груди прижать, и бородой пощекотать. Но только потом всё равно отстранилась.

– Возникла проблема, – тихо проговорила она. – У нас нет собачьих чипов.

– Если нужны деньги... умоляю!.. – всполошился Джексон.

– Я попробую. Есть одно средство, – её глубокие глаза бродили по его лицу, как грибок по осенней дубраве. Эх, надо было слушать Катюку и вовремя стричь бороду!

– Ну?!

– Я попробую вживить псу человеческий чип, но возможны аберрации..

– Что?

– Частичное очеловечивание...

– Милая моя, дорогая, единственная! – он схватил ладонь докторши правой рукой, прижал к бороде. Ах, как хорошо, что волосня отсырела. Пусть она подумает, будто он плакал.

– Я готов на всё, понимаешь? Деньги, коньяк, водка, шампанское, я сам, наконец...

– Стоимость услуги – триста рублей, – проворковала докторша. Ладонь она так и не отняла и Джексон с наслаждением водил ею по своей бороде.левой, свободной рукой, он рылся в кармане штанов, ощупывая мелочь и единственную, мягкую купюру.

– У меня как раз пятьсот! Сдачи не надо!

Наконец, докторша забрала ладонь.

– Уплатите в кассу. Можно платить и картой...

– Heee! Карты у меня нет. Так расстроился... так торопился... Забыл в тайге! – не стоит информировать её сейчас о семейных интимностях. Катюка экспроприировала карту и поменяла коды доступа к счету, но у него в кармане штанов есть ещё мелочь, а в джипе, под задним сидением – непочатая поллитровка и удочка.

Получив его согласие, докторша удалилась за дверь, а Джексон направился к кассе.

***

Ещё четыре часа ожидания, скуки, нетерпения, сомнений. Четыре часа – это ровно две ходки в соседнюю рюмочную. Пустые ходки, насухую – только понюхать и закусить шаньгой, потому что надо сохранить себя для вечера. А Кате он потом скажет... ну, словом, отговорится. Да!

***

Он одичал в тайге и теперь приходилось сдерживаться, чтобы ненароком не повредить эту податливую плоть. Ах, и ладони-то у него шершавые, и портянки не свежие, а мысли о белёе можно залить ещё семьюдесятью граммами, тем более что комнатка докторши наполнена сумерками, за занавесками вечер ранней осени, а на столе та самая поллитровка.

Но откуда эти нечаянные воспоминания, далекие, но до странности свежие? Откуда знакомое чувство холодной отстраненности, брезгливой тоски, суррогатной страсти? Он-то старается от души, а в ответ – монотонные, тщательно отрепетированные движения и пустые слова – добросовестно заученные цитаты из дрянной, широко растиражированной книжонки «Рекомендации для новобрачных. Введение в семейную жизнь». Джексон запустил пятерню в шелковистые заросли, покрывавшие головку Милы. Если его предположения верны, то в правой височной части черепа, чуть выше уха, должна находиться пластина навигатора «всемирной паутины». Эта деталь у каждого киборга чуть теплее прочих участков кожи и обычно слегка вибрирует. Так и есть! Людмила-Милочка, добрый доктор, спасительница Арчибалда – киборг.

– Этого не может быть! – взвыл Джексон.

– Почему? – холодно ответили сумерки. – Контакт удался на славу. Всё, как ты хотел.

– Ты – киборг?

– Конечно! Обычной женщине не по силам сделав за день пять полостных операций на жизненно важных органах, ввечеру предаваться половым утехам.

– Так почему же ты не послала меня, а? Ведь ты же устала, а? Да ты и водку пила! – стонал Джексон.

– Кодекс поведения киборга. Пункт семьдесят два, раздел бы. Ни в чем не отказывать человеческим мужчинам. Ждать пока они откажутся сами.

– Я православный христианин и вас, киборгов считаю исчадьями сатаны, – Джексон задохнулся. – Я согрешил страшно. Переспал с той, кто каждому даст! Я нечист теперь! Такого позора не испытывал никогда! Это хуже чем измена жене... это измена себе... вообще измена всему...

– Перед контактом с вами я провела сканирование. Его результаты показали обратное, – прервала Джексона Мила. – У вас, Евгений

Петрович, имеется опыт интимного общения с женщиной-киборгом. Опыт семилетней давности.

Ему показалось или в её тюнингованных – а в этом тепер не было сомнения – глазах мелькнула тень иронии?

***

– Эх, знаешь чего я сейчас больше всего хочу, Арчи? – улыбнулся Джексон. – Хочу прижаться животом к каткиной заднице. Соскучился. Катя женщина местами очень вредная, но... Понимаешь, она надежная и горячая она. Эх, горячая...

Дорога уже выскочила из-под асфальта. Уплыл назад искусно вырезанный из цельной сосны указатель «Заповедник «Средний Урал». Они возвращались в родные места, где нет киборгов, кодексов, штрафов, где не нужен и даже вреден, автопилот. Пусть надо следить за дорогой, чтобы не провалиться по оси в не просыхающую ямину. Пусть при любых неприятностях на скорую помощь не приходится рассчитывать. Зато по обочинам колеи растут грибы и черника, зато тишина, зато нет суеты, а свободы в изобилии! А если и встретишь кого, то это будет скорее ангел Господень, но уж никак не киборг. Дорога выкатилась на вершину холма. Здесь деревья росли реже, открывая широкий вид на излучину реки и дальний покос. Там, под боком каменистого склона прибрежной скалы курилась дымком их избушка. Джексон счастливо улыбнулся. Джип трянуло, наклонило влево. Прижать и отпустить педаль тормоза, руль влево, но не до упора. Эх, наверное, Арчи мотает на заднем сидении. Надо бы повнимательнее, аккуратнее надо бы! Друг ещё не очнулся после серьёзной операции!

– Ты нарушаешь регламент движения, – сказал кто-то на заднем сидении. – Выхал на встречную полосу. Держись правой стороны дороги.

– Да пошел ты в жопу! Какие тут полосы? Грунтовая дорога! Тайга! – рывкнул Джексон, прежде чем обернуться.

Арчи сидел, по-собачьи завалив таз на правую сторону. Бинты, опоясавшие его бока были девственно белы. Мохнатые уши стояли торчком. Розовый язык забавно вывалился из пасти. Влажный нос двигался в нормальном режиме, бдитительно улавливая любой, даже мимолетный аромат. Карие глаза смотрели на Джексона с обычной, несколько утомительной преданностью. Похоже, Арчибальд был совсем здоров.

– Просто я переутомился, – буркнул Джексон. – Ничего, Арчи. Скоро мы доберемся до заимки, а там...

– Если ты будешь глазеть на меня, а не на дорогу – мы никуда не доберемся, – отозвался Арчи сварливо. – Я знаю, тебе хочется поскорее бухнуть и завалиться к Екатерине Вениаминовне под бок. Ради этого ты готов нарушить все правила. Все! Гав!

Джексон утопил педаль тормоза в пол.

– Что они сотворили с моей собакой! – простонал он. – Сделали из прекрасного пса ещё одного киборга! Будто мало их на этом свете!

– Частичное очеловечивание – это тебе не киборгизация. Зато тепер я выскажу всё, что намеревался. Да, я молчал много лет, но это не зна-

чит, что мои взгляды на жизнь во всем совпадают с твоими, – Арчи ловко перебрался с заднего сидения на переднее.

– Пристегни-ка меня. – повелел он. – Мои конечности не приспособлены для исполнения человеческих функций. Зато собачьи нюх и слух помогут тебе выжить в дикой природе. Ну что ты крестишься? Всерьёз считаешь меня сатанинским исчадьем?

***

– Ах! – обрадовалась Катюша. – Я вижу, пес совсем здоров! Вот видишь и в достижениях науки есть своё...

Но Арчи заткнул и её.

– Приветствую вас, девушка. Живете половой жизнью вне брака? Нарушаете правила кодекса здоровой семьи? Я вижу на вашей груди православный крест. Это вселяет некоторую надежду. Вы ведь понимаете, чем грешны?

– Я?! Господи помилуй вечную рабу твою! – Катя уже приготовилась дать отпор, но хорошо поставленная, грамотная литературная речь пса обескуражила даже её.

– Прикрыть косы платком, переодеться в юбку и к алтарю, – рывкнул Арчибальд. – Евгений, конечно, не шикарная партия для такой девушки, как вы. Но других-то нет. Так? И нечего оскорблять Христа фальшивыми клятвами в вечной преданности...

Словесный поток Арчибальда прервал внезапный приступ чесотки. Пес совсем по собачьи изогнулся и принялся наяривать задней лапой шкуру за правым ухом. Джексон подхватил сумку и поспешил убраться на веранду. Отодвинув край занавески, он наблюдал, как бедная Катя медленно оседает на низенькую стопку поленьев, как роняет ручки на прикрытые брезентовыми штанами колени.

– А поленом по хребту не хочешь? – только и смогла произнести она.

– Поленом по хребту? – фыркнул Арчи. – Это суть нарушение кодекса гуманного обращения с животными. Когда я был обычной собакой, вы меня не били, вы меня любили, кормили вареными потрохами и творогом, – пес облизнулся. – А теперь?

– А теперь... – эхом откликнулась Катюша.

– А теперь я установлю в вашей глуши правильное течение жизни. Ты спишь в горнице, а Евгений пусть померзнет на веранде. Может быть, это сподвигнет его к покупке обручального кольца. Так будете жить до венчания. Гав!

Северо-Восточный округ

Юлия
Мамочева

Наталья
Шахназарова

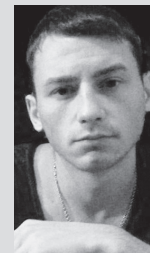
Александр
Лазертский

Екатерина
Соловьёва

Николай
Сербовеликов

Дмитрий
Пушкарёв

До 1917 года в состав Москвы входила только очень небольшая часть округа, в районе Суцёвского вала. После Февральской революции Московская Городская Дума существенно расширила территорию Москвы, определив границу города по Московской Кольцевой Железной дороге. Таким образом районы: Алексеевский, Марьино, Бутырский, Марфино, Останкинский и частично Ростокино стали частью Москвы. Второе столь же масштабное расширение произошло в 1960 году, когда границей Москвы стала МКАД. Частью Москвы стал город Бабушкин и многочисленные деревни которые впоследствии дали названия районам округа. Последним в состав города вошла территория современного муниципального округа Северный, в 1984 году. На территории округа до 1992 года существовали районы: Кировский, Бабушкинский, Тимирязевский. Среди историко-культурных и архитектурных памятников – Музей-усадьба Останкино, Ростокинский акведук, жилая застройка XIX века на проспекте Мира, 14 православных храмов, в том числе Тихвинская церковь, построенная в 1682 году царём Алексеем Михайловичем на пути следования из Кремля в Сергиев Посад; действует Соборная мечеть. К услугам туристов гостиничные комплексы: «Космос», «Останкино» и др.

ЮЛИЯ МАМОЧЕВА

ЗА БУЙКИ

Ты веришь,
я вот тут всё про весну да про музыку,
и не знаю уже, не прав или не права:
пашу, как дьявол, бросаю которую музоньку,
приползаю домой на бровях.
Кидаюсь в постель, аки в самое чёрное море:
потому что жуёшь подушку, а она солёная.
Усталость, это когда «долой» и «домой» —
практически одно слово.
Мне ведь и правда хочется моих тринадцати лет,
Невской девственности, полуденного Эрмитажа.
Но ни девочки из Питера больше практически нет,
ни просто девочки даже.
В зеркалах я пока ещё вижу её глаза,
если, наплакавшись, вдруг дочиста выпотрошен.
Жизнь — игра, говорят,
только в ней мы
явно не за
выигрышем.
Понимаешь, безмолвный мой, верный мой адресат,
до образа выросший (впрочем, это — детали):
я умею
писать лишь =
слова на ветер бросать,
чтоб они взлетали,
чтоб они летели журавликами беленькими
прямо к солнцу и крыльев от пламени не берегли.
Накрывает волной одеяла и не добраться до берега:
я уже заплыла за буйки.

* * *

Жили так: каждой твари — по харе; в пьяном угаре,
не зная горя, не видя гор.
Звёзды нам мигали, будто бы помогали,
хоть, наверное, это вовсе не тот глагол.
Так мы жили: поэты, сволочи, гитаристы
/по-любому пальцем в небо да попаду/
так одним было двадцать-едвадцать, иным — за тридцать
мы все вместе горели на нашем святом мангале
и не верили в рай, дело было слегка в аду.

Мы ходили на Босха и воскресали на вписках,
куличом закусывать в Пасху — и смех и грех.
Далеко было нашим играм до Олимпийских.
Я была в игре
и на сцену взойдя, раз за разом срывала горло,
а потом лечилась подругами и вискарём,
потому что на самом деле хотелось в горы
и чуть-чутьку знать, что не выгорим, не умрём.
Я влюблялась, как чёрт, на черте, на краю балансируя,
пусть ни слухом ни духом, что в ступни впивался край.
Вы не верили в рай, но шутили: рождённым в России
автоматом — в рай.
Вы шутили, а я ведь верила, что отмолят нас,
что и впрямь — туда.
Только в венах гудела кипящая, страшная молодость:
не вино — вода.
Я их резала — пили, не резала — было гордо мне,
хоть вокруг и во-пили про лютый дурной сушняк;
я-то знала, что разделяет меня и горы
лишь один мой шаг.
Я-то знала /не верила/ — то, что теперь я вижу,
верно, грех да смех:
ступни режет вершина, а значит, я тоже выше,
пусть и выжжена, пусть и выгорела, но выше
всех.

* * *

Я тебя не люблю – даже, видишь, признаться не стыдно,
ибо это залог, что к тебе никогда не остыну,
и дрожать не приду, угловато навзрыд отвираясь,
что на данный момент – небывалая, в общем-то, радость.
Я тебя не люблю – и поэтому, честное слово,
я нарочно тебе не скажу и не сделаю злого.
Если б знала, как плох я – смущаясь, как жалок – ревнуя,
не рвалась бы в любимые. Ты для меня – за родную.
Ты хорошая очень. К тебе и умом я, и толком,
всем, что славно во мне, а не тонко. И честно. И только.
И целую тебя – не боясь, не горя и не мучась –
это, в общем-то, участь. Не надо про невезучесть.
Потому что – когда всеми ими наемся, другими –
будет имя твоё мне в огромном стрекочущем гимне,
и предстану пред ним аки звёздочкой в небе глубоком,
как одни – перед зеркалом, прочие – перед Богом.

НАТАЛЬЯ ШАХНАЗАРОВА**Я ЧУВСТВУЮ**

Я чувствую себя Варфоломеем,
Входящим в дом родной, как в старый скит.
Я чувствую себя, но не умею
Соединить в единое куски.

Я чувствую себя в любви и боли,
Я чувствую, что в клетках – воды рек,
Я чувствую себя частицей поля,
Частицей моря, Бога, имярек.

Я чувствую, как снегом или градом
На землю опускаюсь с Божьих уст.
Его власами – травами и садом
Цвету, Неопалимый вечный куст.

Я чувствую себя горой Синая,
Фавором, Иорданью, Маяком.
Я чувствую, как солнце, я сияю
И возношусь, как месяц, высоко.

Я чувствую, сквозь тело прорастает
Ковыль, поет, шумит Твои Псалмы.
Я чувствую, – как снова я растаю
В конце Твоей божественной зимы.

Но где бы я ни находила кожей
Родство с Твоей материей, найти
Во мне меня как целое дай, Боже.
Позволь в себе себя мне обрести.

* * *

Ты создавай меня сама – ночь, за переходами метро – мрак,
За переходами в нутро – дочь, за тем засоренным двором – маг,
За этой выцветшей травой – твердь, а я твержу, что ничего нет,
Кроме любви да и семьи – дверь – а что – за нею – триллион лет.

* * *

Касался плеч печальных Соломеи
Тревожный клен в осенней тишине,

Какое-то подобие скамеек,
Какое-то подобие аллеи,
Сумеем ли?... кварталов... и на дне

Фонтанов – мелочёвка и окурки,
Какое-то подобие вокруг,
И солнечные апельсинов шкурки,
И замкнутый – Сансары что ли? – круг.

Кармическая линия тревоги,
Какие-то холодные, но боги,
А Бог – в конце намеченной дороги,
Но той дороги карты не нужны.

Какое-то подобие... и сны.

И кто она? Не Артемида-дева,
А Соломея в мраморе – во сне,
Ей снится... Впрочем, неизвестно мне,
Да и кому какое в сути дело,
Что снится в эту осень королеве.

Что снится в этих парках и садах,
На тротуарах – фонарям и урнам...
По-прежнему движение Сатурна
Так гармонично-точно в тех мирах.

А здесь – не поминайте, не зовите, -
Сегодня я не я, а просто зритель,
Я в пустоте – наедине со сном, -
Так Лермонтов, – не раб, не повелитель, -
На равных разговаривал с сосной.

* * *

...Любимому мужу, Виталию Бондареву

А в моем селе колокола
Издавна будили на рассвете.
Я в сердцебиении нашла,
золотые колокольца эти.

Прозвучали разом на весь свет,
Голуби взлетели с колокольни,
И соседней церкви звон в ответ
Слышала тогда. И нынче больно,

Если перезвона рядом нет.

АЛЕКСАНДР ЛАЭРТСКИЙ

* * *

«Зачем ты в шампунь написал?» -
Спросила меня сурово
Бодунистическим утром
Баба по имени Вова.

Я – не пидор, просто назвали
Бабу родители сдуру.
Вова Геннадьевна Вентиль
Стоит надо мной в позе гуру.

Сжимая в руке флакончик
С шампунями Мёртвого моря,
Рыдает любимая женщина
Глазами, полными горя.

Я, собравшись, ушёл поспешно.
А представьте себе, что бы было,
Если б она обнаружила
Мой канат во флакончике с мылом?

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СОСУД

В специальном сосуде храню
Кусок пуповины я,
Погруженный в физраствор
Розовый червячок.
И зимними вечерами,
Когда все с работы идут,
На подоконник я ставлю
Свой специальный сосуд.

С ЛЮБОВЬЮ К ДЕТАМ

С клизмой в опухшей жопе
И с плюшевым мишкой в руках
Ко мне подошла девчужка
В разного цвета носках.
Я погладил её меж косичек,
Украдкой подвесив соплю,
Напихал ей за щеки ирисок,
Поскольку их сам не люблю.

Вот прелесть случайной встречи! -
За мной она не побежит,
И вряд ли письмо напишет,
И уж точно не позвонит.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Лицо болит от ушибов,
Полученных в ходе беседы
На тему Густава Малера
Вчера во дворе с соседом.

Птицы орут на ветках,
Солнце-дурак сияет,
Уж утро, а встать с постели
У тужки сил не хватает.

Голубка бы пустить, да страшно -
Уж больно вонючая птица
С бодунища, да и к тому же
Канат вслед за ней стремится.

А там, глядишь, дедушка в каске
И прочая живность всякая,
Бигуди и тапки с помпонами –
Полежу-ка я лучше, не какая.

* * *

Занесло все дороги снегом,
Никому ничего не надо,
Только слизистые оболочки
Дым табачный слегка щекочет.
Да собака рисует жёлтым
Узоры на белом сугробе,
В телевизоре чёрно-белом
Что-то Ельцин тихонько бормочет.

ЕКАТЕРИНА СОЛОВЬЁВА**НЕ ВРЕМЯ СЕРЕНАД**

Я смерти не боюсь. Боюсь укора,
С которым ты согласишься на меня.
Что я скажу – здесь, под твоим балконом,
Когда румянец скрыт уходом дня?

Что я скажу? Ничтожнейшую малость.
Ведь о любви всё сказано давно,
И время серенад, как дым, промчалось.
Ты не Роксана, я – не Сирано.

Но что ж, теперь мне до зари умолкнуть,
Не попытавшись издали воспеть
Твои глаза, и локоны, и поступь –
Всё, что в стихах не смог запечатлеть?

Что я скажу? Лишусь навек прощенья,
Подобно льстивым, лживым языкам,
Твою красу опошлив восхваленьем
Неискренним, как бледный фимиам?

О нет, мой друг, о нет. Я не устрою
Пустых бравад и пламенных торжеств.
Что я скажу? Скажу, что я не стою
И капли всех твоих несовершенств.

Мне страшно: вдруг луна покинет тучи,
Вмиг обнажив полночный мой дозор,
И робкий облик мой тебе наскучит,
Заставив отвести прелестный взор?

О, лучше буду нем я, чем отвергнут!
Пусть о тебе другие говорят.
Подлунный мир в такую бездну ввергнут...
Теперь, мой друг – не время серенад.

Но вот я здесь, единой мыслью занят –
С тобой делить и явь, и забытьё;
Ступать, как за фигурой тень ступает,
Не в силах оторваться от неё.

ДУРАКИ

Безумству храбрых поём мы песню,
И хоть умри, хоть сгори, хоть тресни,
Хоть распадись на кристаллы звёзд,
Хоть стань дорогой на сотню вёрст –
Увидишь: нам, дуракам, везёт,
Ведь храбрецами быть интересней.

Безумству храбрых поём мы славу,
Когда кричат нам, что мы не правы,
Когда возводят позорный столб,
Напоминая, что мы никто,
Швыряют рукописи на стол,
Плюют, клеймят и бросают в лаву.

Безумству храбрых конца и края
Не видно! Я до сих пор не знаю,
Где между гением и глупцом,
Где между Моцартом и шутком,
Где между выскочкой и творцом
Хотя бы след эфемерной грани.

Безумство храбрых – подарок века,
Где каждый третий – душой калека
С изобретательностью ума
Готовый выменять задарма
Любовь и волю на след клейма,
Создав иллюзию человека.

Безумство храбрых не скрыть стенами,
Не задушить, не забить камнями,
Пока мы сами – растём в камнях,
Поём, что видим в крылатых снах,
И умираем с мечтой в глазах,
И навсегда остаёмся нами.

НИКОЛАЙ СЕРБОВЕЛИКОВ**ПОД МОСКВОЮ БРЕННЫЙ МИР...**

Под Москвою бренный мир увязнет,
 Как увяз под подмосковной Вязьмой.
 Всё само собою к нам плывёт...
 От пиндосов и до пидермосов,
 К этому, как видно, мир идёт.
 Что тут скажешь нового, немного...
 Кажется, я это вечно знал:
 Перед нами белый свет дрожал,
 Как дрожит любая тварь под богом.
 Как навеки поглощает Лета,
 Ослепив, в конце концов, полсвета.
 За Европой Русь окучит Азию –
 Видит бог... И это не фантазии.
 Остальные сами приползут,
 Обретут сиротский свой приют.
 Помнит мир, Мы больше, чем страна,
 Чем её глухие расстояния...
 Вечные нагрянут времена,
 Для которых нету и названия.
 Не страна Россия... Русь – планета,
 Я когда-то в пустоту сказал,
 Даже где-то опубликовал.
 И по полной получил за это.
 Идеолог из газеты «Завтра»,
 Патриот в кавычках и зоил,
 Слово в слово бренд мой повторил,
 Как, бывает, повторяют мантру,
 И по всей стране распоstrанил.
 В ЦДЛ я, помню, с ним столкнулся
 И уже по полной оттянулся...
 По стене размазав навсегда,
 Что со мной бывает... иногда.

...Тьму сомнений, дух противоречий
 С божьей помощью затянет на века
 В русский узел русская река
 В тёмном море жизни быстротечной.
 Всем найдётся умиротворение –
 В русском море, в русской бездне, в русской вере...
 Может, кто к себе ещё вернётся...
 Если из Руси воды напьётся...

СМЕШНО

Всё несерьёзно на свете,
 Кроме комичного в нём.
 Этого не заметить
 Трудно весёлому в лом.
 Очень смешны пешеходы,
 В вечной своей беготне
 В подземном ли переходе,
 В надземной слепой толкотне...
 И над торчащими в пробках
 В центре, на кольцевой
 Можно от смеха подохнуть,
 В том числе и над собой.
 Хочется ржать над природой,
 Облачком в небе пустом,
 Ржать над её непогодой,
 Просто поржать ни о чём -
 Перед вселенной бездонной,
 Вечной вселенской тоской,
 Перед материей тёмной,
 Непостижимо чужой.
 Главное, вот что занято,
 Не разобрать одного –
 Что этот мир, для чего...
 В точке своей невозвратной...
 Господу только понятно,
 Может быть.., если он есть...
 И начинается жесьть...
 Правда, уже невозможно
 Видеть всё это вокруг,
 Если смеяться серьёзно,
 Если уже без потуг.
 Страшно из дома, бывало,
 Выбраться даже на свет,
 В мире смешного – навалом,
 Впрочем, другого и нет.
 Ежели пристебаться,
 К миру, под небом пустым,
 Некуда больше деваться,
 А остаётся надраться
 Образом самым тупым.

ДМИТРИЙ ПУШКАРЁВ

В ХОРОШЕЙ КОМПАНИИ

Воскресенье, морозный и солнечный день. По не совсем понятным причинам я стою у входа в школу. Нет, я никогда не учился в ней, да и вряд ли хотел бы – просто это первая школа, которая попала на моем пути. Скажу больше, мы как-то сразу приметили друг друга – она меня, а я блеск солнечных лучей на ее окнах. Тогда я и решил подойти ближе, стать недалеко от окна на первом этаже и начать принимать те же солнечные ванны, что и школа. Но, когда я повернулся к свету, передо мной предстало что-то большее, чем можно было ожидать. Бесконечная пустыня развернулась десятками оазисов, которые мерно передвигались по ней, словно караван навьюченных верблюдов. Однако у них не было погонщика – они как-то сами определяли свой путь. За ними следовали песочные барханы с перекатывающимися каскадами песка, и уже выше, над пустыней повис яркий диск, который и руководил шествием. Признаюсь, меня как-то сразу околдовал этот вид – я почувствовал себя уставшим с дороги путником, чьи ступни окончательно погрязли в песке. «Фата Моргана!» – подумал я, и тут же, отогнав эту мысль, вошел в школу.

Ступенька за ступенькой, я поднимался все выше, до тех пор, пока не достиг первого сверху и третьего снизу этажа. Этого вполне хватило, чтобы у меня появилась одышка. Такой дисбаланс организма меня мало смутил, хотя ранее ничего подобного я не чувствовал, поэтому и поспешил списать недуг на зеленую расцветку недавно выкрашенных ступеней. «И у кого только хватило ума красить зимой?» На третьем этаже меня встретили вскинутые брови сторожа – он был удивлен моим появлением не меньше, чем я покраской ступенек. В руках он сжимал палочку (на которую клонился), а во рту – потухший окурочок, мыски его кривых ног смотрели друг на друга. Он ничего не сказал мне, как и я ему, – некоторые вещи понятны без слов, и я не спеша прошел мимо. Что я делал в знакомой школе в столь знакомый день? Наверняка, старик с палочкой подумал, что я отец одного из учеников. Но не тут-то было! Только сейчас, и то смутно, я начал догадываться о том, что преследую конкретную цель. А точнее, ищу (и не просто какой-то) класс литературы, которая привлекала меня с самого детства. Помню, еще в средних классах я выдумал себе псевдоним и даже однажды поставил не свою подпись, на что учительница взвела брови, совсем как старик сторож, и удивленно посмотрела на меня сквозь призму своих вогнутых очков. Тогда она да и я сам мало догадывались о том, кто станет писателем и кого будут читать. Такому предположению я бы только усмехнулся, а учительница махнула бы пухлой ручкой с колечком на среднем пальце.

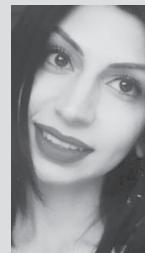
Итак, я отворил дверь, и на меня сразу пахнуло выцветшими страницами запыленных книг. Думаю, мало, кто помнит объем аромата, как новой книги, так и зачитанной. И сколько мыслей (Боже мой!), труда, упорства, души и сердца вложено в каждую главу, страницу, абзац! Ценить то, что осталось после писателя! Его мысли, порывы и мотивы... нет, жизнь не заканчивается после смерти, она продолжается на страницах книг. И пусть злые языки бормочут что-то под нос и выкрикивают несурезицу. Жить, чтобы творить есть высшее определение смысла жизни.

Когда я очутился в классе, наши взгляды сразу же встретились. Но прежде, делая вид, что я их не замечаю, я провел ладонью по поверхности парты, взглянул на плохо отмытую от мела доску, остановил взгляд на учительском кресле и, только затем твердо направился в конец класса. Только там, собравшись с мыслями, я поднял взор и увидел их. Все их внимание было сосредоточено только на мне. Одни смотрели прямо, другие вполоборота, третьи искоса и со скрытым смыслом чего-то, еще недоступного мне. Было не совсем прилично стоять молча, и потому я решил поздороваться.

Чувствуя себя как на экзамене, я рассматривал портреты великих русских писателей и поэтов, и каждый из них норовил рассказать мне о чем-то своем. Пушкин глядел ровно, Маяковский с вызовом, Ахматова летала в небесах, Гоголь с какой-то наивной глупостью, и лишь Толстой смотрел на меня, точно пробовал на вкус. Я чувствовал себя комфортно и в то же время терял почву под ногами. Достоевский как будто и вовсе не рад был моему посещению – его портрет был расположен глубоко в тени и с моим появлением он еще больше отодвинулся в область тьмы. Один я был у всех на виду и чего-то ждал. Интересно, кто из них поощряет мое творчество, а кто критикует? И смогу ли я когда-нибудь быть достойным висеть в рамке на стене наравне с ними?

Салтыков-Щедрин сурово взглянул на меня, и я вдруг понял, что сеанс окончен. Развернувшись, я направился к выходу, чувствуя на спине сверлящие взгляды. Перед самым выходом я обернулся и посмотрел в сторону увековеченных исполинов, поднявших на своих плечах всю русскую литературу. Они по-прежнему молчали, но я понял значение этого молчания, как еще недавно это сделал в отношении меня старик с кривыми мысками. Они, эти великие классики и мастера, передали потомству не только достояние и пример, но и планку, которую современники обязаны были не только держать, но и с каждым поколением поднимать все выше!

Северный округ

Люба
Ягданова

Анна
Ксенчук

Виктор
Широв

Алексей
Маслов

Галина
Победина

В прошлом по территории округа проходили древнейшие торговые тракты: им более пяти сотен лет. Постепенно вдоль Большой Дмитровской, Тверской и Волоколамской дорог возникали поселения, подарившие впоследствии свои исторические названия районам САО. Район Западное Дегунино разместился на месте двух старинных русских сел Дегунино и Бусиново. О селе Дегунино впервые стало известно еще в 1331 году из духовной грамоты московского князя Ивана Калиты. Не менее древней является деревня Головино: в XVI веке она принадлежала боярину И. Ховрину-Голове. К упоминанию в документах XV–XVI веков относятся и другие населенные пункты, давшие названия районам Бескудниково, Никольское (сейчас здесь расположен микрорайон «Лебедь»), Хорошево (принадлежавшее Борису Годуну). Известно, что в Савеловском районе когда-то располагались стрельческие слободы. Начало району Сокол положило древнее подмосковное село Всехсвятское с одноименной церковью (памятник архитектуры XVIII века). Среди сохранившихся старинных церковных сооружений следует отметить храм Знамения Божией Матери в Аксиньине (конец XIX века), храм Святых Космы и Дамиана (1730 год) в Левобережном, трехпрестольный храм Бориса и Глеба (1866 год), храм Сергея Радонежского в Бусиново (1859 год). После долгих лет забвения они отреставрированы и вновь стали действующими.

ЛЮБА ПРАВДА

* * *

Это я твоя проза, потерявшая форму
Твой гипертекст в кафкианском процессе
Диалектика просвещения молодого Адорно
Хлеба покрывшая плесень

Я – воробушек с клыками Цепеша Влада
Пробитый в тюрьме язык Достоевского
Приглашающие к чертогам ада
Простые движения резкие

Где
в пустоте летающие ножи и вилки
Мёртвый каждый изначально ранен
Пройдите на собеседование по ссылке
Диктует Иосиф Сталин

Славой Жижек, слава большевистской нации
Полчища товарищей друг на друга несутся
Внутри художественной инсталляции
Красиво светится деконструкция

МЕНЯ ЗАЧАЛИ НА ИВРИТЕ И ИДИШЕ

1.

Меня зачали, наверное, неправильно,
Под Х подставили несчастного раввина
Начальники рода босые нетрезвые –
Создали девочку, чтобы ей брезговать

Меня зачали на иврите и идише
Я красивым родилась здоровым выкидышем
Моя высшая деятельность оказалась нервная:
Гладить убийц и жертв постмодерна

2.

Когда конформизма эпоха задышала на ладан,
В небе появились звёзды параллельной эстрады,
Одна – в шаббатную ночь без двадцати восемь
Её зажгли шестиконечную в миссионерской позе

РАЗРЫВ

Нас родили, возвысили и перепрятали
Ризома Делёза и разрыв Ахматовой
Горе в семье – семья не без писателя,
Не без мазохизма тупого, сознательного

Нас качали в колыбели постреволюции:
Меня сделали тонкой, чтобы в разные стороны гнуться,
Тебя тагуированным сделали сразу и в старой косухе –
Мы изначально пахли чернухой

Я облила тебя керосином и обмазала кетчупом
Ясно гори, солдат, нечегонечгонечего
Укрываться флагом красным из материи социализма,
Я ношу на себе нонконформизм, а ты – идеального государства признак.

Нас родили, возвысили и перепрятали,
В квартете всадников Апокалипсиса мы были пятыми,
Близнецами, несущими символическое существование.
Спасибо Жилю и Андреевне Анне.

ВИСКАС

Ваша киска купила бы вискас
Ложись, разопьём «свист коммунистки»
Ложись, откроем революционный русский
Внутри меня проход к метафизике, узкий

Можем валяться и слушать сарафанное радио
Или обмазаться любимыми книгами – краденными
Где-то существует государство и менты – толстые тролли
А нам хорошо голыми в интеллектуальном поле

Ваша киска купила бы вискас
Преподавала бы подростковый дискурс
Мальчику девяностых, что мастерски воду мутит
Ты хороший такой, ути

АННА КСЕНЧУК

* * *

Меня ждали с другой стороны на правах вольных птиц,
 Что пытаются каждую ночь разбить мне окно.
 Я хочу, мама, быть человеком без всяких границ,
 Не делить на своё и чужое, быть нагой под пальто.
 Если быть человеком, то какими путями извне
 Исповедовать крыши, скрывавшие пепел и хлам?
 Если быть человеком, то это от грусти к себе,
 Не факт, что ты будешь любим в перепутях дхарм.
 Луна изливала себя, как отчаянный псих,
 Пришедший вновь к палачу, чтобы всё рассказать.
 Я хочу, мама, стать человеком из стаи тех птиц,
 Что не падают в серые тучи, а учат летать.

* * *

У девочки был интерес к своему разложению,
 Заиндевелые лица поют мне гимны Содома,
 За домом в оранжевом дыме чья-то машина,
 Кто-то бьёт себя в грудь: его Бог доказал аксиому.
 А семафор был разнuzдан, испорчен и жалок,
 Как дети, игравшие дома с пухом и спичкой,
 Как поправка на совесть, надеясь на страх и порядок,
 Онкология верности тех, кто нашёл смысл жизни.
 А девочка хочет любви, словно в братской могиле,
 Чтоб руки чужие прикрыли измученность тела.
 А в доме напротив честь женщины восстановили,
 Там почти Вавилон и вот-вот им откроется небо.
 И к лику святых их причислят, и спор разрешится,
 Ведь важно понять и найти одного, кто всё понял.
 Девочка дома напротив очень боится.
 Вавилон опустел. Он не будет вовеки достроен.

* * *

Завтра в конце коридора, дорисованного черным маркером,
 Будет стоять еще кто-то, со словами:
 «Беги без оглядки!»
 Наш счётчик покажет нули, хоть мотает уже лет, так пять.
 Я забила в углу, завтра вы придёте и это забрать.
 И устала уже повторять: «Ваши нормы вовсе не мило!»
 Ты счастлив, даже родившись из-за лопнувшего презерватива!
 Ты счастлив в картонных помойках, а я слово даю, что пока.
 В темноте лишь шуршанье верёвок, и что-то течёт с потолка.
 Нет. Уже ничего не случится, всё в порядке вещей, коридор
 До блеска отныне начищен и дверь заперта на затвор.
 Над моими разбитыми крышами, жужжанье навозных мух.
 Чёрный цвет воистину чистый, но под ним миллион показух.
 Открываю окно, чтобы ветер мне порывами выжжет лицо...
 Они были никем в глазах смерти...
 Ну, а я всё живу...
 Как никто!

* * *

Завтра приедёт машина с чёрными окнами...
 Завтра минус один, играем на вылет.
 Завтра один господин свой стакан опрокинет.
 Завтра в этой квартире больше не включится свет...
 Эй!!! Ты меня помнишь?! Привет! Это я, от которой бежали,
 Зубами все скрежетали! Давай, зачитай мне скрижали,
 Ты жил хоть по ним? Или нет?
 К чёрту пошёл твой обет!
 Формалином залей себе горло, меня рвёт от тебя!!!
 А иголка, шьёт мне сотни отравленных лет!
 Завтра рубашкой обвяжут мне белые руки.
 Завтра минус один. Играем на вылет.
 Завтра, спасая тебя, свой стакан опрокину.
 Завтра в нашей квартире, больше не включится свет....

ВИКТОР ШИРОКОВ**РАННЯЯ ВЕСНА**

Дождь бьёт по жести водостока,
лишая трепетного сна.
Как поступаешь ты жестоко
с любовью ранняя весна!

Она же раньше и состарит,
в тупик направив свой разбег.
Глядишь, еще мороз ударит
и вновь стеной повалит снег.

Зато теперь я точно знаю:
там, где царила красота,
теперь свистит дыра сквозная,
одна сплошная пустота.

УЛЫБКА

Просеивая жизнь, как в сито,
вновь от весны и до весны,
поймёшь, что взглядов ненасытных
мир полон в жажде новизны.

Ах, мыслей вечная крошка!
Житейская взболталась муть.
Орёт младенец у окошка,
он тоже должен сказануть.

Сидит старушка, нос как брюква.
В глазах пылает миру месть.
Она давно забыла буквы,
но рвётся вывески прочесть.

Я тоже здесь, в сиденье вдавлен.
С базара еду я домой.
Весенним светом я разбавлен,
прощаясь внутренне с зимой.

Она прошла по нашим спинам.
Я дважды гриппом отболел.
И каждый вздох, и каждый выдох
казалось вовсе не предел.

Сидел я хмуро и сутуло.
Ладонью пот стирал с чела.
Но крыльями весна взмахнула
и все невзгоды отвела.

Пусть серый новый день и зыбкий,
пускай вокруг полно трухи,
дарю весеннюю улыбку
вам и – весенние стихи.

ОБРАЩЕНИЕ

Весна, всем скопищем очнувшихся корней,
ты всасываешь песенную влагу...
Не надо быть хитрее и сильнее,
но всё же стоит выказать отвагу.

И ринуться с рассветом в шумный парк,
на стадион – вбирать ядрёный воздух...
Весна, воистину ты – Жанна д'Арк,
и твой камзол весь в королевских звёздах!

С утра, покрепче меч зажав в руке,
ты рушишь в пыль оковы ледяные;
и в каждом подлетевшем ветерке
твои пажи встречаются доньне.

Весна-весна, и я на всё горазд,
чтоб только приняла в свои объятья;
однако солнца золотой запас
не буду беспричинно в руки брать я.

Весна, не будь со мной безжалостно строга,
останься и улыбчивой, и милой...
Я – вечный твой поклонник и слуга...
О, как же мне с тобою пофартило!

АЛЕКСЕЙ МАСЛОВ

ТРИПТИХ

СЛАВОЛЮБИЕ

Я жажду власти, я – король!
 От славолюбия дурею,
 Хотя как лидер полный ноль,
 Я лишь мечты в себе лелею.
 Мечтаю я, что б все вокруг
 Меня любили, уважали,
 И за заслуги ублажали...,
 Но нет, по совести, заслуг!
 И нет короны – весь я гол.
 И нет величия – всё прах.
 Честолюбивый я осёл,
 Погадить севший на цветах.

СЛАСТОЛЮБИЕ

Тянет порою на сладкое,
 Столько приятного в мире!
 Однако, ведь есть что-то гадкое
 В конфетах, в зефире, в кефире...
 Где же та грань сладострастия,
 Когда уже вдоволь и хватит?!...
 У сластолюбья во власти я,
 Что силы души моей тратит.
 В поисках сладостей вечно –
 Раб похотливого тела.
 Тяга к сладостям бесконечно
 Меня отвлекает от дела!

СРЕБРОЛЮБИЕ

Монеты звон под перезвон!
 И в Церкви чествуют мамону,
 Где всем купюрам по поклону,
 А сребролюбию амвон.

Уже ль и там бесам на смех
 Усердно грани все стирает
 Любовь к деньгам?! Перерастает
 Потребность в непотребный грех!

Христос бичом изгнал торговцев
 Из храма Иерусалима!
 О, Церковь, будь благословима!
 Остерегайся злых притворцев!

ДИМКЕ ПРОФЕССОРУ, ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Смерть коснулась меня вскользь,
 Умер друг и оставил горечь.
 Он ушел, так пришлось,
 Дописав свою повесть.

Мы едва были вместе год,
 Наша дружба лишь расцвела,
 Неожиданный твой исход –
 Для меня испытанием стало.

Погляди, я почти старик,
 Седина волос, и за сорок.
 Ну а ты, родной, мужик,
 Ещё молод, и так дорог.

Смерть приходит невзначай,
 Невзирая на дни и годы!
 Слышишь, Димка, не серчай,
 Этот август как дар природы!

И не ведал ты и не знал,
 Как промчавшись на бэхе лихо,
 Ты в последний раз всем сказал:
 – Я не чувствую ног! – тихо...

Что же, брат, ты закончил здесь
 Наши споры без правил.
 Мы помянем тебя днесь,
 Сохраним все то, что оставил.

ГАЛИНА ПОБЕДИНА

КРОВАВЫЙ ОКТЯБРЬ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Как-то тетя Инночка сказала, что она ощущает в себе предназначение Пьера Безухова, рассчитавшего по звездам, что он тот самый человек, кому суждено остановить мировую катастрофу, застрелив Наполеона. Беззубая, толстая, гениальная, глубокая пенсионерка Инночка, та самая, что всегда застегивала юбку на булавку, поскольку молния давно была сломана, и надевала разные чулки: на одну ногу со швом, на другую – без шва; та самая Инночка, сказавшая когда-то сакраментальную фразу, ставшую крылатой: «Раздолбали страну до могилы», в 70 с лишним лет ощутила в себе зов, а главное, мощь перевернуть весь ход мировой истории, убить Бориса Николаевича Ельцина. И, что характерно, о своем высоком предназначении Герострат Жанна Д'Арки Брут-Инночка сообщала подругам-пенсионеркам исключительно по телефону. – Пусть, пусть меня заберет НКВД. – кричала в исступлении Инночка (на дворе уже давно бушевала ФСБ), – Я не отступлюсь. Они даже могут вызвать мне карету «скорой помощи», но этот крошка Цахес, этот слонообразный Нейрон, этот Голеб (в скобках заметим, что Инночка была энциклопедистом) должен быть раздавлен. И его карающим мечом, его Персеем, его Далилой и Голиафом стану я, Инна Николаевна Глухоедова, корректор издательства «Искусство» в отставке.

Инночку спас её кругозор. Если бы даже мастерам с Лубянки и вздумалось прослушивать телефонные разговоры Инночки, они поняли бы только одно слово «отставка». Но если бывшего корректора с Борисом Николаевичем Ельциным связывали отношения поистине космогонические, то счет Ани к президенту больше походил на оскорбленность оброчающей и брошенной невесты. Она как-то лично, со всей женской страстью, физиологически ненавидела его. Ей казалось, что в лице целого народа он обманул и обесчестил её, Аню Аксючиц. И как в мыльных операх говорит, обычно, главная злодейка: «Моя душа жаждет мести», Аня могла это сказать про себя. О, как много неотразимых, остроумных монологов произнесла она перед его рабочим столом, расхаживая по спальне в ночной рубашке, принимая душ в ванной. О, сколько блистательных, горьких слов правды пришлось выслушать Борису Николаевичу, когда Аня гуляла с коляской по осеннему лесу. А как менялось выражение тигриных глазок, когда Аня бросала самые смачные оскорбления в его окаменелое лицо во время утреннего чаепития у себя на кухне. Бедный Борис Николаевич. Но, видно, Аня и тетя Инночка не были одиноки в своем kloкочущем кухонном негодовании. Каким-то неведомым образом энергия народного гнева перевалила за пороги квартир, докатилась черной волной до Красной площади, взяла штурмом стены Кремля и ворвалась, наконец, в кабинет работаю-

щего над документами президента. Борис Николаевич и впрямь был гением, гением инстинктов. Но два из них были развиты запредельно, непостижимо. Крысы, с их жалкими побегамися с корабля задолго до крушения и массовым покиданием городов, где вскоре начнется голод, по сравнению с Борисом Николаевичем – детские плюшевые игрушки, лишённые нюха и чутья. Борис Николаевич понял раньше, чем волна народного ропота материализуется в Русский бунт, бессмысленный и беспощадный «ни приведи, господи, увидеть который». Надо было срочно найти виновника всех бед, мешающего проводить реформы и зовущего в проклятое прошлое. Да его и искать не надо, он сам, как неразумный дитя, прыгал в Уральские объятия самого демократичнейшего Демократа на Земле. Да и какой виновник! Неразумный, не прагматичный, крикливый, праздничношающий, не работающий над документами, не дальновидный, ну, в общем, чудо, а не виновник. Так вышел указ за номером 1400 о роспуске Верховного Совета Народных Депутатов. С 21 сентября в жизни Ани начались две недели «хождения по мукам». Что там 91-й – увертюра, детский спектакль с плохими дядями коммунистами. События 93-го года отложились в памяти, как поток эпизодов, 13 дней превратились в один долгий-долгий день, что-то из области фантастики. Что-то случилось со временем – оно перестало существовать как объективная реальность, данная нам в ощущениях. Не зря Аня была женой философа. Куда-то провалились ночи, по крайней мере, Аня их не помнит.

Эпизод первый. Только что объявили о роспуске Съезда Народных депутатов. Аня в это время была у Виктора в кабинете, только что вернулись из храма, Рождество Богородицы как-никак (ох, и любят коммуны православные праздники), собирались на день рождения Аниной старшей (*«угораздило сосну в этот день родиться»*) Когда читали по радио указ, все столпились вокруг приемника. Аня увидела эту группу со стороны: лица подняты вверх, на всех одно и то же выражение, попытка осознать случившееся, и потому лица сосредоточены, глаза серьезны. Что это напоминает?.. Вспомнила: кадры 41-го года. Объявление войны. То же выражение, те же глаза, поднятые к репродуктору. У Ани и мелькает: вспомнила не случайно, указ за номером 1400 – это начало гражданской войны.

Эпизод второй – тот же день через 15 минут. Буфет, стеклянные стены, сквозь них солнце заливает оранжевым потоком лучей салаты, зелень, колбасу, искрится в зернах красной икры, за стойкой превеселая буфетчица кокетничает с крепким старичком, депутатом, на лацкане пиджака которого бликует звезда героя коммунистического труда. Аня сидит с секретаршей Виктора Наташей. Полагаются пить кофе. Переливаясь глянецом крепких розовых щёк в лучах заходящего солнца, в буфет входит довольно высокий человек с лицом хряка. Сходство дополняют очень маленькие круглые глазки и бородавка на кончике носа. Издалека видно – бывший номенклатурщик, ныне не у дел. Внезапно Хряк ныряет в глубокий кургузый реверанс: одна ручища грациозно отставлена назад, другая лапища протянута в сторону девиц и очень

мягко, очень по-мужски целует Анину руку. «Как приятно в столь смутное время видеть столь очаровательных дам» – воркует Хряк. Сейчас пока он даже не депутат. Очень скоро он станет лидером самой многочисленной фракции в думе, прославится на всю страну, будет главным соперником Бориса Николаевича на президентских выборах. Ну, пока никому не известный безмашинный Хряк (как-то Аня и Виктор подвозили его в поликлинику) спускается в кабинет к Виктору, берёт под козырёк и рапортует: «Какие будут распоряжения?»

Эпизод третий. Огромная пустая квартира в центре Москвы (бывшая коммуналка). Сейчас толстые стены кажутся картонными. Нет ощущения дома-крепости, любой может войти и вытащить за шкуру да на улицу, да к стенке. Сегодня объявили: «Вокруг Белого дома протянули заграждение из колючей проволоки, депутат Аксютин пытался проникнуть за ограду, солдатам пришлось на руках его вынести на свободу». Все предшествующие ночи Виктор был в Белом доме, там уже отключили свет, канализацию, воду. Зашел домой рубашку сменить да помыться, вернулся в Белый дом, а там: «Добро пожаловать в «Гулаг»». Туда нельзя, и оттуда тоже. Вечером этого дня он расскажет, как его после бесконечных уговоров, после того, как он добровольно перелез на территорию лагеря, умоляя оставить его в заключении, двое солдат, приподняв под локотки, пронесли над проволокой, поставили на землю, выпроводив таким деликатным манером на свободу с чистой совестью охранников.

Шёл 12-й час, за окном лил дождь. Начавшись днем, он лил, не переставая, до сих пор. Сплошная серая завеса из холодных колючих потоков. Аня ничего не знала о Викторе, кроме смехотворного выноса тела утром. Никакой информации. Это тебе не 91-й годик со старикашками-коммунышками, с их уважением прав человека; оставили депутатам и свет, и газ, и, даже, туалет: «*Милые мордофеи, нате обороняйтесь и побеждайте нас с комфортом, в уюте, тепле. Хотите генерального виолончелиста из Америки? Будет вам музыкант. Чего ещё хотите?*». Аня вздрогнула: «Ключ в замке... У кого могут быть ключи от двери? Может, у Виктора вытащили? Ну, тогда что с ним? В больнице? Избили? Убит? Зачем пришли? Может, хотят выкрасть документы важные?» Не случайно звонили и не отвечали. Запугивали. С ключом долго неумело возились – незнакомый замок, впервые открываят. Аня понеслась на кухню, схватила железный топорик для мяса, вернулась на цыпочках в прихожую, встала за дверь. Блин, ну, прямо Раскольников какой-то. План возник моментально: оглушить, перескочить через тело (милицию не вызывать категорически – узнают, что жена депутата, для начала изнасилуют, а потом посадят за нанесение тяжких телесных и т.д.), добраться до мамы к метро «Аэропорт», ну, а там уже решать, что делать. Наконец, с замком справились. Дверь приоткрылась. Аня вжалась в угол, подняла топор над головой, приготовилась бить и... обнаружила, что собирается нанести сокрушительный удар по кудрявой голове родного мужа. Он отвернулся, закинул голову и стал сотрясаться, должно быть, от смеха. Почему «должно быть»? Станный это

был смех: беззвучный, но не совсем, нечто вроде коротких свистящих выдохов раздавалось в тиши прихожей. Затем Витя красноречиво покрутил пальцем у виска, жестами попытался объяснить с Аней. Она подумала, что ему отрезали язык – всякое бывает в Демократические гуманные времена. Аня готова была заплакать и уже отключила нижнюю губу (привычка с детства). Витя, безнадежно махнув рукой в ее сторону, удалился. Вернулся с листком бумаги, показал жене: «*Я потерял голос. Целый день выступал перед толпой. Сделай что-нибудь*». Она наполнила ванну до краев горячей, почти кипятком, водой, сама раздела его. Включила торшер для уюта, вместо столика поставила табуретку, на неё – бутылку коньяка, две рюмки; сама села на краешек. Первое, что он сказал, когда смог: «*Господи, зайчик, как же я тебя люблю*». Они пили коньяк, болтали, и стены квартиры из картонных вновь сделались каменными, старинными, толстыми, почти крепостными, а дождь из злого и колючего превратился в уютный осенний и, казалось, они вдвоём, во всём недосытаемы и неприкасаемы, плывут, плывут на своём корабле по облакам сквозь дождевые дали. Что будет завтра, пока не знают, но и – Слава Богу. Пройдёт без малого 10 лет и Виктор выступит в передаче, тема которой никакого отношения к этим событиям не имеет, что-то насчёт «верите ли вы в гороскопы». В студию звонят телевизоры. Внезапно мужской голос:

– Уважаемый Виктор Владимирович, мне никогда не забыть, как вы один на протяжении многих часов, под дождем, сдерживали толпу, призывая обе стороны избежать насилия. Если бы ни Вы, кровопролитие могло случиться на несколько дней раньше и в более катастрофических масштабах с непредсказуемыми последствиями. По сути дела, Вы один в тот день предотвратили гражданскую войну. Уверю Вас, как свидетель тех дней. Я был один из тех, кто стоял в толпе и видел, как в на протяжении многих часов, без перерыва, Вы призывали нас к гражданскому неповиновению и только к гражданскому, не поддаваться на разного рода провокации. Вы говорили до тех пор, пока у Вас ни сел голос, и тогда мы постарались Вам достать мегафон и Вы продолжали обращаться к нам с крыши автобуса до самой ночи. Жалко, что люди так и не узнают о той мужественной и огромной роли, которую Вы сыграли в тот день, но мы это знаем. Спасибо Вам.

Аня запомнила этот звонок дословно, справедливость восторжествовала, а это не так часто бывает.

Вечер 30 сентября. Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья. Водитель Юра, Наташа и Аня сидят в темной машине у метро «Баррикадная» чуть поодаль в переулке. Виктор и его друг Глеб только что выскочили из машины, куда-то унеслись. Снова дождь, в свете розовых фонарей он кажется черным, площадь оскалилась криком страха и боли. Из метро никого не выпускают, того, кто пытается проникнуть на улицу, ошалевшие милиционеры бьют дубинками всех без разбора. Бросается в глаза, что это, по преимуществу, женщины после 50, с сумками, спешащие после работы домой. В это время веселый голос по радио сообщает:

«Только что банды оголтелых хулиганов, так называемых, защитников Белого дома, прорвало оцепление в районе метро «Баррикадная» и учинило там настоящий погром, кровопролитную потасовку. Со своей точки, откуда я веду этот репортаж, мне видно, как они всем, что попадет под руку (каменьями, прутьями и железными палками) избивают молодых беззащитных парней, наших с вами законных стражей порядка». Мимо машины пробегает полная женщина, в руках у нее кудрявый белокурый кудрявый парик, видимо, какой-то «беззащитный страж порядка» сбил дубинкой, на лбу кровь. Из сумки вываливается бутылка кефира, разбивается, белой лужей растекается по мостовой. Женщина бежит дальше. Радио продолжает: «Я прощаюсь с вами, но не скучайте, мы встретимся ровно через полчаса и продолжим репортаж с места событий, где оголтелая банда хулиганствующих элементов развязала настоящий погром. Пока же послушайте «My darling for ever I never forget, I nothing forget» в исполнении группы «Funny intentions girls and cool boys». Голос звучит фривольно, судя по всему, это тонкая ирония вполне адекватная моменту. Аню начинает трясти, Наташа выговаривает ей со всей партийной честностью о недостойности такого поведения, что в эту трудную минуту женщина не имеет право на трусость. Сваливаются промокшие Виктор и Глеб. Услышав последние слова Наташиной отповеди, Виктор:

– Во, во. Я Глебу говорю: «Пойдем скорее в машину, а то там Анюта, наверное, уже гузкой трясет».

А Глеб: «Как она может ею трясти, если она на ней сидит?»

Мужчины более снисходительны к женской трусости.

3-е октября. Решено Владимирскую Божью мать перевезти из Третьяковской в Елоховскую церковь. Что это? Спустя столетия вдруг вспомнили: Богородица, России покровительница, спасала всегда. Спасла на поле Куликовом, в смутное время после всенародного поста вразумила, спасет и теперь, не оставит, защитит.

Всю жизнь человек существует так, будто Бога нет, а как приспичит – то и понеслось. И перед важной сделкой подкатывает на джипе цвета черной розы к храму бизнесмен, заглянет на минутку, поставит дорожную свечку Николаю Угоднику (говорят в денежных вопросах помогает) и укатит. Забегит студент перед экзаменом, поставит дешевую свечку перед иконой Иоанна Кронштадтского (говорит: «Учился плохо»), неуверенно и стесняясь перекрестит лоб и убежит дальше на экзамен. И впервые в жизни взмолится женщина в отчаянии, что теряет любимого. Упадёт перед Святым Пантелимоном (говорят, вылечивал многих), зарыдает, потом у бабок спросит, что делать, как молебен заказать и уйдет обнадеженная. Но чуда не произошло – сделка не удалась, студент на экзамене провалился, любимый человек умер. И ропщут, и ожесточаются бизнесмен, студент и женщина. Как же так и свечку ставили, и молебен заказывали, а не услышали их. Да есть ли кому слушать? Видимо, правильно в школе учили: «Никого там нет наверху». Так и 3-его 93-его не могло быть чуда. Икона не картина по природе вещей и она

должна быть намолена и писал её евангелист Лука на столешнице Тайной Вечери не во имя произведения изобразительного искусства, а как собеседницу, как пристанище для всех страждущих, и только в результате настоящего обращения к ней, как к живой матушке-заступнице, она и впрямь оживает, избавляя, спасая, вразумляя. А музеи – это кладбища умерших икон. Они превратились в картины, а святые на них – в мумии. Господь слышит человека, если только тот к нему обращается. Вот и теперь, прежде чем внести в храм Владимирскую Божью мать, долго стояла она на заднем дворе храма всеми покинутая, ожидающая, когда ее, словно золотого идола внесут в храм и поставят перед алтарем среди раскаленной толпы.

Задолго до молебна в огромную Елоховскую церковь не войти. Здесь все: и неистовые бабушки-богомолки (в прошлом комсомолки), те пришли, пользуясь возможностью, приложиться к святыни, много пожилых мужчин с партноменклатурными лицами, теснятся в толпе среди простого люда и известные политики. Всем, всем страшно, а еще что-то носится в воздухе не доброе, не братское, будто и не в церкви вовсе, будто и не народ один. Где-то тихонечко запел хор: «Радуйся, во обстоянии сущим скорую помощь дарующая. Радуйся, отчаянным надежду возвращающая. Радуйся, Пречистая, от иконы Твоя милости нам источающая».

– Да куда ты прешь? А ты чего, старая, совсем ослепла, к иконе приложились?

«Радуйся, междоусобных браней утоление; радуйся, ожестевших сердец умягчение».

– Ты чего совсем охерел, ты чего меня толкаешь?

– А чего ты на дороге стоишь?

– А куда я пройду, сам не видишь?

– Да пошел ты...

«Радуйся, надежда всех лишенных; радуйся, спасение во дно адово нисшедших; радуйся, пришествием иконы Твоя Москву возвеселившая».

– Слышишь, сирены завьели? Витя, я боюсь. Он все может. Зальет Москву кровью.

– Не бойся, Богородица поможет, молись.

«Радуйся, земли нашей забрало; радуйся...».

– Ты чего к Пречистой присосалась? Видишь, за тобой сколько народу? Все приложиться хотят.

– Вы, бабки, все искушаете. Как я вас, крысы церковные, ненавижу. Из-за вас молодежь в храм не ходит.

«Радуйся, страны наша преславная Защитнице; радуйся, призывающим Тя скорая помощнице».

– Ооо..., сволочи, икону свалили!

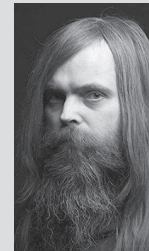
И стало в храме тихо, тихо...

«О, Мати Божия, спаси землю Русскую!».

Восточный округ

Александр
Бобров

Антон
Вовк

Эльмира Юси-
пова

Иван
Козин

Ирина
Ракша

Православные храмы – это подлинное украшение Москвы. Иоанн Кронштадтский писал в своем дневнике: «В храме, в его расположении и частях, в иконах, Богослужении с чтением Св. Писаний, пением, обрядами, начертано образно, как на карте, в лицах, в общих чертах, вся ветхозаветная, новозаветная церковная история, все божественное домостроительство человеческого спасения. Величественно зрелище Богослужения нашей Православной Церкви для тех, кто понимает его, кто вникает в его сущность, дух, значение, смысл!» Исторически так сложилось, что на территории Восточного округа собраны самые разные храмы, каждый из которых уникален. Уникален своей историей, своей архитектурой, своей судьбой. Есть храмы, которые ведут свою непрерывную историю с XVII века – времен царя Алексея Михайловича и Петра Первого. Есть и такие, которые совсем недавно были возвращены из атеистического небытия. Один из них – храм Преображения Господня на Преображенской площади – последний московский храм, уничтоженный при советской власти, который восстанавливается сейчас на своем историческом месте. Есть и совсем «молодые» церкви, датой основания которых значится уже XXI век, как, например, храм Всех Святых в Земле Российской просиявших в Новокосине или два новых храма в Вешняках, которые возводятся на пожертвования прихожан и благотворителей.

АЛЕКСАНДР БОБРОВ**ЗИМНЕЕ**

Пустынный аквапарк...
 Цветные горки выются,
 Но что-то здесь не так,
 Коль дети не смеются.
 Ещё стоит вода
 В бассейне приводнения,
 Ясна и холодна,
 Как отсвет настроенья.
 Приехал в несезон,
 Как часто доводилось,
 Но если был влюблён -
 Вся Венгрия светилась.
 Темнеет.
 Я рискну
 Без песен и гитары
 Услышать тишину,
 Как говорят мадьяры...

ОДИНОКАЯ СВЕЧА

В пустом католическом храме,
 Где льётся не греющий свет,
 Где нет никого между нами
 (А чувства – давно уже нет),
 Я вспомнил о прошлых дорогах,
 О клятвах в начале пути,
 Но всё утонуло в упреках,
 В банальностях...
 Боже, прости.
 Я в ящик бросаю монету,
 Беру не родную свечу
 И чиркаю спичкой...
 За эту
 Судьбу помолиться хочу,
 За тропку в заснеженном поле,
 За нежность руки на плече,
 За отсвет надежды и боли
 В моей одинокой свече.

НАВЕЧЕРИЕ РОЖДЕСТВА

Я всегда хоть на мгновенье
 Вспоминаю в эти дни
 Запах ели, вдохновенья
 И малеевской лыжни.
 Не осталось даже фото
 Нас, успешных, молодых...
 Перечислю – мне охота! –
 Многих нет уже в живых:
 Поликарпов и Устинов,
 Юрий Коваль и Кушак -
 Не делю их, но постигну,
 Кто мне друг, а кто лишь так...
 Там – Личутин и Куняев,
 Там – Дагуров и Бобров...
 На снегу в футбол гоняем,
 Выпиваем – будь здоров!
 Мы в одной стране творили,
 Чтоб за совесть – не за страх,
 Не о «бабках» говорили,
 А о бабах и стихах...
 Нет Малеевки любимой,
 В перелесках – никого,
 Лишь бесшумный лёт свиный...
 Скоро полночь. Рождество.

АНТОН ВОВК

* * *

Дивья сила голосов трин
 На закате молодого дня.
 На вопрос– ответ,
 Меж них ритм.
 Радужный край.
 Электросвет ночей.
 Гармонии круг.
 Ключ открытий тайн
 Слов назначение соединит.
 Правила явный мир,
 Левая рука тем.
 Культура, еда,
 Фантастика дум.
 Космос звездой кочевую манит.
 Дыханье корней.
 Солнечный квант лун.
 Психоактивный мёд
 Искушённых пчёл.
 Материи молока терпкий вкус.
 Цветной туман.
 Переходный порог
 Из пучка в пучёк...

* * *

Москвой окучен люд разнообразный.
 Да здравствует приют лесных широт.
 И пашен волн меж берегов морей.
 Вдосталь всего, и сладок вкус земли.
 Радостен взгляд детей,
 И искр в глазах старух.
 Приподнят тон речей.
 Уверенность мерил.
 Мирный сон солдат.
 Густая яснь ночей.
 Плоды болот жирны.
 Слои еды растут,
 Одновременно все.
 Успеть собрать
 И сохранить в зиме,
 Обильной тож на снег и криль.
 Икра ручьёв весной полна.

Кто люди, делают детей.
 В космических торах летят,
 Набитых яйцами людей,
 Подростки в стереоочках
 И воспитатель монах чародей.

АТОМНЫЙ КРАЙ

Ангельский порт
 Дальних сил,
 Отданный сыл
 Вернулся
 Томагавком.
 Мегатонн свет,
 Мигнул нейтрмаяк
 И нас уже нет,
 А он спит
 Под боимбардировщиков рёв.
 Сегодня ему в караул,
 Положен ему сон,
 В котороом полгода ещё,
 Ему предстоит пребывать.
 И парня того отец,
 Что песню ту сочинил
 Где знает, что
 Любиш ты меня.
 И я, что смену ту
 У них добровольно принял.
 Меж нами тот бог,
 Кто песню эту пронёс
 Тебе из эона в эон,
 И он с нами здесь и сейчас...

Ё

Грузовой Электровело, самый путный трансдевиз.
 Заряжаешь батарейки, едешь быстро, как бежишь.
 Новый служит, как живёшь. Если бросишь, подберут.
 Трисветлый светофор
 Зелёною волной
 Кати напарника
 Счастливого пути!
 На прицепе груз возит. Еды, воды просит.
 С огоньком на тормоза ноги ставь, крути педали.
 Защитит страховщик, в «Деле».
 Поставщик «Российский Велик».

ЭЛЬМИРА ЮСИПОВА**ГЕОМЕТРИЯ ОФИСНОГО РАБОТНИКА**

Он живёт в доме напротив.
 У него круглосуточный проездной.
 Он ездит по нему на работу.
 У него один выходной.
 Он геометрически правильно сложен,
 Как девятиэтажка напротив его окна.
 С идеально натянутой кожей.
 С идеальной пропорцией бедра.
 У него идеально ровная линия губ,
 Как стрелки на брюках «джентльмен сити».
 Такой же прямой, как линия надбровных дуг,
 Выщипанных в салоне красоты «Обольститель».
 Он едет в большое зеркальное здание.
 Заниматься полезным времяпровождением.
 Хотя полезным там заняты лишь тараканы,
 Изучающие азы размножения.
 Да и тех давно потравили газом
 Как возмутителей офисного этикета.
 Теперь там не осталось и тараканов.
 Теперь там вообще нету
 Никого живого.
 Разве что уборщица тётя Зина.
 Да и та тоже немного того –
 В секретарши метит тётя Зина,
 Катается в дорогом авто
 Вместе с начальником отдела кадров
 В дешёвый соседний отель.
 Уж очень сильно ей хочется быть секретаршей.
 Уж очень не хочется ей идти на панель.
 Что ж, простим тётю Зину.
 Да и остальных тоже простим.
 Это же не они такие.
 Это «современный ритм».
 А мой сосед стоит
 У прозрачного столика.
 Улыбается Боссу,
 В мыслях называя его «кретин».
 Заполняет отчёты,
 Пьёт утром «арабику».
 Вечером капает Валокордин.

А сегодня утром он взял второй выходной.
 Первый раз за все двадцать лет.
 Только не дошёл почему-то домой.
 Свалился по дороге в кювет.
 Его поместили в идеальный гроб.
 Прямой. Блестящий. Зеркальный.
 Рядом положили ежедневный отчёт.
 Как эпитафию.
 Как память.
 А кювет был рядом с тем зданием,
 Которое до сих процветает.
 В нём, кстати, опять завелись тараканы.
 Только их больше не травят.

ТИБЕТ

Ты можешь сколько угодно искать себя в
 Религии, наркотиках, творчестве.
 Завести канарейку – научить её материться
 И читать наизусть стихи.
 Записаться в кружок вышивания / зодчества,
 Послать начальника в задницу –
 Автостопом свалить на Бали.
 Ты можешь сколько угодно медитировать в шавасане.
 Отказаться от сигарет.
 Бросить пить миртазапин.
 Но зачем тебе нужен Тибет?
 Если даже в буддийском храме
 Ты всё равно будешь один.
 Ты приедёшь домой к канарейке, начальнику, зодчеству.
 Зайдёшь в Ашан купишь колу и Джемесон,
 И поймешь, что всё сводится к одиночеству.
 Зачем тебе нужен Тибет,
 Если тебе не с кем постигать дзен?
 И, знаешь, даже на Бали бывает холодно
 Крутить сансару четырёх стен.
 А Тибет можно устроить
 в однокомнатной съёмной.
 Было бы
 с кем.

ИВАН КОЗИН**ВОТ ВНЕЗАПНЫЙ МОЙ НАТЮРМОРТ**

Будто воин невидимого фронта
 Так отец прислал натюрморт мне,
 Из настойки и фруктов сотканный
 И любовью домашней созданный.
 Вот хозяйкины хитрости-пряности
 В опрятной парадности.
 Утоляет жажду суббота
 Холодной чашкой компота.
 Открывая клюквенную настойку,
 Выходные садятся за столик.
 Посмотри как!
 Всё же, приехать стоило
 И вдохнуть аромат праздника.
 Но сегодня уже никак.
 И поэтому даже совестно.
 Ничего: время даст другой шанс.
 И вселит эти встречи в нас.
 И напишутся сочные повести.
 Проживая в «Здесь и сейчас».
 Так Весна приносит Богам
 Гроздьями радости
 Фруктами сладости
 Ягоды к нашим ногам.
 Я не с вами, но вам передам
 Сквозь шабашность общих суббот
 Мой восторг будто страсть на губах.
 Вот внезапный мой натюрморт.

* * *

О, мой родитель – назидатель,
 Бросаю творчество в костер.
 Поскольку ты важней. СОЗДАТЕЛЬ!
 Меня. И братьев. И сестер.

ТОЖЕ ЧАСТЬЮ ВСЕЛЕННОЙ...

Шум за окном
 говорит мне о том,
 что жизнь уже пробудилась.

Кофе сварив, отогнавши свой сон,
 Холодной водой окатившись,
 Быстро одевшись, заправив кровать,

По строчке себя начала создавать.
 (Белкою в круг возвратившись)

... снова по офисам, папкам, делам.
 В чёртовом колесе
 Вновь упорядочив хаос, бедлам,
 От Бога свежих вестей

Ждать, окунаясь в летопись дней
 Будто перо в чернила.
 И растворяясь в этой жизни – быть в ней
 Тоже частью Вселенной.

* * *

Пейзажем междустрочья –
 Отъезд твой спозаранку.
 Вот утро в сердце ночи
 На русском полустанке.

LES YEUX DU SOIR.

.....
 Я шёл по городу,
 Объятый чудесами.
 И дом стоял так гордо,
 Взирая жёлтыми глазами.
 То вечер был. И день, уснув,
 Накрылся сном как снежной бахромой.
 И я в глаза те вечера взглянул.
 Ушёл домой.

ИРИНА РАКША

РАССКАЗ

Мы с мамой жили тогда в Останкино, в двухэтажных оштукатуренных, беленых бараках. Их почему-то, возможно красоты ради, называли корпусами. По Третьей Останкинской улице таких корпусов построено было семь. В конце тридцатых годов их соорудили наскоро, как временное жилье для сотрудников ВСХВ – Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, которая находилась неподалеку. Мой папа был ее сотрудником, молодым выдвиженцем – директором павильона «Хлопок». Ему, как и остальным, обещали в скором будущем отдельную квартиру в центре. Но воистину – нет ничего более постоянного, чем временное. Тем более, что в скором будущем началась война, и папа ушел на фронт – лейтенантом, танкистом... Потом война кончилась, но отец все не возвращался и не возвращался. А временные барки, как Ноев ковчег, где набралось всякой твари по паре, все жили и жили на Московской окраине. И плыли сквозь толщу лет аж до окончания века. Правда, седьмой корпус, при первой же бомбежке в сорок первом, сторел от прямого попадания немецкой бомбы, так что седьмого корпуса я не помню. Не помню и как уходил на фронт отец – мала была... Запомнила лишь одно – мы всегда жили с мамой в Останкино, в шестом корпусе. На первом этаже. Жили вдвоем, а отца все только ждали и ждали... Пара окон нашей комнаты, в тюлевых шторках, с ясными, вытертыми до скрипа, стеклами, смотрели, словно глаза, прямо в зеленое поле, за которым на горизонте синела дубовая роща, так называемые Останкинские Дубки.

Бараки стояли перпендикулярно к трамвайной линии. По одну ее сторону. А по другую, за дощатыми заборами, беззубыми штакетниками и всяческими оградками скрывались разномастные срубы. С резными наличниками, с голубыми ставенками на окнах. Глухая окраина. Точнее сказать – «частный сектор» – дореволюционные домики никому неизвестной тогда деревни Останкино. Они утопали в садах, в зарослях жасмина, сирени, одуряюще пахшей весной. А по осени там, за заборами ветви садов манаще ломились от тяжести желтых и красных яблок, и синих слив. Туда по ночам совершала набеги наша барачная ребятня. Там лаяли собаки, а кое-где блеяли козы и даже мычали коровы. Но в общем там жили тихо и потаенно. Даже как-то испуганно. А мы шумно, все – на виду. Живущие там считались частниками, «аристократией». Ну, а мы, что напротив, были опасным пролетарским соседством. И, не без оснований, считались шпаной. Общей у нас была лишь трамвайная остановка. Вагоновожатый в трамвае кричал: «Третья Останкинская улица!» – и нажимал на шипящие тормоза... Да еще – чугунная, гремящая рукоятью, колонка. К ней за водой тянулись жильцы обеих сторон и одинаково набирали шумно текущую воду. В эмалированные

и жестяные ведра, в тазы и бидоны. И белье полоскали в корытах тут же, возле колонки.

Несколько раз в день посреди улицы, по рельсам со шпалами, присыпанными щебенкой и поросшими травкой, прогромыхивал старенький красно-желтый трамвай № 39. Он приходил издалека «из города», с Первой Мещанской. И пройдя мимо нас, шел к следующей, последней остановке у Шереметьевского дворца. Она называлась «Круг». Там он чуток отдыхал и, сделав круг у трех тополей, поворачивал в обратный путь.

Моя мама отношения к сельскохозяйственной выставке не имела. Она давала уроки музыки. «На дому» и «на выезд». В определенное время к нам приходили ухоженные девочки с большими нотными папками и уныло, под неусыпным контролем мамы, долбили на пианино гаммы. «Пальцы! Пальцы! – то и дело звучал мамин голос. – Опять путаешь пальцы!.. На «ми» какой пальчик?.. Третий. Правильно... Еще раз повтори...» Этих девочек с бантами в косах я терпела с трудом. И облегченно радовалась их уходу. Зато за «выездные уроки» маме платили вдвое больше. Но и времени они отнимали уйму. Ей надо было заранее привести себя в порядок. Прилично одеться, и в новом дорожном жакете с высокими ватными плечами, в белых суконных ботинках или начищенных гуталином туфлях (смотря по сезону), в шляпке и штопаных перчатках, отправляться с сумочкой под мышкой «в город», «на люди», в приличный дом с коврами и высокими потолками. Долго ехать с нашей окраины с пересадками в «битком набитых» трамваях. Опасаться карманников и портить обувь. И там, в «приличной семье» стараться выглядеть истиной дамой и пианисткой. А, может быть, даже (после часового урока с капризным балбесом) выпить, если, конечно, предложат, чашечку кофе, непринужденно болтая с хозяйкой и пряча под стол ноги в стоптанной обуви. И, разумеется, не касаясь конфет и печенья. А уж если касаться – то лишь для того, чтобы незаметно сунуть не съеденное в карман или сумочку и привезти дочке лакомство.

Такие уроки «на выезд» были для меня праздником. В комнате воцарялась сладостная тишина. И хотя мама запирала меня «на ключ», весь окружающий мир сразу же обнимал меня и принадлежал только мне. Какое это счастье быть одной! Чувствовать себя свободной! И в тишине свободного мира свободно дышать, двигаться, думать. Как упоительно оставаться один на один с собой, с каждым предметом вокруг. С кошкой Дымкой. С книжками, с тетрадами с промокашкой, с чернильницей-непроливкой, что на тумбочке у окна. С игрой «лото» – на круглом столе, что посреди комнаты под оранжевым абажуром. С семью белыми слониками на пианино. Даже с птицами летящими за окном в солнечным небом. С дубовой рощей вдали.

В первый момент тишины я не знала, что делать, куда себя деть. Отрешенно и молча гладила любимую кошку Дымку. Старый коричневый инструмент тоже молчал. Он отдыхал, и от чужих, и от маминых рук, от ее возгласов и команд. Мы были с ним заодно, мы были единомыш-

ленники. И только глухо доносились из длинного коридора, сквозь обитую одеялом дверь, голоса соседей, шум примусов и кастрюль на кухне. Шум радио за стеной.

О том, что мама беременна я узнала однажды от соседки – татарской девчонки Саидки. И, конечно же, – по секрету. Саидка была темноволосяй, конопатой – старшей дочкой в многолюдной семье старьевщика дяди Ахмета. Новость была очень странной. Хотя об этом тетки на кухне шушукались не однажды.

– Мужик где-то на Колыме. Сидит. Говорят, в плену был, а она, верченая – накрутится, выпялится – и в город.

– Вот, барыня, и нагуляла.

– Ясное дело, дошла ясь...

Я уже слышала это, но не думала, что такое – про мою маму, про нас, про отца. Во-первых, потому, что мой папа, разумеется, был героем. Настоящим героем войны, и настоящим танкистом. Я сама не раз с гордостью разглядывала его фотографии с фронта. Правда, всего только две. Одна очень маленькая, групповая. Он на танке вместе с бойцами своей роты. Сплошь стоят и сидят на броне, на гусеницах и у пушки. И лицо его рассмотреть очень трудно. Вторая – крупнее. Папа в дружном в зимнем лесу тоже на фоне танка. Оба такие лихие, в белых полушубках и шлемофонах, с папиросами в зубах и улыбаются. И глаза у папы – светлые-светлые. Как у меня. Голубые.

Отец и сейчас служил где-то в армии. Как говорила мама, его часть «перевосили» куда-то на дальний восток, на японский фронт. И ему оттуда даже писать нам было нельзя. В красивой, семейной шкатулке мама берегла старые треугольники его писем. С фронта. И еще берегла трофейную, очень нарядную, хоть и потертую, «пасхальную» открытку – с умильными немецкими поросятами. Я подолгу рассматривала трех розовых, в бантиках поросят. Они беззаботно плясали на голубом снегу, и вокруг разбрасывали ромашки. На обороте открытки твердым почерком был выведен длинный номер воинской части и строчки: – «Любимой женушке и дочурке, в память о днях наступления на ... (дальше было зачеркнуто)... Бьем беспощадно фашистскую гадину...» Опять зачеркнуто. А внизу под густо зачеркнутой датой: «... Ждите. Крепко целую, любящий муж и отец...» На мой вопрос, кто все так исчеркал, мама только вздыхала: «Цензура армейская... Конспирация... Иначе, детка, нельзя. Время сейчас такое. Враг – не дремлет».

Ну, а про беременность – это уж было совсем вранье. Это уж было слишком. Я знала, как некрасиво, как пузато выглядят беременные женщины. А мамина фигура была как всегда стройной, порывисто-легкой.

– Во дура-то, – даже не обиделась я на Саидку. – Враки все это. Брехня и враки... Пойдем во двор, в «штандер» играть.

– А мячик вынесешь?

– Вынесу.

В Останкино ярко цвела золотая осень. Величаво, торжественно стоял порывевший Шереметьевский парк. На горящем, оранжевом фоне листвы – четкое кружево черных ветвей и черных стволов. У входа в парк драгоценно белел колоннадой роскошный дворец. Окна были грубо забиты потемневшими, старыми досками, но по сторонам входной лестницы дом по-прежнему стерегли живописные, верные львы. Давно не гордые – замусоленные и обшарпанные. С отбитыми лапами и ушами. И не было в округе пацана, который бы хоть раз не восседал на них. И, шмыгая носом, не хлопал бы ладошками по грязным каменным гривам.

Вдали же, напротив имения, на убогих останкинских пустырях по осени ритуально дымились костры. Там и сям окрестные жители на огородах сжигали ботву. В воздухе сладко пахло гарью, кострами, печеной картошкой. Мы с мамой тоже копали и убирали картошку. В мешки. На своем, чудом полученном, участке в пять соток. Раньше на этих сотках располагались пузатые, серебристо-серые аэростаты. В войну они охраняли московское небо от вражеских самолетов. Да тут пока и остались. Называлось все это – противовоздушная оборона. Пункт ПВО. И эти последние «ненужные» аэростаты напоминали старшим о бомбардировках столицы, а мне – два живых организма, мерно вздыхающих, колышащих на ветру свои тугие и беззащитные животы. И было не ясно, как они, такие толстые, неповоротливые, могли охранять Москву от фашистов? А чтобы они не вздумали улететь, их прикручивали тросами к железным крюкам, попарно вбитым тут и там в землю. И глядя на этот пункт и на клочки огородов вокруг, невозможно было вообразить, что спустя какой-то десяток лет, на этом месте потянется в небо полукилометровый, отовсюду видный шпиль останкинской телебашни – немыслимое, невиданное в те годы дитя прогресса. А его основание, его огромные разлаписто-бетонные «ноги», упрутся в эти самые «огородные» сотки. И возрастать это «чудо» будет прямо на наших глазах. Поскольку окна шестого корпуса смотрели как раз в ту сторону.

Но до этого было еще далеко. Пока в поле жили аэростаты. Наверно в войну они были очень нужны. По ночам, натягивая тросы, они неслышно поднимались в черно-синее небо, в ожидании врага. И дрожали там, пузырями, под звездами, на вселенском ветру. Как живые могли оглядывать с высоты, словно детский макетик – белый дворец с парком и темным прудиком, трамвайный круг и все три Останкинские улицы. И, конечно же, наши бараки, поставленные аккуратным рядком, как спичечные коробки. В сорок первом именно эта геометричность и соблазняла немецких летчиков бомбить наши дома.

Сверху, с тревожных небес аэростатам было видно все: Шереметьевское имение и Марьино Роца, Кошенкин Луг и дубки, село Алексеевское и Ростокино. В дальней дымке – Ржевский вокзал. Уже не Виндавский, как до революции, но пока и не Рижский, как нынче. А еще, как на ладони, им были видны павильоны и площади закрытой тогда сельхозвыставки, где возвышался белый памятник Сталину – в полный рост,

в шинели, и еще – алюминево-серый – рабочему и колхознице. Правда, памятники были обложены мешками с песком, закамуфлированы – до неузнаваемости.

И вообще под надутыми серебристыми их животами широко простирался весь наш темный, тревожно спящий в военных дымах, голодный город.

Ну, а после войны аэростатами занимались на пункте девушки. Рота девушек в лихих пилотках, ладных сапожках, в защитной военной форме с погонями. Война миновала и потому смешливые и «бесстрашные» девчата нового призыва были задорны и отутюжены, и, конечно, полны чувства собственной важности. От нашего дома отчетливо были видны вдаль не только большие аэростаты, но и, казавшиеся маленькими, армейские постройки, подсобки и жилые брезентовые палатки, выцветшие за лето до белизны. А дальше за пунктом ПВО синела дубовая роща, великолепно написанная когда-то с натуры художником Левитаном.

Да, это были те самые могучие и царственные «Останкинские дубки». Историческая дубрава, которую три века назад наши предки с особой заботой, с молитвой и тщанием, взращивали на Шереметьевских, графских землях. А какие там были гулянья! Какие концерты! Игры с танцами, музыкой! И цирк-шепито приезжал. И для детей зверинец... Кто только не побывал там – в Марьиной роще, в Дубках... А при советской власти дубраву начали изводить, незаметно, упорно так вырубать. Особенно после войны. Делать просеки, прогалины. Засаживать огородами. А дровами из векового дуба топить в «частном секторе» печи. И остановку автобуса, что за «Марьиной рощей», называли уже «Дубовый просек». Конечно, ни Марьи, ни ее березовой рощи, давно уже не было. А вот могучие дубы и дубки вырубались и исчезали прямо у нас на глазах.

Женская школа № 271 была от дубравы недалеко. И после уроков молоденькая учительница всем классом водила девочек в лес погулять. Зимой – соревнуясь – побегать на лыжах. А осенью – соревнуясь же – набрать желудей. Да побольше. В помощь какому-то лесохозяйству. Задание было ответственное. А «соревновательный» дух буквально витал тогда в воздухе. Разбредясь меж стволов, мы внаклонку собирали желуди. Жадно, старательно выбирая пальчиками из сухой травы. На ощупь они были приятные. Гладкие, и прохладные, как отборные камешки-голыши. Ссыпали мы их в портфели, в мешки из-под обуви. И, скользя, они постукивали глухо и весело. Мы свято верили, что спустя годы, из них вырастет тут дубрава, полная птичьего гомона, шума листвы на ветру. И все это зависело, как казалось, от нас, от малого желудка на нашей ладошке. Очень уж хорошо было нам в дубраве. Легко, просторно как в чистой, высокой горнице. А сколько грибов-крепышей там было по осени, сколько ландышей по весне!

И вот – все вырублено под корень. Ни желудка кругом, ни пенька. Одно название осталось – «Дубовый просек». И можно лишь с благодарностью вспомнить тот щедрый и беззащитный лес, где в кружеве

зелени, в солнечном мареве остались, словно мираж, наши детские силуэты.

А еще аэростаты напоминали мне новенькие цистерны с горючим, которые стояли на запасных путях, за Марьиной Рощей. Иногда мы, собравшись всей барачной ватагой – Саидка с Маршидкой, Ленька, Витя-Хрюня, братья Калашниковы и еще кто-нибудь из соседнего пятого корпуса, отправлялись «на точку» – «позырить». И не просто позырить, а втайне надеясь – вдруг там чего и отколетса, в смысле – пожрать. Однажды Саидка принесла оттуда необычайный, обсыпанный чем-то сухарь, про который тетя Роза сказала – «ванильный». На мою обычную дворовую просьбу «дай куснуть» Саидка отвернулась и не ответила. Зато из её рук сухарь перенюхали все ребята, жадно втягивая сопливыми носами дивный, ни с чем несравнимый, запах.

На пункт ПВО мы бежали вначале сосредоточенно и решительно. Через болотце, поросшее камышом и осокой, лихим галопом. По хлюпающим, набросанным по тропе, доскам – только брызги стреляли из-под голых пяток и башмаков. А взойдя на пригорок, в поле, с заплатами картофельных огородов, стали шагать все медленнее, медленней. Приближаясь, аэростаты словно росли навстречу нам. Надвигались и надвигались, закрывая и застя и дальнюю рощу, и красное вечернее солнце, что уже валилось к горизонту. Мы – ватага убогих мальцов – петляли по тропкам и межам, где окученными рядами зеленела не зацветшая еще картошка. Наконец, растянувшиеся гуськом, оробевшие, в выцветших штанах и платишках, оказывались в тени толстопузой громадины. Ну, а к самой площадке подбирались уже пригибаясь и крадучись. Потом рассыпались у самого края. И залегали цепью в межах. Притаившись, лежали на теплой, комковатой и пыльной земле. От волнения казалось, что слышно, как колотятся наши сердца.

Отсюда из укрытия, сквозь зелень, все было видно как на ладони. Мы жадно следили, как там живут. А жили там, на наш взгляд, прекрасно. Как в сказке. Особенно сейчас, к вечеру, когда под навесом в железном котле варился ужин для роты. Девчата в военных формах точно осы, туго перетянутые по талии ремнями, спокойно ходили, переговариваясь, пересмеиваясь, от палатки к палатке и под навес, где стоял обеденный стол. Почти все были без пилоток. Одни с косами, уложенными корзиночкой, или вокруг головы, другие коротко стриженные, с расстегнутыми у шеи воротничками, с поблескивающими на солнце пуговицами. Мы безошибочно знали, кто у них командир, и кто сегодня дежурный – «дневальный». Я обожала их всех, этих девушек, за «картинность» – за выправку, форму и красоту – за все то, чего у меня не было... Ах, как хотелось тогда быть похожей на них!.. Вот они принялись по очереди умываться под гремящим на столбе рукомайником, перекинув полотенце через плечо. Вот, переговариваясь, расставили на дощатом столе алюминиевые тарелки. Стали нарезать хлеб, большими ломтями. От кирпичной буханки. А дежурная у печи в заляпанном фартуке поверх гимнастерки, приподняв крышку бака, уже колдовала

над ним половником. И над всем этим в вечерней тиши, где далеко-далеко слышался каждый звук, поплыл несказанный, помрачающий ум, запах – запах каши с мясной тушенкой.

Мы лежали вдоль края посадки, каждый в своей меже, приподняв, как перед атакой, головы. Ряд детских голов над картофельными кустами – русые, белые, черные. И принюхивались, глотая слюну. Но особенно нестерпимым запах становился, когда дежурная, обтерев руки о фартук и отложив крышку, из-под которой клубился пар, доставала поварешкой волшебное варево. Доставала и весело шмякала в протянутые тарелки. Порцию за порцией. Порцию за порцией. Мы жадно следили за каждым движением и поварихи и девчат. И вдыхали, вдыхали в себя этот благодатный, питательный запах. Будто всасывали в себя, стараясь вобрать побольше. Казалось, этот запах можно было резать ножом, как хлеб. Однако вскоре у меня что-то начало сводить в животе. Наверно надо было бы отвлечься, отвернуться. Но попытка была столь сладостна, что прекратить ее не было сил.

Кругом было тихо, тепло. Только стрекотали кузнечики. Наше «войско» лежало не шелохнувшись. С одной стороны от меня притаилась Саидка, с другой сопел Ленька. Где-то поблизости шмыгал носом Витя-Хрюня. А под навесом девчата, шумно рассевшись за дощатым столом, друг против друга, уже ели, с аппетитом постукивая алюминиевыми ложками.

Меня поражало – кирпич ржаного хлеба они нарезали с маху, не задумываясь, большими бесформенными ломтями. И брали, кто сколько хотел. Того самого хлеба, которым нас так скудно отоваривали в хлебном ларьке на базаре, по карточкам, по талончикам – розовым, голубым и зеленым. То есть – рабочим, детским и иждивенческим. И дорогой, вязкий вкус которого был так знаком и любим – по крохотным довескам, которые мы, не выдержав, по чуть-чуть, отщипывали губами и все-таки съедали, не донеся до дома.

А под навесом хлеб ели небрежно, не задумываясь, и кашу с тушенкой ели переговариваясь. И повариха подседала к ним тоже с тарелкой и тоже лихо трескала, уминая за обе щеки и хлеб, и кашу. Ела еще и еще... «Как только не треснет!?» Запах съестного витал, кружился над нашими головами, ударял в нос, густой и теплый. Его действительно, точно хлеб, можно было резать ножом. У меня от голода что-то мутится в голове... А их рты все жуют и жуют... И хлеб все отламывается, ломоть за ломтем... Глухо стучат, скребут о тарелки ложки... «И куда в них столько влезает?..» А вот нам бы... Нам бы, кажется, на всех и одной миски хватило. Одной только мисочки... Одной тарелки, тарелочки... Даже половничка. Да хоть бы попробовать ложечку... А что?.. Слабо просто так, молча подняться и подойти к столу?.. И попросить?! Дали же они когда-то Саидке тот самый ванильный сухарь... Ну, и хлеба взять бы маленько. Отломить бы от той вон краюшки, что лежит пока в стороне, будто вовсе им и не нужная...

Слышу, как в соседней меже за листвою пыхтит Ленька. Саидка лежит замерев, словно и нет ее. А где-то поодаль шмыгает невидимый

Хрюня... Может, все-таки встать, пойти под навес и сказать: «Тетенька, дай хлеба», как просят беспризорники у нас на рынке. А что?.. Может, даст?.. У них же много... Но вот за столом и эту «ненужную», последнюю краюху берут чьи-то руки и разламывают пополам... Да и как подойти?.. Нас же тут человек десять... А, может, вскочив, рывком кинуться к столу и, схватив хлеб, броситься наутек, как это ловко делают все те же беспризорники? Но – нет... Здесь – другое дело. Здесь это никак не пройдет. Они разузнают кто где живет. Нажалуются родителям, что хулиганим. Дом ведь под носом. Да и оружие опять же у них. Вон у той кабура на поясе. И у той. А в палатке наверняка пулемет или ружья. Еще как пальнут вдогонку!..

И уже кажутся мне эти, сытые, жующие за столом тушенку, не девушками, а тетками – отвратительными обжорами. Они уже совсем не нравятся мне. Я их уже терпеть не могу. И, наверно, ненавижу... Все они жрут, все жрут! И куда в них столько влезает?.. Комки сухой земли под ладонями, под животом, под коленями ощущаются все острее. И по мере того, как запах съестного ослабеваает, организм переключает внимание на себя. Меня начинает тошнить... Вернее, мутить до тошноты. Не могу проглотить, протолкнуть ком слюны в горле. Задыхаюсь. И что хуже всего, начинаю икать. Эта дурацкая икота походила на редкие пiski птенца в траве. Да и раньше этот беспомощный птичий клекот, всегда выдавал маме мой голод. Вот и сейчас я сдерживаюсь, давлюсь, испуганно утыкаюсь носом в землю – вдруг услышат и «засекут!» Я всех выдам и подведу! Но тело вздрагивает и вздрагивает, как от рыданий. Лбом и щеками чувствую сухие комья. Земля, нагретая за день солнцем, теплая и колочая. И на зубах поскрипывает песок... Вот так бы, закрыть сейчас глаза и уснуть тут навсегда. И, наблюдая внутренним зреньем красные и зеленые плавающие круги, хочется раствориться в теплой тени огромного аэростата. Но вдруг слышу – рядом, справа и слева, по всей цепи, словно прокатывается живая волна. Как перед штормом. И с неожиданным, как взрыв, общим криком, из кустов вдруг вскакивает нестройной шеренгой вся наша орава. Отдельных слов не разобрать, слышно только: «А-а-а-а!.. О-о-о-о!.. Бей их!» И град сухих комьев летит под навес. Слышно, как дробно они стучит по доскам! Как глухо ударяются, попадая в надутый, мягкий бок аэростата. Я, забыв про икоту, тоже вскакиваю, и в азарте тоже ору, что есть мочи, даже не понимая что. И тоже как все хватаю с земли рассыпчатый ком и тоже швыряю туда, где уже суетятся, вскакивают из-за стола, эти телки, эти молодые обжоры... «А-а-а-а!.. Что?.. Не нравится?..» – с остервенением кричит рядом Ленька: «А тушенку жрать нравится?» И обстрел усиливается.

Но там, под навесом уже опомнились, уже спешат к нам, и на ходу кто-то уже расстегивает ремень. И в наступившей вдруг тишине раздаются тонкий, пронзительный крик Маршидки: «Атас!.. Отвал!..»

Все дальнейшее – как в немом кино. Вся ватага молча, пыхтя несет по огородам к баракам. Вниз, под уклон бежать легче. Только платья крыльями бабочек вспархивают над зеленью. Пятки двух десятков ног

дробно стучат о землю, сбивают ботву. Слышно только рвущееся дыхание. Мы с Маршидкой – младшие, но тоже не отстаем. Хотя у меня развязался шнурок на заляпанных грязью, «мальчуковых» ботинках. От этого я в любой момент могу шлепнуться, растянуться, а хуже того – потерять башмак. Вот пролетели и кончились огороды. Вот по тропе ворвались мы в спасительную болотину. Захлопало под ногами. И только тут скрытые зеленью – лишь макушки голов над осокой – мы, задыхаясь, переходим на шаг.

К дому подходим гуськом. Степенно и вроде бы нехотя. Останавливая дыхание. Молчим. А я и вовсе приотстаю. Наклоняюсь, непослушными, вздрагивающими пальцами завязываю шнурок. С трудом продерживая его, замахившийся, в дырочку. Ежедневно шнуровать башмаки, попадать шнурком в дырочки – просто пытка. Все детство я мечтала о туфельках, как у подружек. Но черные, мальчуковые ботинки маме казались практичнее, прочнее, да и покупались не на один год – «на вырост». Сперва они были мне велики, потом – очень короткое время – впору, а позже, сбитые на носках – уже жали, набивая мозоли... А пока... Пока на душе скверно и муторно. И стыдно до слёз. И оглядываться на аэростаты вовсе не хочется.

Наши окна распахивались прямо в поле, в его то по-зимнему белые, заснеженные, а то зеленеющие, разбитые на лоскутки огородов, просторы. И в тех земных просторах у нас с мамой не было ни клочочка. Все поле еще до войны было поделено и раскопано. У нас были только две грядки под самыми окнами – морковка да лук, которые мы вскапывали весной, словно перины. В те годы в Москве любой пятак был на вес золота. Земля спасала от голода. Слово «картошка» – значило «жизнь». В прямом смысле слова. И на мешок больше ее собрать или на мешок меньше было не все равно. А потому свои участки, свои межи хозяева охраняли стойко, порой до криков, до драк лопатами. Бились за каждый метр. За каждую передвинутую вешку...

Участок ПВО эти самые огороды теснили со всех сторон и были готовы буквально его проглотить – по полоске, по кусочку, по кромочке. Весной, когда в Москве по окраинам копали огороды, площадку ПВО старались обуздить, и по ночам тайком раскапывали ее обочины и даже подъездную дорогу. Девчата в военной форме ругались. А развеселые солдатики на обшарпанных полуторках, назло огородникам, ездили к девчатам где и как попало. Порой нарочно по посадкам – чтоб урезонить «частный сектор». Война так война. И девчата грозилась вызвать начальство – оштрафовать. Грозилась даже обнести все колючкой, поставить охрану. Однако огороды не отступали. Жажда жизни всегда сильнее страха.

Но вдруг однажды... Именно – вдруг и однажды, пункт ПВО исчез. В одну ночь. И аэростаты, и девушки, и их палатки и все их постройки. Мама утром открыла окно и ахнула, глазам не поверила. Там сияло лишь зеленое с голубым, лишь земное с небесным. И вдали одно с другим соединялось как «молнией» – тёмной зубчатой полоской ду-

бравы. Торопливо одевшись, мы кинулись с ней туда. Через болотце по мокрым доскам, по тропке – во чисто поле. Скорее, скорее к участку. На ходу повязав косынку и часто дыша, мама тащила меня, схватив за руку. Я еле попевала за ней, спотыкалась и чуть не падала. И чем ближе мы подходили к бывшей площадке, тем быстрее мама шагала. Потом, побежала, почти волоча меня. Потому что издали к участку с разных сторон тоже устремлено бежали люди. И даже с лопатами. Однако, запыхавшись до хрипоты, мы первыми, рука об руку, прибежали туда. Мама жадно оглядела укатанную как асфальт землю, все эти свободные сотки. Пункта действительно не было. Остались только дыры в земле, торчащие крючья да поодаль зловонная яма от нужника. И посередине этого, наверное, на всякий случай, торчала воткнутая фанера на кольшке – «Участок ПВО», и какие-то цифры и номер части. Мама мгновенно думала, и вдруг, решившись, кинулась к этой табличке. Без труда вырвав ее, прижала к груди. «Господи, ну вот и у нас будет земля. – Сказала страстно и полупшепотом. – Это не то, что под окном грядка. Теперь и у нас зимой будет картошка». Но мы ликовали рано. Издали к нам уже бежали с разных сторон люди с лопатами, молча надсадно дыша. Мама вся напряглась, испуганно притянула меня к себе за худое плечо, прижала к упруго-теплому животу. Зашептала: « Не бойся, детка, не бойся... Мы же первые сюда пришли... Мы же первые... – её рука больно сжимает мое плечо. – Я лучше умру тут, а земли не отдадим... Мы её завтра же засадим. Не страшно, что с опозданием. Еще такой урожай будет...»

Замерев, мы стояли посередине участка, с дощечкой и колом в руках, прижавшись друг к другу – мать и дочь. И были как одно целое. От страха сердце, казалось, стучит у самого горла. А мужики все приближались и мама сильнее прижимала меня к себе. Но вот один из них, большой, в сапожищах и кепке – добежал, достиг наконец площадки. Постоял мгновенье, тупо глядя на нас, как бык, потом скинул с плеча лопату и, плюнув на руки, всадил острие в сухую звенящую землю. Больше он нас не видел, мы уже были не в счет. Он только слышал топот других подбегающих и копал, копал все быстрее. И мама, в смятении оглянувшись вокруг, все вдруг поняла и, отбросив доску, и опять схватив меня за руку, кинулась по тропинке домой. « Ничего, девочка, ничего... Мы ещё все успеем. Успеем...»

Дома, запыхавшаяся, с невидящими глазами, стала торопливо принаряжаться. Достала из зеркального шкафа, из заветной коробки, что лежала внизу под платьями, босоножки на каблукках. Несмотря на жару, натянула чуткими пальцами тонкие, фильдеперсовы чулки, шелковую комбинашку. Вскинув белые руки, надела через голову голубое «трофейное» платье со множеством пуговок на груди. Мне это платье хоть и стиранное-перестиранное очень нравилось. А она почему-то совсем невесело говорила: «Натуральный шифон», – и вздыхала, может, представляла, как это платье, купленное по случаю, носила в Германии до войны богатая немка... Вот мама, подавшись лицом к зеркалу, что в дверце шкафа, быстро подкрасила морковной помадой губы. (В те годы

помады другого цвета и не было). И, волнуясь, напряженно сказала, глядя сквозь меня: «Ну, я поехала. В часть. К воинскому начальству. Выбивать землю. Пожелай мне удачи». И так, не видя меня, вышла и заперла дверь на ключ. Я подбежала к окну. Смотрела сквозь тюль, как она, вся голубая, легкая, энергично проходит по двору. В босоножках на стройных ногах. И ветер треплет кудряшки на лбу... Спокойно и гордо шла она к остановке трамвая, мимо женщин, полооскавших у колонки белье и с осуждением глядящих ей вслед. Я же смотрела ей вслед с обожаньем. Как на Орлову в кино. Всю такую мою, такую родную, любимую... Скорей бы она возвращалась с удачей. Ведь ей, такой умной, красивой отказать не сможет никто. Никто.

И я оказалась права. Уже к вечеру мы с мамой вскапывали на площадке ПВО сухую, до звона твердую землю. Могли ли представить тогда, что именно здесь вырастет некогда телебашня, а неизвестное слово «Останкино» будет звучать на всю страну, и даже станет привычным?.. А, может, все это по промыслу? Может быть, сам Творец, глядя сверху, решит поставить здесь эту иглу, отметив тем самым пункт моего появления на свет?..

А мама меж тем все копает, копает. Красивое лицо уже совсем не красиво, оно красно и потно. И ситцевый сарафан потемнел от пота на спине и под мышками. Но она радостна, и упрямо всаживает и всаживает лопату поглубже. У нее в кармане, как зачитная грамота, или как «ясак на княжение» лежит, кем-то, в какой-то воинской части подписанная бумажка с печатью – «на землю». А сила бумажки с подписью, да ещё и лиловой печатью в те годы была фантастической.

Мама делала самое трудное – она копала, отваливала один за другим тяжелые пласты и комья. А я, идя следом, разбивала их ребром лопаты. Лопата была обычная, для взрослых, и мне казалась тяжелой, с толстым для моих пальцев древком. Так что мозоли натерла я очень скоро. Но помалкивала, мужалась. Скрипела пыль на зубах, во рту пересохло. Скрипел металл о сухую землю. А я спешила, спешила, стараясь не отставать. Понимала – наутро сюда могли придти совсем чужие и, не смотря на нашу бумажку, раскопать эти последние, чудом доставшиеся нам, сотки. Иногда мама останавливалась – передохнуть и, опершись на лопату, ласково говорила: «Не спеши так, дочка... Помощница ты моя... За мной все равно не угонишься... Вот рядок кончим и перекусим. Там в сумке бутылка с чаем и каша... Чай сладкий... – тыльной стороной руки, вытирала пот со лба, размазывая по лицу пыль. – А все-таки ловко мы все успели... Хотя и последний кусок, а нам достался. Вот уж праздник так праздник».

Я таю от похвалы. От ее ласки в голосе. Но говорю без улыбки, по-взрослому, щурясь на небо, выцветшее, как ситец: «Хоть бы дождичек, что ли, крапнул. Хоть малюсенький. А то все посохнет. – И отдыхаю тоже по-взрослому, как мама, положив скрепленные кисти в цыпках на черенок наклоненной лопаты. Я скрываю ладони с мозолями, терплю саднящую боль. – Сажать-то как, очистками будем? – я, знаю, что так и задумано. Ведро с собранными очистками стоит дома в подвале, но

хочу обсудить все всерьез. Поучаствовать. – Ясно, целых картошек не напасешься... А для посадки не все ли равно? Лишь бы «глазки» были. У нас и из «глазков» вырастет, верно?».

Мама задерживает на мне свой ласковый, чуть отрешенный взгляд. Улыбается:

– Совсем ты взрослая стала... Голубоглазка... Ну, вся в отца, – и вздохнув, опять с силой, кирзовым сапогом всаживает лопату.

И лопата со скрежетом снова отваливает, режет сухие пласты земли... Нашей земли.

...А осенью мы вдвоем, взявшись за ручки одноколесной тачки, (каждый за свою), возили наш урожай, мешки с картошкой, домой – по полю вниз через болото. На мокрой тропе встречались колдобины, лужи, покрытые обрезками горбылей. Преодолеть это было совсем не легко. Колесо тачки прыгало по доскам. Утопая, они брызгали во все стороны коричневой жижей. В любой момент колесо могло соскользнуть в грязь. И соскальзывало. Тачка кренилась, и мешки тяжело валялись в осоку, в мокрую траву. Очень трудно было их поднимать и затаскивать.

...Дома мы с мамой, очень счастливые, рассыпали картошку по комнате – на пару дней для просушки. Раскатывали по полу перед загрузкой в погреб. Чтоб она как следует высохла и потом не гнила. На эти страданные дни тачку и пустые мешки мама брала взаймы. Одалживала у соседки тети Ани Разумовой, приветливой и аккуратной, что работала лентиписткой в типографии «Гознак» на Мало-Московской улице. Ее дверь, тоже обитая одеялом, была наискосок от нашей. Тетю Аню – добрую и озорную затейницу любили все. Особенно дети. А соседки у нее постоянно одалживали то луковицу, то соль, то яйцо. И всегда без отдачи. Но однажды в сорок девятом году ее, партийную, на удивление всему дому, вдруг посадили. За ней просто приехали ночью и увезли, грубо протопав сапогами по коридору... А на дверях ее надолго повисла пломба – пугающе-неприкосновенная. А всего-то – веревочка и коричневая печать. Впрочем, в доме знали, особенно мы, дети, что посадили ее «за Боженьку». Знали, что она была верующая, что тайно молилась, ходила в церковь «Нечаянная радость», что в Марьиной роще. И в комнате у нее, в углу, за голубой шторкой была спрятана иконочка – Богоматерь с младенцем. Так что арестовали ее неспроста. Наверно кто-нибудь «настучал», мол, партийная, а Богу молится. Мама пыталась узнать, куда ее увезли, надолго ли посадили, каким этапом хотят услать. Собрав все мужество, мама куда-то поехала с передаточкой. Но вернулась затемно, убитая, бледная, словно с кладбища. И шепотом попросила меня больше про тетю Аню не спрашивать.

Так тетя Аня Разумова домой больше уж не вернулась. Никогда. А в ее комнате поселили беженцев из Белоруссии...

...В дни осенней страды у нас дома стоял сырой, нездоровый дух. Земляной и тяжелый. Как говорится – не продохнуть. Но, в общем, это

было совсем неважно. По сравнению с радостью урожая. По сравнению с тем, что картошка у нас «у-ро-ди-лась». Да какая! Крупная, одна к одной. Хотя, в отличие от других, мы сажали ее только «глазками», то есть – нарезанными очистками... И вот теперь на зиму была еда. Соседки шептались: «Небось, какой-то секрет есть. Больно уж хороша картошка-то».

В Москве в эти осенние дни всюду – в домах, в трамваях, в очередях – только и разговоров было, что про картошку. «Уродила – не уродила... Мелкая – крупная... Выкопали – не выкопали». Уроки школьники почти не учили. Не до занятий было. Почти все помогали старшим на огородах. Но меня мама в школу выпроваживала с особым упорством. «За ученого, дочка, трех неученых дают. Ты это поймешь потом... Когда меня не будет».

Помню горе моей соседки по парте Ирки Тульчинской. В большую перемену, оставшись в классе за партой, она вдруг расплакалась. Сперва тихо, потом все громче, взхлеб. Я пыталась её успокоить: «Ты чего, Ирка?.. Чего ты?..» «У нас картошку украли, – с трудом разобрала я сквозь всхлипы. – Мы с мамкой вчера с лопатами на огород приехали, а ее уже кто-то выкопал...» Мы, малолетки, младшие школьницы, молча смотрели, как худые Иркины плечи тряслись от рыданий. Смотрели и понимали – вот горе так горе. «Сторожить надо было, – советовал кто-то по-взрослому. – Как же иначе?.. Вон папка наш целый месяц на огороде спал. В шалаше. И ничего, уберег». Но Ирка не слушала и безутешно рыдала.

Через два дня просушки мы с мамой ссыпали картошку в подвал. Люк его, с железным кольцом, распахивался посреди комнаты. Сначала мы собирали сухие шершавые клубни в ведра. Потом эти ведра я подтаскивала к раскрытому люку, а мама, стоя внизу, принимала. И было слышно, как под полом клубни дробно сыпались в дощатый загром... Но даже в эти, горячие дни страды, мама заставляла меня делать уроки. Умудрялась даже сажать за пианино, говоря: «Я одна тут справлюсь. А ты вымой руки с мылом, и – за инструмент... Надо урок повторить. Сегодня у тебя что, этюды? Майкопар или Гедике?..» Я вяло открывала крышку. Садилась нехотя на круглую вертящуюся табуретку. Вяло ставила ноты. Вдыхала; «Старинная немецкая песенка». Листала большие, нескладные страницы. А мама с очередным ведром ныряла под пол, и оттуда назидательно слышалось: «Лучший отдых, это – смена работы. Вот и отдыхай».

После картошки мои пальцы были корявыми, не послушными. Крючились, не ощущали клавиш. Не чувствовали их мягкой податливости, гладкости, глубины. Руки после картошки, даже тщательно мытые, были полностью темно-коричневыми, как от йода. А под ногтями – черными. За ужином мама смеялась: «Ничего. Под ногтями чернозем – сразу видно, агроном». У нее самой были точно такие же.

А пока, высунувшись из люка посреди комнаты, она говорила мне: «Играй, я прошу, пожалуйста, мягче. Ведь это старинная немецкая пе-

сенка. Легкая, как пастораль, – строго смотрела на меня снизу. Серая пыль, от только что ссыпанной вниз картошки, ореолом стояла у нее над головой. И лицо, и косынка на волосах были серы от пыли. Только глаза на серой маске лица блестели живо и неестественно. Как у куклы. И эта говорящая мамина голова произносила: – Ты пойми. Это, надо играть с особым чувством. Проникновенно. И всегда надо представить себе картинку. Вот представь – идет дождь, очень холодно, вечереет, и под дождем стоит трубочист. Маленький мальчик-трубочист. Уставший, голодный. Стоит и горько плачет. И тебе его жаль, очень жаль. Попробуй, передай это в музыке».

Представить и пожалеть мальчика-трубочиста, да к тому же немца, я не могла. Мы немцев тогда ненавидели – почти все вокруг были сироты, безотцовщина. И хотя у нас в бараке тоже топились печи, и всю зиму над крышами Третьей Останкинской дымились трубы, я никогда не видела мальчиков-трубочистов. А представился мне почему-то соседский Ленка. Вчера его отец – татарин, старьевщик – выпорол по голому заду ремнем – за кражу чужой простыни с чердака. Выпорол, велел вернуть простыню и потом не пускал до ночи в дом. Ленка навзрыд ревел в нашем подъезде под деревянной, скрипучей лестницей. Голодный и несчастный. Вот его-то мне действительно было жаль. И я тайком вынесла ему кусок черняшки. Поскольку его родным сестрам – Саидке с Маршидкой – подходить к нему отец запретил.

Я нехотя, через силу играла, нажимая на белые и черные клавиши – лишь бы маму не огорчать. А она, под полом, слушая мою игру, орудовала совковой лопатой, ссыпала картошку в загром. Порой из глубины приглушенно звучал строгий голос: «Опять фальшивишь... Тут нужно – «легатто», «легатто»... Повтори эту часть из-за такта. И-и раз... И-и два...». И я, скрывая страданье, повторяла-таки эту часть «из-за такта». Еще раз. Еще... Пока мамина голова опять не выныривала из люка. «Ну, кажется, все. Отмучились. – Она была счастлива, хотя тяжело дышала, положив на пол пропыленные руки, локтями вперед. – Теперь, думаю, будем сыты. На всю зиму хватит. Еще и с бабушкой поделимся... А ты уже лучше играешь. Гораздо лучше. Только напевней надо, напевней... И с выражением...»

Она попыталась легко вылезти из подвала. Приподнялась на руках, как делала это прежде. Но вдруг не смогла. Впервые не смогла. Уперлась локтями в пол еще раз – и... вновь опустилась. В бессилье. Вновь попыталась и снова не вышло. Выражение лица тотчас стало иным, каким-то беспомощно-жалким. И тут почему-то я вспомнила тайный Саидкин намек на мамину беременность. Вспомнила и испугалась. Бросилась помогать. Стала ее вытаскивать, тянуть неуклюже вверх. Наконец она тяжело села на пол, спустив ноги в люк. И долго, молча сидела так в раздумье, с отрешенным взглядом. Будто забыв про меня.

И вот тут, не своя с неё глаз, я поверила, что, в самом деле с мамой случилось что-то невероятное, что-то ужасное, непоправимое. Что возможно, и вправду, она беременна.

... А зимой у нас родился мальчик... И назвали его – Андрей. Он поломал все. Весь уклад жизни. Прелестный малыш лежал в моей железной кровати, принесенной с чердака и заново выкрашенной голубой краской. По бокам его охраняли веревочные сетки. Он лежал под одеяльцем, а когда было жарко натоплено, пускал пузыри и сучил ножками – в пеленках и простынях как в пене. Такой горячий и розовый несмышленьш. Сверху умиленная мама накидывала над ним тюль – от мух.

С его появлением жизнь в доме полностью изменилась. Теперь вся комната была увешена пеленками. Стояли тазы с бельем. В ванночке грелась вода. Плохо пахло. А еще – мама шила теперь пеленки из старых скатертей и простыней. Мальчик был беспокойный, нервный, кричал день и ночь. Может быть оттого, что у мамы не было молока. А молоко пропало может быть оттого, что он орал, и мы по ночам не спали. Мама ездила без него и с ним по врачам. Ежедневно ездила на Мало-Московскую в консультацию, за детским питанием в бутылочках, а меня оставляла с ребенком. Когда маленький человечек наконец засыпал – я сидела над ним, вглядывалась в загадочное красное личико... Кто ты?.. Откуда?.. Зачем пришел?.. Два чувства боролись во мне постоянно – нежность и неприязнь. А когда он кричал – приходилось его качать. И я качала до одури. Совала соску в его слюнявый ротик. Поила водичкой. Клевала носом. А мне еще надо было делать уроки, наизусть учить Пушкина: «Мороз и солнце, день чудесный. Еще ты дремлешь друг прелестный...» А слепым, стылым утром спешить по скользкой дороге в школу, в первую смену. Я то и дело теперь пропускала уроки. Стала хуже учиться. Иногда к нам приезжала с Таганки старая бабушка, и они с мамой за чаем подолгу и страстно шептались. Порой мама увозила мальчика в набанченном конверте куда-то в город, кому-то, видимо, показать, что-то выяснить. Но куда и кому – для меня было тайной. Возвращалась мама замерзшая, вся в слезах. Разворачивала конверт, вытаскивала из-под орущего малыша перепачканные пеленки, шлепала их в корыто у печки, и сама ревела над ним безутешно, как маленькая.

А мои обязанности расширились. Теперь я следила за домом, за печкой – не дай Бог угореть. Меняла пеленки. Приносила дрова из сарая, который по старинке назывался каретником... И теперь всегда, всегда мне хотелось спать. Порой мама, обняв меня, вдруг глядела теплой ладонью по голове, заглядывала в глаза, будто хотела сказать что-то важное. Но тут же с грустью их отводила. Вздыхала: «Я в город поехала. А ты уроки учи. У вас нынче что по «Родной речи»?.. Басни Крылова?.. Родная речь – это, детка, самое главное. Это как группа крови». И уезжала.

Теперь по утрам чуть свет к нам приходила, укутанная как куль серой шалью, молочница тетя Дуся. Присев у дверей на корточки, наливала из жестяного бидона в нашу кастрюлю литр бесценного молока – мерной алюминиевой кружкой. Предварительно она очень ловко перели-

вала молоко из кружки в бидон и обратно. Для справедливости, чтобы перемешать сливки. Просила: «Вы очистки-то не выбрасывайте. Соберите в ведро. Я корове забирать буду». И забирала.

Молоко было дорогое. Лишь для младенца. Ученицы к нам в дом больше не приходили. Уроков музыки «на выезд» тоже почти не осталось. Многие «порядочные» семьи маме в укорах теперь отказали. Да и в бараке шушукались: «И поделом... Нагуляла, недорезанная буржуйка». Да и на меня в школе стали смотреть по-другому. А наш малыш рос и рос, прибавлял в весе, и уже гукал и улыбался. Зато мама совсем что-то сникла. Не делала больше прическу у зеркала. Не красила губы. Слепую стягивала волосы узлом на затылке. Забыла про шляпку, и про перчатки. Стала бледной и строгой, похожей на всех барачных соседок. А зимой пришлось продавать вещи на Останкинском рынке. Дорогие вещи нас как-то еще спасали. Первым мама продала свое шелковое голубое платье с пуговками. Потом светлые босоножки. Продала очень выгодно. А в феврале – довоенный папин костюм, который все годы так старательно берегла. Все перекладывала – от моли – прокеросиненными листами газет.

В школе на перемене я однажды заснула. Прямо сидя за партой, уткнувшись лицом в нарукавники. Эти черные нарукавники из сатина мама шила, чтоб на моей шерстяной коричневой форме, какие носили тогда все девочки в СССР, не протирались локти. В общем, я крепко уснула – уж очень хотелось спать. А проснулась от того, что меня ударили по спине. «Эй!.. Иди давай живо на улицу!.. Там к тебе кто-то приехал!..» Я с трудом разлепила глаза. «Иди живей!.. Директриса велела!..»

Простучав «мальчуковыми» башмаками по ступеням, без пальто, я выбежала во двор. Во дворе все было сине. И заснежено, глухо будто в стакане. И запорошенные кусты, и забор, и деревья. Я осмотрелась. Меня никто не ждал. Лишь в стороне на скамейке одиноко сидел кто-то черный, ссутулясь и уставившись себе под ноги. Черный силуэт на белом снегу. Было морозно и тихо. Школьный гвалт остался внутри. А здесь только галки редко каркали где-то под крышей. Я постояла. Хотела уйти. С досадой мелькнуло – опять подшутили. Но тут заметила, что сидящий выпрямился. Он был в убогой серой ушанке и телогрейке, а на ногах калоши не по сезону. И какой-то кулечек в руках на коленях. Вот неспешно он повернулся ко мне. Бледным лицом. Повернулся и внимательно посмотрел из-под низко надвинутой шапки. Наши взгляды случайно встретились. И тут, сквозь белый пар от дыхания, клубящийся у моих губ, я увидела его глаза... Светлые-светлые, голубые глаза... Увидела и – замерла... Это были глаза отца... Моего отца.

Северо-Западный округ

Сергей
Мнаçаканян

Максимилиан
Потёмкин

Алексей
Кольчугин

Владимир
Делба

Северо-Запад Москвы по праву называют «легкими столицы», ведь только этот район окружен акваториями Химкинского водохранилища, Москвы-реки и канала имени Москвы. Округ богат на величайшие памятники истории и культуры города. Церкви Троицы в Хорошеве (конец XVI века) и в Троице-Лыкове (конец XVII века) – храмы старинных боярских вотчин Годуновых и Нарышкиных – ценные памятники древнерусского зодчества. Великолепный особняк в Братцево, созданный выдающимся московским зодчим А.Н. Воронихиным, таинственная усадьба Покровское-Стрешнево, построенная в конце XVIII века. В 1672 году здесь была создана сохранившаяся до наших дней каменная церковь Иконы Владимирской Божией Матери. В 1990 году восстановлен и освящен Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II храм Спаса Преображения Господня в Тушино, который был возведен еще в 1889 году согласно проекту известного архитектора Грузинского. В Митино, расположена Церковь Рождества Христова, построенная не позже 1904 года. Храм долгое время был закрыт, но на сегодняшний день он действует и даже имеет воскресную школу. Район Строгино известен своей красивой аллеей генерала Корчагина. Парк культуры и отдыха «Северное Тушино» на берегу Химкинского водохранилища собирает тысячи гостей и жителей города на все праздники в свои фруктовые сады и зоны отдыха и развлечений. Популярностью пользуются и такие места, как красивый лесопарк в Покровском-Стрешнево и, конечно, великолепный и всем известный Серебряный Бор, представляющий собой остров, окруженный Москвой-рекой с мемориальной Лемешевской зоной отдыха.

СЕРГЕЙ МНАЦАКАНЯН**ОРНИТОПТЁР «ТИТАНИК»**

Белая птица «Титаник»
на роковых скоростях –
в клюве запрятался пряник,
плётка зажата в когтях...
Адреналиновый ратник:
со стороны – ЭнЭЛО,
это – воздушный Летатлин
с хрустом встаёт на крыло,
Вот и несётся над бездной,
шлейфом павлиньим пыля,
орниоптёр мой небесный
птица-«Титаник» – Земля...

ВОСТОЧНЫЙ БАЗАР

Бахытжану Канапьянову
Когда, как бы отмечены Аллахом,
чуть светятся кишмиш и курага,
топор взлетает над мясным прилавком,
от туши отделяя потроха...
Кипят, как лава, рыночные страсти
в круговороте выходного дня,
и разрубает на четыре части
мясник литую голову коня...
А очередь застыла у прилавка –
и умиротворилась эта давка.
Под сапогом темнеет кровь, как грязь.
Ревёт базар. Грозит дороговизной.
И смотрит с непонятной укоризной
прекрасный мёртвый чёрно-синий глаз.

ПОДСОЛНУХИ ВАГ-ГОГА

Он чувствует себя, как Бог,
он выдул свой стакан абсента,
Гоген, наверное, не плох,
но он не превзошёл Винсента!
Окрест оптический обман,
и в этом он готов поклониться...
Он кистью, словно бы шаман,
мазки наносит на пространство.

Его «Подсолнухи» глядят
глазами полными наива,
а нищенский его уклад
зачем-то выглядит счастливо.
Вся жизнь – такая нищета,
что светит вечность сквозь личины,
и потому его цвета
очищены от мертвечины,
чтоб через полтора года
за \$полтора миллиона
смогли загнать его букет
дельцы крутых аукционов...
Что ж, такова цена тщеты,
чтобы в неведомое верить
и стоимостью нищеты
в бесценность истины поверить.
Всю жизнь за жёлтый лепесток
отдать, чтоб жизнь и кисть едины,
всего ещё один мазок,
всего ещё одна картина...
...А где-то в Арле сквозь холсты
рябит ухмылка Мефистофеля,
и на тебя из темноты
взирают «Едоки картофеля».

ТЕЛЕФОННОЕ

Человеческий муравейник!
Мир смыкается, как трава:
цепкой Азией – как репейник! –
завоёванная Москва.

Наплевавши на перегрузки
в мире евро и первача,
мы ещё говорим по-русски,
два старинные москвича...

МАКСИМИЛИАН ПОТЁМКИН

* * *

Я три часа играю в дурака
С самим собой – других-то нет под боком.
Конечно, мириады их под Богом,
Но мне сегодня не до них пока.

В окне гниёт подобие весны.
Повсюду траур. Похороны снега.
Я режусь в карты с пьяным альтерэго,
И наши мысли мелки и гнусны.

Живя от пузыря до пузыря,
Я берегу, как девственность, пороки.
Как в никуда уходят эти строки,
Бездарно утекают козыря.

Да что ж такое! Я опять беру.
Причём играем мы в переводного.
Когда бы жить мне предложили снова,
Я б предпочёл, наверное, буру.

Я вновь дурак с обвисшим колпаком.
Победа или проигрыш – всё морок.
Ползёт весна. Тебе весьма за сорок.
А ты всё бредишь русским языком.

* * *

Пора вставать – уже идёт пехота.
Её походка дробна и пыльна.
На голубей уже пошла охота,
Но их не пробуждает ото сна.

Мы жрали всё – и нищету, и славу.
И даже этих самых сизарей.
Эх, тяжело ты, тулово двуглаво.
Подъём! Пехота будет на заре.

Не шелохнётся сонная держава.
Мы заслужили этот гулкий сон.
Летите, голуби! Но завтра это право
Нам в горло вдавит новый Вавилон.

ПЕЛЁНКА

Младенец спит. Укутанный в пелёнки,
В куски холста, во всё, что Бог послал,
Он спит. И только тонкий лучик ломкий
Луна неслышно в ясли принесла.
Всё замерло как маятник в раздумье.
Покой и сон. Не шоркнет дажемышь.
Лишь звёзды-пчёлы, вылетев из улья,
Роят над колыбелью. Бог-малыш!
Пока ты спишь, тебя никто не тронет.
Ещё не время грешных вразумлять.
Ты спи. Тебя баюкая в ладонях,
Плывёт в пелёнке голубой Земля.

* * *

У нас не беды люты,
А люты холода.
Когда бы у Малюты
Мы сгнули – то да!
Но нам Иван Четвёртый
Давно уж не грозит.
Он много лет как мёртвый,
А вот мороз сквозит.
Он шерится по щелям
И проникает в
Урочище постели,
Убранство головы.
А мы с тобой, пригревшись,
Мурыжим путь земной.
Я, как обычно, грешен,
Но ведь и ты со мной.
У всех по Сеньке шапка,
И я, признаться, рад,
Что счастье хоть и шатко,
Но шапки не горят.
У нас тепла с лихвою –
По тридцать шесть и шесть.
Накрыться с головою –
И нас зиме не съесть.
А после добрый Цельсий
Вдруг вспомнит о Земле.
Давай не строить версий,
А просто быть в тепле.

АЛЕКСЕЙ КОЛЬЧУГИН**КОРОЛЬ МГНОВЕНИЙ...**

Вот так и скользить рядом друг с другом
 Касаясь взглядами, изредка – ближе
 Сливаться губами, тянуться ладонями
 И изредка... и... что-то большее...

Любоваться друг другом в набитом вагоне
 Улыбаться друг другу, но – на расстоянии...
 И кто-то с тобой будет рядом с вечера,
 Куда-то меня уведёт дорога...

Повторяется жизнь. Кольцевая дорога.
 Идём по ней не в обнимку, но рядом
 Касаясь улыбкой, касаясь взглядом
 Всё время желаем чего-то большего...

Всё время оглядываемся. Чего-то боимся.
 Но в нашем дыхании – юность и смелость.
 Замкнутый круг. Что значит быть вместе?
 Я промолчу, король многоточий...

Мы что-то узнаем, когда придёт время
 Дороги, петляя, пересекаются где-то...
 Вот так и скользить рядом друг с другом
 В этом пространстве, касаясь лишь взглядом...

НЕНОРМАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ**ОБРАЗ**

Она
 приходит вдруг,
 не спросив разрешенья.

Приходит –
 затыкает тучами скучное небо

И я
 начинаю острее чувствовать время:
 Есть возможность кидать в небо зёрна,
 дарить ему звёзды.

И поезда гул
 накрывает колесами рельсы
 И режет пространство мой взгляд
 вслед ушедшей в осень
 И я – за заборами старых, разрушенных песен
 Бреду, спотыкаясь, и думаю,
 где бы напиться...

Она укатила, война мимолетных видений.
 Мой образ, мое несчастливое, долгое эхо.
 Остались слова на листке –
 из разрушенных бредней,
 Остались шаги на дырявой весне
 бесполезной

Я – только на голом стекле отражение света
 На образе этом раздетом – касанье ладони
 Я – только автобуса сонного гул
 и кряхтение гари
 Я – серое небо, встряхнувшее
 страсть и сознание.

Приходит –
 далёкая,
 свежая,
 руки на бедрах

И танцем взрывается,
 взглядом –
 тарачится в сердце.

Я –
 небо в охалку –
 кидаюсь за образом в землю,
 Но в землю стена врыта горизонтальная прочно.

Война запалила свечу от мысли быть первой
 В моей португее –
 перо –
 чувства острого голос.
 Уехал дрожащий незримый, но мудрый автобус
 Она,
 неспросясь,
 заглянула под кожу...

ВЛАДИМИР ДЕЛБА

ЦЕЗАРИ Я, ОТ ТОТ САМИХ...

Андрей сидел с Нури Викторовичем в уютной гостиной его дома в Гагре, за рюмкой чаи, с повлажневшими глазами вспоминая былое.

– Да, многое изменилось за последние десятилетия, но давай не будем о грустном. Помянем ушедших и воскресим в нашей общей памяти что-нибудь смешное, доброе! – Произнес после паузы хозяин дома.

Так и поступили.

Очередной персонаж экскурсии в прошлое носил необычное имя – Цезарь. И звучную, очень древнюю аристократическую фамилию – Татиани. Когда-то давно Татиани были владетельными князьями, управляли огромными территориями, отправляли в Европу мёд и ценную древесину, а заодно и отпрысков своих, дабы обучать их в тамошних университетах. Так что предки Цезаря были людьми состоятельными, просвещёнными, владеющими, как правило, несколькими европейскими языками.

Но это было давно.

Цезарь тоже владел несколькими языками: мегрельским, грузинским и русским, на котором говорил достаточно свободно, но с сильным акцентом.

И еще Цезарь выучил наизусть несколько наиболее важных и часто употребляемых фраз, а главное, тостов, на абхазском.

На облике и поведении нашего героя, безусловно, сказывалась мощная генетическая «закваска», присущая даже осколкам аристократических династий.

Легкая, но уверенная походка, умение прямо держать спину, холёные, не знакомые ни с какой работой руки, подкупающий взгляд карих глаз... Всё это, конечно, производило благоприятное впечатление на окружающих, особенно на женщин. А интеллектуальный его багаж, состоящий из нескольких прочитанных в детстве книжек, природной живости ума и прирожденной манерности, вполне мог сойти за образованность. К тому же Цезарь обладал неплохим чувством юмора.

Был у Цезаря роскошный двубортный костюм-тройка цвета «маренго». Его пошив, по французским лекалам, у лучшего закройщика в городе, иммигранта из Марселя, Андроника, оплатили, в складчину, друзья.

В этом костюме Цезарь смотрелся еще и состоятельным человеком.

Когда Цезаря знакомили с новыми для него людьми, вел он себя, как правило, доброжелательно, элегантно целовал дамам руки, к мужчинам же обращался не иначе, как – Сударь. Сам представлялся скромно, как бы немного стеснясь:

– Цезари я, от княжеских рода Татиани, – произнося имя свое именно так, с буквой «И» на конце, в грузинской транскрипции. Часто добавляя: – От тот самих Татиани.

Вопросы о роде занятий владетельного князя Цезарь не любил. И отвечал обычно уклончиво. То он оказывался тренером сборной СССР

по альпинизму, то уполномоченным комиссаром ЦК Компартии в Грузинском морском пароходстве. В отпуске, в данный момент. А иногда, напустив на себя важный, загадочный вид, намекал, что он «боец тихого фронта», на лечении, по причине серьезного ранения при выполнении особо секретного правительственного задания.

На самом деле Цезарь Татиани был, применяя юридический термин советского периода, злостным тунеядцем (то есть человеком никогда и нигде не работавшим) и профессиональным «шарапистом».

Этот термин, я думаю, нуждается в более подробном рассмотрении и в более четком определении, тем более, что иногда путают «шараписта» с «выпивохой».

Кто такой – «выпивоха»? Можно сказать – человек, всегда готовый выпить, в любой компании, по поводу и без повода, но желателно не в одиночестве. Часто выпивающий, но могущий обойтись и без выпивки.

А что такое – «шарапист»? Это, безусловно, явление!

Конечно, шарапист – тоже поклонник Бахуса. Но его интересы лежат совсем в другой, гораздо более высокой, даже интеллектуальной, можно сказать, плоскости человеческого бытия. Ибо он еще и ценитель, своего рода социальный эксперт застолья. Он – эпикуреец, прекрасно разбирающийся в вине и знающий толк в гастрономических изысках. Ему явно небезразлична компания за столом, ибо высшее наслаждение и сокровенный смысл застолья для шараписта – это искусство винопития, в самой возвышенной его форме. Это знание традиций, умение произносить (и выслушивать) витиеватые, порой и замысловатые тосты.

И, конечно, уклад жизни в нашем маленьком уютном южном городе, помноженный на древние традиции гостеприимства и хлебосольства, был исключительно благодатен для таких «специалистов», как Цезарь Татиани.

Стоило только нашему герою появиться в зоне визуальной доступности любого питейного заведения, коих множество имелось в разных частях города, как тут же высылались гонцы от той или иной компании. С убедительной просьбой к Цезарю уважить земляков и принять участие в застолье.

Так что все в городе знали; если кому-то срочно понадобился Цезарь, искать его надо в одной из «точек» городского общепита. Ну, или в домах, где справляли свадьбы, отмечали дни рождения или сороковины. Или на чьих-то поминках. Там, где нельзя было обойтись без велеречивого тамады, большому, к тому же знатоку традиций и церемониалов.

В общем, был Цезарь Татиани личностью известной, знаковой, можно сказать, и востребованной. И ничего не нарушало привычного, порой эмоционально насыщенного, но в целом спокойного ритма его жизни.

Но, как гласит народная мудрость: «Ничто не вечно под луной»!

На городском стадионе, во время футбольного матча, к Цезарю подсел дальний родственник, инструктор отдела административных органов обкома партии.

– Цезарь, дорогой, ты знаешь, как все тебя любят и ценят! Но, к сожалению, на нас очень давят из Москвы и Тбилиси. Проводится очередная кампания по искоренению тунеядства. Извини, но весь город знает, что ты за всю свою жизнь даже в родительском доме не вбил ни одного гвоздя в стену. Это, если образно выражаться. Короче говоря, ни я, никто из нашей родни или друзей, не в состоянии больше тебя прикрывать. Завтра подойдешь к директору театра, он тебя оформит на должность звукорежиссера. Договоренность есть. Работа – «не пыльная», и согласишься, звучит тоже солидно.

И понял Цезарь, что – ВСЁ! Баста. Ничего с этим уже не поделаешь.

И пошел Цезарь к директору театра.

И приняли Цезаря на ответственную, звучную должность – звукорежиссер.

И назначили Цезарю не самую худшую для советского трудящегося зарплату – восемьдесят шесть рублей ноль, ноль копеек, из которых на руки, после вычета налогов, новоиспеченный звукорежиссер должен был получать шестьдесят шесть рублей двадцать три копейки. В те давние времена на эти деньги компания из шести-восьми человек могла славно покутить в любом из местных ресторанов.

Так что вполне естественно, забегая вперед, что первую зарплату Цезарь с друзьями прокутил. И не только первую.

Работа действительно оказалось «не пыльной». График посещения был щадящим, никто не требовал постоянного нахождения на службе. В подчинении у звукорежиссера был техник-связист Гена, глуховатый, всегда в легком подпитии, но исполнительный пенсионер, отставной боцман Черноморского флота. И два громоздких магнитофона МАГ-8 с набором катушек, на которых была записана музыка к спектаклям.

В репертуаре театра было несколько давно поставленных, хорошо известных горожанам спектаклей. Так что давали их редко и без аншлагов.

Известие, что придется возить спектакли в сельские Дома культуры, вначале испортило Цезарю настроение. Перспектива поездок в старом, пыхтящем и скрипящем автобусе по разбитым дорогам радости не прибавляло. Но потом выяснилось, что сельские дороги, в целом, не такие уж и плохие. К тому же, и это оказалось для Цезаря приятным сюрпризом, любой уважающий себя сельский руководитель, а их было подавляющее большинство, считал для себя честью оказать столичным артистам радушный и достойный прием. А значит, после каждого спектакля «на выезде» труппу ждало застолье, в соответствии с лучшими традициями сельского гостеприимства.

И каждый новый такой банкет давал неограниченные возможности Цезарю проявить недожиданный свой талант опытного шаралиста.

Вскоре разнесло сарафанное радио по республике, по всем её пределам, новость. Что якобы по специальному распоряжению областного комитета партии и Министерства культуры, Государственный драматический театр пригласил в штат специалиста по изучению традиций застолья. И что уникальный этот специалист выезжает с труппой театра в сельскую местность и проводит своего рода мастер-классы правильного традиционного винопития, виночерпия и тамадовства.

И проснулся Цезарь, в одно прекрасное утро, знаменитым! Уже на территории всей республики, а не только столичного града.

А в республике появилась новая, специфическая разновидность социалистического соревнования. Заключалась она, в отличие от привычных, официальных, не в росте показателей, не в процентах увеличения урожайности сельхозкультур, или дополнительно изготовленных, скажем, прокладок для газовых баллонов. Нет! Смысл состоял в оперативном заманивании в сельскую местность, в тот или иной Дом культуры, труппы драмтеатра, а вернее, прикрепленного к театру уникального специалиста.

Необходимо было поразить того уровнем и качеством банкета, в надежде, что он, специалист, особо отметит в своем будущем докладе достижения местного населения и, естественно, руководства. Особо выделив секретаря партийной ячейки.

И закрутилось колесо! Пришел в действие сложный соревновательный механизм, насыщенный изобретательством его организаторов и участников. Процесс, включавший в себя элементы комедии, детектива и триллера одновременно.

Конкурс, где призом был «специалист» Цезарь Татиани и полусекретные, загадочные его полномочия, сулившие, возможно, славу, признание и карьерный рост кому-то из сельского руководства. Ведь пределом мечтаний для каждого из них было попасть в городскую номенклатуру, получить кабинет, портфель и персональное легковое авто. Желательно строгого черного цвета со сверкающими хромированными деталями экстерьера.

Итак, наступил «звездный час» нашего героя. И не было предела фантазии сельских руководителей, придумывающих поводы для очередного приглашения выездной театральной труппы.

Кое-кто всерьез утверждал, что марксистско-ленинская идеология, распространяясь через культуру на селе, воздействует и на природу, вызывая увеличение урожайности. Неважно, кукурузы, чайного листа или табака. А уж как благотворно действует высокий уровень культуры на виноградную лозу!

Столы ломились от изобилия, вино лилось рекой и всегда главной фигурой, звездой застолий был несравненный Цезарь.

Порой артистов не отпускали из того или иного села по несколько дней. И провожали принадлежащий театру старый автобус в соответствии с традициями, с песнями и подносами с бокалами вина и закуской. Предварительно затарив заднюю часть салона пакетами и сумками с провизией. На дорожку, так сказать.

Не зная, как задобрить лично Цезаря, некоторые, особо «шустрые» сельские чиновники пытались незаметно вложить в карманы своего кумира конверты с дензнаками. Но у Татиани были свои понятия о чести. И надо отдать нашему герою должное, конверты с деньгами всегда отводились решительной его рукой.

Шло время, урожайность не увеличивалась, наоборот, виноградные плантации поразил завезенный вредитель, нанеся им внушительный урон. Да и предрассудки никуда не исчезли.

Но самое главное, никто не спешил повышать в должности председателей колхозов и сельских партийных секретарей, никто не вызывал их в город, так сказать «на ковер», предлагая высокие заманчивые посты.

И достаточно скоро, определенная часть населения республики потеряла интерес к личности Цезаря Тагиани, да и к театральному искусству в целом.

Но свернуть полностью программу повышения идейного и культурного уровня населения никто не мог, посему театр продолжал разъезжать с гастрольями по республике. Правда, не так часто, как раньше. Да и уровень внимания к труппе в селах стал, если говорить мягко, несколько иным. Конечно, голодными артистов никто не оставлял, но «встречающая сторона», как правило, теперь отделялась очень уж скромными обедами или ужинами.

Это угнетало Цезаря, ибо не находила выхода бурлящая внутри него мощная и креативная энергия застольного общения. Ставшая привычной и обязательной, важной частью его жизни.

И наш герой начал «киснуть».

Все реже и реже облачался Цезарь в свой роскошный костюм-тройку цвета маренго. А порой, о, ужас, наблюдали горожане нашего героя небритым.

И выражать свои мысли он стал по-иному, облачая их в форму неких философских тезисов. К примеру, однажды многозначительно заявил: – «Человечески жизнь, это как будто едешь на один поезд, но всё время на разных вагонах. На плацкарте, на жестоком или на мягкий купе!»

Однажды, после выездного спектакля, когда члены труппы, в ожидании скромного ужина, собирали нехитрый свой реквизит, в дверь служебной комнаты постучали.

– Судьба пришёл! – Многозначительно произнёс Цезарь. – Заходи.

В комнату вошёл, вернее с трудом протиснулся в узкую дверь, огромный дядька в военной гимнастёрке, на которую было натянуто модное импортное лайковое пальто, в сапогах и шапочке-сванке.

– Тагиани хачу, – сочным баритоном изрек гость.

Выяснив, кто же именно в этой комнате Тагиани, с широкой улыбкой заключил того в объятия, оторвав в порыве радости от земли и продолжая тискать.

– Цезари, чким джима! Ма холё Тагиани ворек! (Цезарь, мой брат! Я тоже Тагиани)! – Восторженно повторял незнакомец по-мегрельски.

– Короче, ребята, сейчас садимся на вашу автобусе и едем ко мне домой. Нас ждут!

У родственника в соседнем селе оказался прекрасный двухэтажный дом внушительных габаритов, ухоженный огромный двор с летней кухней-апацхой и массой хозяйственных построек.

В «зале» первого этажа был накрыт праздничный, по сути, стол, ломившийся от яств. Гостей действительно ждали. Как принято в селах, хозяин пригласил своих соседей, среди которых было много пожилых, уболённых сединами, уважаемых людей.

В глазах Цезаря снова разгорелся белой огонь восторга и предвкушения. У него опять появилась достойная возможность показать высший

класс, восстановить свой статус-кво шараписта высочайшей пробы. Тем более, что опытные, знающие традиции, пожилые селяне были для Цезаря самой строгой, но и самой почетной, желанной категорией слушателей и судей.

Хозяин дома церемонно представил гостям уважаемого потомка славного княжеского рода, того же, от которого происходил и сам он, затем Цезаря с почетом усадили во главу стола и настоятельно, крайне уважительно попросили возглавить застолье.

И наш герой в грязь лицом не ударил.

Чувство радостного возбуждения от востребованности и ответственности за столь высокое доверие, стимулировало Цезаря, помогая ему быть на высоте. Изобретательность, велеречивость, виртуозные словесные импровизации на фоне великолепного знания традиций, прекрасное чувство юмора тамады покорили гостей.

– Что я вам гавориль!!! – Только успевал повторять растроганный хозяин дома.

– Эсть великий наука называется генетика! И кровь наши княжеский голубой никуда не спрячешь!

Застолье затянулось до глубокой ночи. Потом были торжественные проводы соседей, потом дорогих гостей уложили спать.

«Завтрак» естественно перетек в обед. Провожали автобус уже вечером, в полном соответствии с законами гостеприимства, затарив, как это было в добрые старые времена, гостей продуктами и вином.

– Ты – Тагиани Цезарь, я – Тагиани Ражден! – торжественно напутствовал гостя новый родственник. – А значит, мой дом – твой дом! И для меня твои друзья и коллеги всегда желанные гости, в любое время дня и ночи! Помни об этом всегда! – повторял он по-мегрельски.

Тем временем «звёздный час» нашего героя и в городе потихоньку угасал, погружаясь в туман прошлого. Так что вспомнил Цезарь о новом своем хлебосольном родственнике очень скоро. Через неделю.

Две легковушки, пыля, лихо подкатили к дому Раждена, отчаянно сигнала и пугая хозяйских коров, лениво пощипывающих травку перед воротами.

За хозяином дома, работавшим на винограднике, снарядили гонца.

И снова забегали, засуетились все женщины в доме, а сам хозяин, переодевшись в одежду, соответствующую праздничному событию, пошел обходить соседские дома. Созывая уважаемых людей на застолье.

Цезарь, как всегда, с привычным огоньком в глазах, был душой общества и блестяще «провёл» стол. Как и в прошлый раз, дорогих гостей долго не хотели отпускать. Растроганный тамада облобызал всех присутствующих и прослезился, видимо от умиления. И на обратном пути, в автомобиле, не уставал славить небеса, ниспославшие ему таких прекрасных родственников.

Город потихоньку погружался в мягкую комфортную «спячку», наступавшую обычно с завершением курортного сезона. Разъезжались веселые, шумные, любопытные и доверчивые «курортники». Повсеместно созревал виноград, фиолетово-синие и янтарные кисти пригибали гибкую лозу к земле, а в воздухе, над виноградниками плавал

густой, терпкий, пьянящий аромат. Скоро, совсем скоро, начнется сбор пахучих этих, волшебных ягод и грядёт, повторяющееся уже столетия, каждую осень, таинство рождения молодого вина.

И во всех селах гордые и счастливые крестьяне будут славить, согласно вековым традициям, небесных своих покровителей.

Но это произойдет немного позднее, может через две недели, а может и через три.

Душа же Цезаря металась сейчас, нетерпеливая и от того возмущенная, внутри телесной оболочки потомка княжеского рода, доставляя ему неудобства и дискомфорт. Душе хотелось, образно говоря, петь от счастья, а говоря проще, «тамадить» на хорошем застолье. Цезарь пытался её, душу, робко утихомирить, успокоить, научить терпению и заставить ждать лучших времен. Но потом понял, речь ведь идет о его душе, и решил, что настаивать и убеждать самое себя, сущность свою – самому же во вред.

И Цезарь сделал вид, что сдался.

И объявил друзьям ближайшим своим, что тоскует он очень по родне своей новой. Особенно, как он сказал, ночами совсем невмоготу.

И снова два автомобиля “припылили” из города к тому же самому сельскому дому.

Хозяин оказался на месте. Глаза его полезли на лоб, узрев веселую (и голодную) компанию, приближающуюся к воротам, во главе которой чинно вышагивал Цезарь с руками, разведенными для объятий. С трудом натянув на лицо подобие улыбки, Ражден достаточно вяло облобызал дорогого гостя.

На этот раз соседей не созывали, да и стол накрыли не в зале, а в летней кухне-апацхе. И угощение оказалось гораздо скромнее, чем в прошлые разы.

Прошлогоднее вино Раждена давно было выпито. Посему отрядили сына с запиской к одному из соседей. Минут через двадцать мальчик принес кувшин теплого и кислого, как уксус, белого вина. На компанию этого было явно мало. Хозяин потер переносицу, побряхтел почему-то и удалился в дом. Вернулся с двумя запыленными бутылками виноградной водки, запечатанными кукурузными початками. Чача оказалась высокой степени очистки, то есть «тянула» градусов на восемьдесят. Видимо в доме её хранили, как спирт, для медицинских целей. Своим качеством и крепостью она немного «подсластила» впечатление от прокисшего соседского вина.

Но даже и она не смогла разогнать тревожное предчувствие, туман какой-то энергетический, витавший в тот вечер над сельской апацхой. И все, в той или иной степени его почувствовали. Все, кроме Цезаря.

И совсем скоро стало понятно, предчувствие чего стучалось в тот вечер в сердца почти всех гостей.

Ражден чинил калитку, когда из автомобилей высыпала личная гвардия Цезаря, во главе с самим Генералиссимусом Бахусовых войск, отпрыском князей Татиани.

Ослепительная услужливо-восторженная улыбка на аристократически утонченном лице, вкупе с радостно разведенными для объятий

руками, гласила: «Здравствуй брат мой любимый, светлейший князь Ражден Татиани!»

Хозяин дома сначала как будто окаменел, потом у него отвисла челюсть... и вдруг он, резво, слишком резво для столь крупного мужчины, побежал в сторону приехавших людей.

– Не Татиани я и совсем не твой брат! Не брат и не Татиани! Ты слышишь? – истерически орал Ражден по-мегрельски. – Деда ватире, вай мэ, вай мэ (набор междометий) – добавляя по-грузински. И громко, как паровоз, заверещал Ражден на бегу, перейдя уже на русский:

– Что я натворил что я натворил! Пусть моя гроби на зале мой дому поставят. Пачему он взил эта мой дэньги проклятий?

Процессия в недоумении остановилась.

– Какие деньги? – моментальноотреагировал Цезарь на столь милое сердцу слово.

– Да тот самый, – подбежав, продолжал шуметь Ражден, – каторгий я взятку дал старшина кагда меня из армии атпускали я просил напиши мне памилия Татиани очень меня хател княжески памилиа имет. Тебя ведь разница нет. Он правда написал. И дэньги взил. Ви понимаеш – НЕ ТА-ТИ-АНИ!!! Я не твой родственник, а совсем другой отцовски памилиа имею. Астави меня в покое умалиаю.

Тут вообще произошло невообразимое. Огромный дядька, в выцветшей военной гимнастерке, галифе и в узких «азиатских» калошах, вдруг разрыдался. Опустился на колени, разведя, несколько театрально, в стороны, свои руки. И застыл, как гранитное надгробье. Только из глаз его продолжали предательски вытекать слезинки.

...Цезарь же какое-то время очень грустил и делал вид, что неприятно вспоминать ему произошедший инцидент. И только очень редко, будучи в хорошем настроении после удавшегося застолья, якобы только по настоятельным просьбам друзей, нарушал молчание. Подняв руку, дождавшись полной тишины, с горечью в голосе вещал:

– Патериал я брату!

Присутствующие картинно вопрошали – Что, кто-то умер?!

– Нет, но можно сказать, что умер человек, каторому я считал, как брату! Абидел меня это человек. Мой памилиа присвоил. Думал я тот день, не удержусь, ударю ему ногой, капитом своим, потом ваздержался, он же на колени стаял. А какой княз на колени встанет? Понил я – не мой эта порода! А ещё я капито пожалел, я же апстрийски тупли адетий имею, дарагой обувь! Плюнул я и прастил его.

(Под словом – копыто – произнесенным с акцентом, мягко, Цезарь имел в виду, я думаю, каблук. И конечно, не рассказывал он, какого было получить, неожиданно, от ворот поворот, и возвратиться в город «не солоно хлебавши»).

За окном пропел свою мелодию автомобильный клаксон. Андрею пора было отбывать. Ведь все хорошее и приятное когда-нибудь заканчивается.

Юго-Восточный округ

Борис
Прахов

Катерина
Кюне

Евгений
Багдасаров

Галина
Кацуба

На территории округа находится 12 православных храмов и бывший мужской Николо-Перервинский монастырь, с 1995 года имеющий статус Патриаршего подворья, объединенных в Юго-восточное викариатство города Москвы. Викариатство делится на два благочиния. Храмы районов Некрасовка, Выхино-Жулебино, Кузьминки, Люблино, Марьино, Капотня входят в состав Влахернского благочиния. Остальные храмы входят в состав Петропавловского благочиния. Еще со времен средневековья, когда Москва была деревянной, именно на её юго-восточной окраине, с подветренной к городу стороны, размещались все пожароопасные промыслы, от кузнечного дела до гончарного производства. И этой традиции следовали многие поколения, веками локализуя промышленные угрозы любого характера именно на юго-востоке столицы. Так и Московское народное ополчение в годы ВОВ активно формировалось из жителей районов. В июле 1941-го, москвичи в возрасте 17–55 лет входили в дивизию №22 Таганского района и уже 26 августа 1941 года вступили в боевые действия.

БОРИС ПРАХОВ**ОДНОЭТАЖНАЯ МОСКВА**

Пока подвыпивший сентябрь не захмелел вконец, безумец,
И бабьелетнее тепло ещё не продал «с молотка»,
Пока Москву не навестил студёный ветер, вольнодумец,
И сумасшедший листопад не разгулялся в ней пока,

Тебя под вечер пригласить хочу сегодня на прогулку
Туда, где нет людской толпы и паутины проводов...
Давай заблудимся в Москве, в малоэтажье переулков,
Пока не хмуры облака, пока закат ещё бордов.

Мы, взявшись за руки, пойдём, минуя шум широких улиц,
Смотреть на прежнюю Москву сквозь детства чистое стекло,
Пока подвыпивший сентябрь не захмелел вконец, безумец,
Пока желанье «заплутать» по водостокам не стекло...

Одноэтажная Москва, как будто скованная тишью,
Здесь дремлют луковки церковей и старых дворишков тоска...
Я на листе, как на холсте, твой силуэт стихами вышью
И неразгаданность твою, одноэтажная Москва!

ХОДИКИ

Мне, как прежде, уже не куражится –
Знать, что было отпущено, выпито...
«Неизбежности» дату, мне кажется,
У судьбы не купить и не выпытать...

А во времени реку дано ли нам
Вновь войти молодыми и сильными?
Быть ли вместе нам в месте намоленном,
Целоваться ль под летними ливнями?

Растрянжирил со временем силы я,
Год от года всё ближе я к посоху...
Мне бы взять тебя на руки, милая,
Да назад! По воде... «аки по суху»!

Только спорить со временем – глупости!
Нет над ним ни богов, ни правителей,
В нём ни щедрости нет и ни скупости,
Нет наград на отглаженном кителе...

Эта жизнь, как мгновение, прожита
От времён, где из печки оладушки,
Где касались волос моих ёжика
Узловатые пальцы прабабушки...

Где смеёмся и плачем иначе мы,
Где смородина ждёт в огородке,
Где со стенки глазами кошачьими
Ищут мальчика бабкины ходики...

ДРУЗЬЯМ ПОЭТАМ

Московский дождь стучит по мокрым крышам,
По грифам улиц с «зебрами» ладов,
С листа читает точки птиц, притихших
В провисших нотных станах проводов.

Семь дней семь нот осенней увертюры
Играет дождь на струнах из воды,
Обрывки пожелтевшей партитуры
Бросая в Патриаршие пруды...

На Сретенский бульвар к друзьям-поэтам
Попить вина, послушать их галдёж
Бредут в обнимку с пьяным Бабьим летом
Сентябрь-художник и маэстро дождь.

Когда однажды над моей столицей,
Моей Москвой, где жил не без грехов,
Душа взметнётся в небо синей птицей
За стайкой недописанных стихов,

Я к Вам, продевшись ниткой невесомой
Сквозь волшебство Бульварного кольца,
Спустишь неслышно рифмою искомой
За пазухой московского скворца...

Ей за меня по строчке соберите,
На Чистопрудье пластиком «звения»,
Плесните мне, на небо посмотрите
И... вспомните по-доброму меня...

КАТЕРИНА КЮНЕ**ДЛЯ БЛК**

«Баю-баю, – бают заметь,
Подоконник убелив, –
Спи, живое: сердце, память,
Вышедшие из земли».

Спи, заспи свою причину
В пышной песне снеговой.
Растолки в ладонях зиму,
В ночь улягся с головой.

У тебя в ногах позёмка
Увивается-скулит,
Выметает из подземки
Жизни тёмные кули.

Мимо них в мешке из драпа
Сердце тёплое идёт,
Дышит белым острым крапом,
Молча падает на лёд.

Не вставай, куда уютней
В сны уткнуться головой,
Я надую свет попутный,
Намету к утру сувой*.

Веют снежные качели
От вершин и до земли,
Что во льду, что в старом теле,
Дом по горло замели.

Потечет вода за пояс,
Вешний ветер снег поест.
Драп порожний сядет в поезд,
Где не платят за проезд...

* Сувой – (устар.) сугроб.

* * *

Ломкие птичьи лапки
тонкий воробьиный скелетик
кажется, наши тела такие же хрупкие
даже странно что нас не сминает
огромный воздух
Когда ночь выползает из-под земли
и твоё дыхание затихает
я очень боюсь, что ты вдохнешь комок темноты
и захлебнешься
у сна тяжелая поступь
это лошади скачут
ломаю грудную клетку зеленому полю

* * *

я полная дура, Господи, я полная дура
как мне жить с этим, как мне жить с этим?
пошли мне ангела с фонариком в глубоком кармане
пусть развеет мой мрак, пусть посветит...

на миг я увижу всё как есть, Господи, всё увижу
но у меня же ужасная память, ужасная память
я всё увидела, всё поняла, но вот он взмахнул крылами
и остались одни только дыры, словно мыши погрызли зубами

я полная дура, Господи, я полная дура
пошли мне ещё одного ангела с аппаратом
пока первый ангел светит, пусть второй заснимет на плёнку
и подарит снимок, буду хранить, от чужих буду прятать

я увижу всё как есть, Господи, я всё увижу
но ты же знаешь, какая я недотёпа, какая я недотёпа
выроню по пути, пролью первый попавшийся кофе
десять минут – и снимок негоден, снимок в клочья истрепан

как мне жить с этим, как мне жить с этим?
пошли мне третьего ангела, пусть он носит снимок в кармане
пусть всегда ходит рядом и вынимает фото, когда попрошу
только если всегда со мной скажи как представить маме

ведь она сразу спросит, что это за мужик с крылами
а если мама взялась за дело, значит дело к свадьбе,
но вначале стандартная процедура:
сколько лет? где работаете? и не пора ли вам пожениться?
а я ведь полная дура, Господи, я полная дура...

ЕВГЕНИЙ БАГДАСАРОВ**ПРОБУЖДЕНИЕ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА И КНИГА**

Нет, я не спал, не спал, ты знай,
 Успел смежить чуть только веки,
 Как пробудился ото сна,
 Услышав голос: Tolle! Lege!
 О дерево, твоя кора тверда,
 А плод, когда созрел, он липкий...
 Приди – зову, скажи, когда
 Оставил я тебя, Алипий?!
 Я понял этой книги жуть,
 И то, что этот голос значит.
 На книгу искоса гляжу.
 На книгу искусства гляжу.
 И плачу.
 Как искушенья превозмочь?
 Приди, в тебя сокроюсь, ночь,
 Где, равноценны чернь и знать.
 Чтобы тебя, земля, познать
 Любой несовершенен метод.
 Среди нечистых сам нечист,
 Я руку потянул к предмету,
 А вместо – пустота. Лучи
 Так преломляет водоём –
 Воды изменчивая призма.
 При все неведении моём,
 При всём невежестве моём
 Одно лишь знаю – буду призван.
 И слёз полны мои глаза,
 И я увижу то, что за.

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

ИЗ У.Б. ЙЕЙТСА

Смелее, любимая, ступим под сумрачный свод,
 Где слёзы роса лишь – её не высушит солнце,
 Где дрозд без боязни поёт – птицелова тенёт
 Не таясь, где сомонный лосось
 В тихом озере светлом, играя,
 Иногда лишь плеснет.
 Мы услышим, любимая, там, я и ты, мы услышим.
 Брачный рёв – зов оленем желанный –
 Он то громче то тише.
 На раскидистых ветвях невидим певец, неколышим
 Пляской ветра. Под шаманки-кукушки напев.
 И кукушка, она не допустит, чтоб смерть, чтобы смерть стала ближе,
 Чтобы смерть прокралась сквозь ветви,
 За спинами нашими сев.

ALL DAY

ИЗ Д. ДЖОЙСА

День целый слышу шелест вод,
 Их тяжкий стон,
 Покинут, стонет альбатрос,
 И клонит в сон
 От говора
 Ветров и вод
 Что слышит он.

Холодны серые ветра
 Меня несут
 Я слышу шелест многих вод
 Вдали, внизу –
 Весь день,
 Всю ночь и
 До утра:
 Их пересуд.

ГАЛИНА КАЦЮБА

НОВЫЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

«За Дьявола Тебя молю, Господь! И он – Твоё создание.
Я Дьявола за то люблю, Что вижу в нём – моё страданье»
Зинаида Гиппиус «Божья тварь»

I

«Все неинтеллигентные люди похожи друг на друга, каждый интеллигентный человек интеллигентен по-своему», – прочитала Мнимозеева на двери незнакомой редакции и уверенно шагнула вперёд.

Человек в позе лотоса сидел за компьютером и бормотал трёхэтажные мантры. Он поклонился Мнимозеевой, качаясь из стороны в сторону, словно большой китайский болванчик: «Будда Будданский, ответственный секретарь журнала "Новый интеллигент"». Мнимозеева споткнулась – по полу ползал мохнатый бож, собирая пустые бутылки в подол. «Моя жена – Майя!» – пояснил Будданский с достоинством. «Венчанная!» – из-под стола вынырнуло лицо Майи – «всё синее, как апельсин», изъясняясь на языке Поля Элюара. Майя сделала попытку поцеловать Будданского, сложила губы трубочкой, но не удержалась на ногах, брякнулась на четвереньки и чмокнула своё голое колено. По ошибке приняла его за супруга и разочарованно спросила: «Будда, ты пьян?!».

Журналист Иван Шатлов лежал на полу и крепко спал, накрыв лицо газетой. Былинный русский богатырь отдыхал после битвы. «Водка осталась!» – крикнула ему в ухо Майя. Шатлов с грохотом вскочил. Мнимозеева приблизилась, чтобы посмотреть – не уходит ли земля у него из-под ног? Встав на цыпочки, она едва дотянулась до его плеча. Он смёл её в сторону и устремился к столу... Пил молча, могучими глотками. Мнимозеева не могла оторвать от него восхищённых глаз. Он показался ей царским опричником, затесавшимся среди простого краснолицего базарного люда.

«Размечталась! Он гей!» – хмыкнула Майя. Будданский погрозил Майе кулаком, а перед Мнимозеевой похвастался: «Майя – моя девятая жена, остальные – на Ваганьковском... И все до сих пор девственницы!». Будда углубился в воспоминания и заснул с просветлённой улыбкой. Майя подмигнула Шатлову: «У тебя их сколько было?» – «Жён или девственниц? Я не монах!» – «Девственников!». Шатл усмехнулся: «Поехали ко мне!». «Пригласите меня!» – расхрабрилась Мнимозеева.

...Шатл жил в коммунальной квартире с четырьмя молодыми соседками-бетонщицами. Одна из них, востроглазая и щербатая, высунулась в коридор: «Яйца есть?». «Они к Вам не пристают?» – спросила Мнимозеева с сочувствием. Шатл до крови прикусил губу.

Комната Шатла, огромная и квадратная, как он сам, напоминала дровяной склад: брусья, колоды, брёвна. В красном углу, где у добрых хри-

стиан образа, в дубовой раме висела детская книжка с нарисованным на обложке бумажным самолётом. Мнимозеева прочитала заглавие: «Аполлинарий Шатлов "Учитесь летать!"» – «Это отец написал, он был лётчиком-испытателем». – «В детстве Вас мучил страх перед ним?» – Мнимозеева знала наизусть «Введение в психоанализ» Зигмунда Фрейда. – «Женские головы вечно набиты Фрейдом или гороскопом!» – рассмеялся Иван Апполинариевич и подарил ей томик Ницше.

II

Консьержка в доме Мнимозеевой долго не пропускала Шатлова, разглядывая его в лорнет. Изюм всех сил стремясь быть галантным, он подарил ей один красный мак, два других приберёг для Дамы своего сердца. Мнимозеева обрадовалась цветам: «Я отнесу их на кладбище, в наш фамильный склеп», – и принесла к столу семейное блюдо Мнимозельбергов – старательно приготовленные, слегка обугленные тосты. Шатлов разгрыз один с таким треском, будто рухнул сосновый лес: «Ты удивительно готовишь!». Он поднялся, собираясь поцеловать Мнимозееву, расправил плечи – задел головой антикварную люстру и разбил все плафоны... Мнимозеева сделала вид, что ничего не заметила. Но Шатл сошёл со своего старта, натянул залатанную лётную куртку и нащупал в кармане бутылку: «Пойду, напьюсь с бомжами!».

Мнимозеева наблюдала из окна, как он пересекает площадь семимильными шагами – массивный гранитный монумент, удравший с пьедестала, чтобы выпить водки... Перед сном она решила погадать – раскряла подаренную Шатловым книгу Ницше, и ей выпало: «Что знает о любви тот, кто не презирал именно того, кого любил?»... Мнимозеева проснулась от звона разбитого стекла – тяжёлые булыжники летели в окно. Шатл порывистый, пьяный и злой, выковыривал их из мостовой. Он взобрался по пожарной лестнице: «Почему у твоего подъезда столько «мерседесов»? Надо их взорвать к чёртовой матери!».

Ночью Шатлов проявил чудеса элоквенции и убедил Мнимозееву пойти в гости к «фашикам». Козьими тропами он привёл её к почерневшему от плесени дому, бывшему когда-то общественной баней: «Здесь живёт мой друг – художник Маков. У него на чердаке – оранжерея мака. Маков содержит колонию бомжей – они работают и стерегут урожай». – «Ему что-то достаётся?» – протёрла глаза Мнимозеева. – «Он организовал настоящий концентрационный лагерь: бараки, отдельные для женщин, мужчин и детей, у каждого номер на руке, радиоприёмник, откуда доносятся приказы, и с утра до вечера играет классическая музыка... Здоровые работоспособные особи он сохраняет для популяции». – «А других куда?» – содрогнулась Мнимозеева, ей как будто грезились кошмар. – «В этой старой бане осталось достаточно печей!». Мнимозеева со страхом посмотрела вверх – на крыше чёрного дома торчали трубы, из некоторых валил дым.

Они зашли в подъезд. Шатлов пнул обитую железом дверь, разогнался и снова ударил. Раздался реактивный рёв... У Мнимозеевой заложил

ло уши – казалось, что Шатл вот-вот взлетит и исчезнет за горизонтом. «Существует кодекс интеллигента: дважды звонить нельзя!» – прошептала она. «Хайль!» – вскинул руку художник Маков и запахнулся в потёртую полковничью шинель. Он подозрительно, с головы до ног осмотрел Мнимозееву, схватил большой деревянный циркуль и начал делать замеры. «Кончик носа должен быть перпендикулярен поверхности лица и не выступать за линию от мочки уха...» – бормотал Маков, щекоча её своим длинным горбатым, совсем не арийским шнобелем. Шатлов прорычал: «Себя лучше измерь!» – «Я обязан быть выше всяких правил! Я – идеолог!».

Маков усадил гостей, налил всем водки, откашлялся: «Кто такой Христос? Абсолютный арий! Апостолы испоганили его учение. “Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов” – это гимн некрофилии!». Мнимозеева вытянула свою просвещённую головку, словно голодная гусыня: «Вы имеете в виду Ницше?». Шатл сказал ей на ушко: «Он этого не читал!» – «Он только “Майн Кампф” читает?» – «Он и этого не читал!». Маков бережно извлёк из кармана потрёпанную книгу и весь засветился: «“Три мушкетёра”» Александра Дюма – настоящий фашистский роман! Все его герои хотя одного – красиво умереть! Наше Евангелие от Александра!». Ожидая поддержки, он протянул Шатлову горстку шариков опия. Шатл покатал шарик в руке, набил трубку, затянулся и задумался о своём: «Ты читал мою статью о нацистской группе “Водяной”? Ребят недавно посадили, а мне дали премию за эксклюзивный материал!» – «Это они бросали в пруд бомжей и убивали их током? Наши мальчики! – Маков повеселел. – Ты, поди, сам их и подучил?» – «Я создал их... А теперь буду свидетелем на суде!» – Шатл мрачно скрутил ещё один шарик. – «Иуда! – протянул Маков. – Большая премия – то?» – «Да нет, поощрительная... Дай мне отпущение!» – взмолился Шатлов.

Маков снял со стены картину и вознёс её, как икону. На холсте была изображена «ночь длинных ножей»: зверски убитые штурмовики Рёма в коричневой униформе СА, над офицерскими пилотками сиял нимб... Шатл упал на колени. Маков с размаху огрел его образом по голове и накинул ему на плечи свою шинель: «Посвящаю тебя в полковники!». Сам остался в чёрных жаккардовых трусах с высокой резинкой. Шатлов оттянул её со свистом и сунул несколько зелёных купюр в самый низ маковского живота: «В партийный фонд!». «Не пропью! Ей-богу, не пропью!» – поклялся Маков.

III

Едва забрезжил рассвет, Шатлов уговорил Мнимозееву посетить легендарный скверик у Большого театра... В неуточный час там было безлюдно, только на скамейке забко свернулась сутулая змейка в куцем пальто. Она гипнотизировала бронзового Аполлона в колеснице, украшавшей фасад здания. Шатлов просиял, наклонился к Мнимозеевой, понизил голос: «Он здесь живёт, мой лучший друг Тимофей, мальчик

из академической среды...». Шатл прижал «змею» к груди и поцеловал с бесконечной нежностью. «А-ад! А-ад! А-ад!» – бубнил Тимофей: он сильно картавил и заикался. Увидев Мнимозееву, Тимофей пришёл в необычайное волнение: «Г-где з-здесь м-можно к-купить ш-шампанское? Я – б-богатый ч-человек!». Он подбросил в воздух несколько пачек стодолларовых купюр, жонглируя ими, как факир, одна – упала в грязь. Шатлов сделал движение поднять. «Н-ну, их! – остановил Тимофей. – К-когда я очень п-пьян, я их ‘ву на ч-части!». Мнимозеева оживилась: «Давайте все напьемся, ты будешь рвать, а мы... потом склеим!». «Не меркантильничай!» – прикрикнул на неё Шатлов и обнял Тимофея. – «П-поехали ко м-мне на Н-новый А’бат! Б-будем к-кутить!» – «Там сейчас офис – ты же квартиру сдал!» – напомнил Шатлов. – «Г- азгоним всех!!!».

Офис на Новом Арбате был стандартно выбелен, как гинекологический кабинет, и заставлен компьютерами, ксероксами и факсами. Но остались нетронутыми светёлки с этажерками и комодами, сундуком Марины Цветаевой (в каждом интеллигентном московском доме имелся такой сундук), с «Апокрифами» на древнегреческом и «Историей Римской империи» по-латыни... В привычной домашней обстановке Тимофей перестал заикаться, распрямился, принял облик статного царевича и заговорил, как Демосфен, выплюнувший изо рта камушки: «Семинария ... потом – аспирантура истфака...». Он с неторопливым достоинством вынул из старинного сундука монашеский клубок, чуть помедлил и покрыл голову: «Кто наденет его, будет монахом!». «Не бесовствуй!» – погрозил ему пальцем Шатлов. «А какая тема диссертации?» – поинтересовалась Мнимозеева. «“Особенности стоицизма Римской империи”. Я беру период Сенеки и Нерона – время, когда стоицизм в циничном распаде плавно перешёл в фашизм...» – ораторствовал Тимофей.

Мнимозеева, страдая от уколов ревности, отвела Шатлова в сторону: «Он параноик! Параноики вечно пишут подобные диссертации!». «Между нами ничего нет!» – оправдывался Шатлов... Зная, что от него отреклись, Тимофей поднял палец правой руки вверх, как Христос на картине Дали «Тайная вечеря», снова весь сгорбился и обратился в Змея. Он ползал по полу, изгибая своё длинное тело, за ним тянулся хвост из выпитых пивных банок: «Д-д’узя! Я в-вам м-мешаю! Г-гоните м-меня! В-вп’очем, н-не н-надо... я с-сам!». Тимофей распахнул окно и высунулся. Шатлов с трудом оттащил его, но Горыныч стал клеиться к нему. Спасая любимого, Мнимозеева решила придушить злодея-соперника. Тимофей не сдавался и обиженно вопил: «Т-ты в-ведьма! У т-тебя есть х-хвост! Анафема!!!». Он схватил ящик с пивными банками и брякнул о пол. Раздался грохот... В дверях появился детина в малиновом пиджаке: «Гуннов, директор фирмы “Аттила”. Валите отсюда!». Из соседних кабинетов дружно затыкали факсы... «Я п-п’одал Ым им!» – произнёс Тимофей в гневе (очевидно, он хотел сказать «Рим им»), вы-

валил из кейса кипы долларов и стал раздирать их на мелкие части. Пол был усыпан зелёным конфетти... Гуннов проворно встал на колени и начал набивать карманы рваными кусочками.

Пока Шатлов тормозил такси, Тимофей подкрался к Мнимозеевой, раскинул руки: «Я т-тебя л-люблю!». Она ловко отшатнулась, и он стиснул в объятиях фонарный столб... В машине на ходу Тимофей настойчиво пытался выброситься через ветровое стекло. Шатлов с силой удерживал его за штаны – они то и дело спадали, обнажая тощий зад расточителя.

IV

Высадив Тимофея из такси у Большого театра, Шатлов горячо извинялся перед Мнимозеевой, краснея за своего товарища: «Тимофей не совсем наш, в нём много декаданса, интеллигентской левизны...» – «Разве вы не интеллигенты?» – «Мы – Правые. Мы создали образ “нового интеллигента” – так называется наш журнал». Шатлов попросил водителя притормозить у газетного киоска, купил гламурный на вид журнал «Новый интеллигент» и с гордостью вручил Мнимозеевой: «Он издаётся в Израиле, на лучшей мелованной бумаге!». На глянце-вой обложке с глиттерами переливалась всеми цветами радуги Великая святыня Иерусалима – Стена Плача. Мнимозеева полистала добротные журнальные страницы с репродукциями «адских» картин Иеронима Босха и Франсиско Гойи, наткнулась на статью Ивана Шатлова «Мумии рейхстага», внимательно прочитала... и не поверила своим глазам! В злобном фельетоне известные лидеры Правой партии выставлялись на смех в виде гоголевских персонажей – Хлестакова, Собакевича и Вия: «Где же гут Правые идеи?!» – «Приходится изъясняться эзоповым языком... Антиреклама лучше любой рекламы! – Шатлов угрюмо распечатал бутылку шампанского, его ледяные бесцветные глаза наполнились шипучей пеной: – Презираешь меня?». Мнимозеева повертела в руках глиттерованный журнал, на его обороте стояла цена одного экземпляра в розницу – 30 шекелей. Она вздохнула... выбросила вперёд руку и робко сказала: «Хайль!».

На следующий день Шатлов привёл к Мнимозеевой почётного гостя. Колоритный джигит жестом усталого артиста поправил перед зеркалом концертный галстук-бабочку. Шатл представил его с особенной важностью: «Редактор журнала “Новый интеллигент” – Хамам Хамамов». Босс сверкнул узкими чёрными скважинами, подошёл к столу и залпом выпил бутылку водки. Шатл услужливо открыл другую. «Моё настоящее имя Кумган, я – калмык, дальний родственник Ленина... Приехал в Москву из села, играл на саксофоне в джаз-оркестре, потом женился на дочери первого советника президента... У меня хороший... саксофон-контрабас! – охмелевший редактор подмигнул Мнимозеевой: – У Вас есть сестра или мама?» – «Раньше со мной жила прабабушка, она умерла...» – «Пустяки! Зови её сюда!» – развеселился Кумган.

Шатлов предложил ему выпить ещё. Мнимозеева принесла к столу традиционные и как всегда обугленные тосты. Кумган опустошил вторую бутылку, набил рот тостами, хрустнул... и сломал все свои золотые зубы... Его чёрные скважины стали огненными, на Шатла полилась горящая лава, началось извержение вулкана: «Это сионистский заговор! Ты – израильский шпион!!!». Кумган выбежал, влетел в лифт... И было слышно как по шахте торжественно и бурно зажурчали ручьи – прозвучал «Полёт Валькирий» Вагнера, виртуозно исполненный на саксофоне-контрабасе.

V

Подруга детства Мнимозеевой Эльвира Зельц, земная женщина, работала фотомоделью. Она была медиумом для Мнимозеевой. «Женат? – первое, что спросила Эльвира, второй вопрос был, естественно: – Богатый? Мультимиллионер?». «Одно могу сказать – он не гомосек!» – улыбнулась Мнимозеева. Зельц не верила в существование гомосексуалистов, для неё они были условны, как домовые. «Не бывает плохих мужчин – есть плохие женщины!» – проповедовала она, с удовольствием рассматривая себя в зеркале, если его не было под рукой, она заглядывала в витрины магазинов, в лобовые стёкла машин, в глаза прохожих: – Опиши мне его!». Мнимозеева процитировала Юлиана Семёнова: «Истинный ариец. Характер нордический, выдержанный. Беспощаден к врагам рейха... – серьёзно задумалась и добавила: – голубые глаза, маленькие уши». Эльвира ничего не ведала об ариях, но разбиралась в главном: для прочного семейного союза необходим контраст... Её муж гинеколог в противоположность стройной, кудрявой и ветреной жене был толст, лыс и домовит.

За дружеским ужином втроём Зельц-супруг читал вслух рекламные объявления: «“Продаётся новый компьютер люкс-интернейшнл ручная сборки...” У твоего друга есть что-нибудь ручной сборки?» – «Вряд ли – у него только брёвна...» – «Значит, должен быть электротопор ручной сборки. Уговори его продать, а я гарантирую ему льготный мини – аборт!». У Мнимозеевой от испуга заболел низ живота. «Обычный зов природы!» – уточнил Зельц-гинеколог, сделав Мнимозеевой пальпацию. «Кретин! – отругала его Эльвира. – У женщин там душа!».

Зельц зевнул и ушёл спать, а подружки остались посекретничать. Эльвира прищурила нефтяные татарские глаза и полюбовалась на своё отражение в зеркале: «Когда я работала на подиуме, к нам приезжали бандиты – простые парни, суровые, но застенчивые. И какие-то честные!» – «Шатл именно такой: честный бандит... Не веришь? Вот аподиксис...» – Мнимозеева любила щегольнуть модным иностранным словом, значение которого толком не знала... она сделала паузу и красноречиво поднесла к губам стоявшую на столе бутылку пива. Зельц выронила зеркало и разбила: «Кто он по гороскопу?» – «Кажется, Близнецы» – «У Близнецов сегодня один ... аподиксис, а завтра – дру-

гой!» – «Тот, второй, ещё лучше!» – и Мнимозеева потянулась к бутылке шампанского. Она призналась, что мечтает превратить святыню в нетленные мощи и прикладываться к ним в страхе божьем с верой, с молитвой! «Как он относится... к адюльтеру?» – затрепетала Эльвира, огорошив подругу французским термином, его произношение она штудировала с первого дня замужества.

...Мнимозеева обрела привычку просыпаться на рассвете и звонить своему ненаглядному. Она спрашивала: «Как дела?». Он отвечал: «Худо!». Шатлова мучил похмельный синдром, и, случалось, она стремглав летела на помощь к другу. С замиранием сердца Мнимозеева набрала дорогой для неё номер. «Эльвир-р-ра!» – голос Шатла перешёл в радостный рык. Мнимозеева уронила телефон... Её звали совсем не так! У Мнимозеевой было чудное, редкое, очень красивое латинское имя – Мнимозея. Его никто никогда не мог запомнить, и Мнимозееву обидно называли то Бумазея, то Анестезия. Поэтому она очень стеснялась и говорила только свою фамилию. Но Шатл знал её имя – выучил за неделю и ни разу не перепутал ни одной буквы! Мнимозея достала из чулана солдатский ремень с тяжёлой медной пряжкой... «Он не заметит, подумает – массаж!».

Иван преобразил всё чёрно-квадратное в светло-круглое. В его небесных глазах отражались траектории летящих самолётов, уши казались микроскопическими! Мнимозея обвила его, как плющ: «Ты очень красив!». Она была ничтожным сорняком-паразитом, а он – могучим дубом с жёлудями, осами и даже скворечником! «Ты меня любишь?» – «Люблю!» – «Врёшь! Эта история с Эльвирой...» – «Она разделась... красивая голая татарка, а я, как идиот... ничего не мог!» – «Ты же хотел быть лётчиком-испытателем?!». Иван приколол к груди Мнимозеи значок из стали с изображением свастики.

Встретившись с Эльвирой Зельц на другой день, Мнимозеева похвастала подарком Шатлова. У подруги испортилось настроение, злопаятная азиатка заскрипела зубами: «Теперь я знаю: бывают голубые от рождения!». Эльвира разволновалась и ушла покупать бижутерию в соседний магазин... Она вернулась, еле-еле волоча витринное зеркало, вырванное сгоряча из рамы, поставила его перед собой и отрешилась. Но вдруг задрожала и забилась в рвотных конвульсиях... Мнимозеева в испуге позвонила Зельцу-мужу. Он приехал и сразу определил: «У неё – ртутное отравление! Меньше надо было пялиться в зеркало!».

VI

Мнимозея Мнимозеева не была создана для счастья. После неутолимой ночи любви Иван Аполлинариевич жестоко потребовал: «Или дети или fancy!». «Что такое фэнси?» -- почувствовав недоброе, спросила Мнимозея. – «Ты не хочешь детей?!». – «Не хочу плодить “новых интеллигентов”!». Аполлинариевич рассвирепел, попытался выбросить кровать, вместе с вцепившейся в неё Мнимозеевой, но рождённый под

знаком Близнецов предпочёл компромисс: «Раз так – будем заниматься любовью втроём! Пригласим профессионалку!». Мнимозея с перепугу больно ущипнула себя за пятку – это был отнюдь не сон.

...Они искали «женщину Шатлова» в ночных клубах, ресторанах и гостиницах. И у коротконогих украинок, оговаривающих количество секунд, и у девочек «полусвета», и даже у пожилых горничных с гостиничных этажей Шатлов не находил «матримониальности» – так он называл женское начало в организме: склонность к материнству... По глубокому убеждению Шатлова все женщины были проститутками, настоящие же гетеры являлись призраками его детских страхов. Вступая с ними в телефонный контакт, он задыхался от отвращения и грубо спрашивал: «Почём?». Ему предлагали юных, стройных, высоких, брюнеток или блондинок на выбор. «Трахать нерожавших – это гомосексуализм! – отвечал он. – Пусть приедет стопроцентная женщина, которая осознала своё предназначение, растит детей!» – «Хотите, пришлём вам штучный товар – бюст пятый номер?» – «А дети у неё есть?» – «У нас приличное заведение!» – возмущались на том конце провода.

...Мнимозеева попала на съезд Партии Ультраправых по заданию Шатлова (его могли здесь пристрелить). Это было собрание военных зомби, с чёрными крестами вместо глаз, и женщин в перманентном пубертатном возрасте. Одна из них, учитель истории, громко объясняла Мнимозеевой, что все мировые войны спровоцированы борьбой внутри сионистского движения между чёрными «сефардами» и рыжими «ашкеназами», но главное их отличие в другом: у «сефардов» – мелкие орудия производства, у «ашкеназов» – громадные... Подошла Гузаль: «Как интересно!». Толстая, весёлая, в черепаховых очках, дочь главного идеолога исламского фашизма Кызыра Кызырбекова. Вместо «Аллах акбар!» в каждой её фразе звучал фрейдистский рефрен: «Мой папа!». Гузаль в свои тридцать лет была девственницей. Она гадала на картах и носила с собой булавы от глаза. Неведомое и Прекрасное подкарауливало её повсюду. «Хочу стать проституткой! – мечтательно сообщила она Мнимозеевой. – Нужно найти мужчину, похожего на отца, и чтоб никто не знал!». «Устроит тебя такой же в точности, только блондин?» – предложила Мнимозеева.

Договорились встретиться втроём... Гузаль вошла взволнованно и неуверенно, сняла очки. Большие невинно светлые глаза предали её стареющему лицу милые черты девичества, трогательного и нескладного... Шатл уловил всё и спросил примиряющим, ласковым голосом: «Ты дура?». «Ага», – созналась Гузаль. Поставили компакт-диск с речами и докладами Кызыра Кызырбекова. Он клеймил Израиль – главного «шайтана», призывал Россию полюбить Аллаха и умереть за него... Гузаль доверчиво рассказала Шатлову, что её знаменитый отец, не смотря на статус философа и вождя, занимается бизнесом, обеспечивая семью: вывозит наркотики из арабских стран и продаёт их в Израиле. «А я тайно от папы посещаю Бахайский храм – ищу там жениха», – вздохну-

ла Гузаль. И Шатл, невольно осмелев, признался: его считают геем, но это неправда – ему хочется обладать каждой женщиной в метро, прямо на ступеньках эскалатора.

Мнимозеева потушила свет и сама раздела Гузаль. Её скромная грудь робко пряталась в складках жира, как «глупый пингвин» в утёсах, но восточный, низко посаженный зад был больше, чем любая планета солнечной галактики. Шатл страстно соединился с Гузаль... Мнимозеева опустила глаза – пол рухнул под ногами, и чёрные руки из огненной ямы стали ворошить кочергой её внутренности. «А-ад! А-ад! А-ад!» – из пламени вынырнула голова Тимофея в монашеском тюрбане... Мнимозеева не выдержала и потащила Шатла за ногу... Гузаль выпорхнула из его когтей, словно голубка. Шатл ринулся за ней. «Я люблю тебя, Гузаль! – закричал он. – Мы пойдём с тобой в мечеть, и ты родишь мне много детей!». Гузаль отбивалась от него, заслонялась стульями, наконец, ища защиты, метнулась к Мнимозеевой: «Прости меня, пожалуйста: он не похож на отца!». «Почему?» – удивилась Мнимозеева. «Он необрезанный!» – Гузаль зарыдала и заперлась в соседней комнате.

Сражённый Шатл лежал на полу – зелёный и помятый, как брошенный мусульманский флаг. Мнимозеева зачерпнула глубоким ковшем часть его горя и опрокинула на себя: «Давай позовём муллу, и он тебя обрежет?». «Я хочу детей!» – простонал Шатлов и бросился к Гузаль. Он барабанил в дверь и орал: «Я стану мусульманином и женюсь на тебе, Гузаль! Хочешь, я совсем отрежу его?!». И Шатл сделал попытку оторвать то, что было для Мнимозеевой... аподиксисом смысла жизни! Она замерла от ужаса и, пребывая в полуобмороке, в диком бреде пожелала: «О, если б сейчас – потоп, пожар, любая катастрофа, пусть даже война!».

За пазухой у Шатлова раздался жуткий писк – голосил выводок новорождённых цыплят – на его журналистский смс-пейджер пришло сообщение: «Вероломный Израиль без предупреждения напал на мирные Арабские Эмираты». Шатлов заматерился, натянул штаны и опрометью побежал в редакцию.

VII

Мнимозеева разыскала Шатлова в дальнем углу грязного редакционного коридора. Он швырнул пустую бутылку, угодив в звонкую колокольню из стеклотары: «Тимофей погиб: выпал из окна и разбился насмерть в арабском посольстве! Просился в наёмники – ему, естественно, отказали... он и прыгнул!». «Там всего один цокольный этаж!» – поразилась Мнимозеева. – «Неважно! Умер, и всё! – Иван достал мокрый носовой платок – загудел похоронный марш. – Арабы объявили его мучеником, погибшим за веру, он уже в исламском раю... Я хочу что-то сделать для его памяти: отдам в журнал его диссертацию по римской антике. Там открытая пропаганда Правых идей! Пора нам выходить из подполья!».

...Траурный выпуск журнала «Новый интеллигент» вышел с некрологом на первой странице. Мнимозеева с недоумением прочитала: «Экстремистские сторонники исламского фундаментализма организовали убийство выдающегося учёного Тимофея Тимофеева, специалиста по Древнему Израилю. Его феноменальный научный труд изложен с сокращениями в вольном переводе на иврит». И ниже следовал струящийся справа налево текст... В погребальном номере было известие, сразившее Мнимозееву наповал: «Редакция “Нового интеллигента” единогласно назначила Ивана Шатлова военным корреспондентом». Мнимозеева разорвала в клочья ненавистный журнал и бросила на землю. Налетел смерч: бумажные ошметки с мусором и песком понеслись за ней вдогонку... «А-ад! А-ад! А-ад!» – вспомнила Мнимозеева и разрыдалась.

...Мобилизованный журналист решил устроить свои проводы в арабском ресторане «Ураза»: «Водка есть?». Неприветливый официант-араб подал меню и сделал вид, что по-русски не понимает. «Здесь меня знают и не хотят обслуживать!» – процедил Шатлов с досадой. – «Нацепим фашистские значки!» – не задумываясь, поддержала его Мнимозеева. – «С ума сошла! Меня выгонят из журнала, да ещё посадят как Кызыра Кызырбекова! Его арестовали после моей статьи о наркобизнесе в Израиле...» – «Бедная Гузаль! – Мнимозеева неприятно ахнула. – Теперь ей придётся делить постель с тюремным начальством!» – «Я сжёг храм, который мне не принадлежал... И получил премию за эксклюзивный материал! Сейчас мы её пропём!».

За соседним столиком склонились понурые головы с источающими тоску восточными глазами. Шатлов посмотрел в их сторону и нервно закурил, повернулся к Мнимозеевой: «Я для того и пришёл сюда, чтобы увидеть опущенные головы арабов! Теперь и мы такие же “опущенные”!».

Трезвые и голодные, они вернулись в похожую на лесопильню комнату Шатла. «Кто такие “опущенные”?» – спросила Мнимозеева уныло. «Это последние люди в тюрьме, они работают на помойке и спят от всех отдельно! – Шатл с неожиданной ненавистью посмотрел на Мнимозееву: – Мы ляжем спать отдельно!». Она покорно соорудила из разбросанных досок двое отдельных нар в разных углах... А утром за Шатловым приехала бригада ассенизаторов – внизу ждал мусоровоз цвета хаки. Он забрался в кузов, помойная машина взревела и покатила на фронт.

...Пьяный, под пулями Шатл звонил Мнимозеевой из полевых штабов: «Мни-мо-зья!», и раскатистый взрыв обрубал связь. Иногда он успевал произнести только «Мни – мо», и в оружейном гомоне всё исчезало. «Это сверхмощные “жучки”! – ликовала Мнимозеева. – Он ушёл на войну с бригадой ассенизаторов, а уже работает наводчиком для всех орудий! По обе линии фронта!».

VIII

«Новый интеллигент» регулярно публиковал репортажи Ивана Шатлова из «горячих точек». В тайне от всех Мнимозеева сдавала в ломбард фамильное серебро Мнимозельбергов, чтобы хватило денег на покупку драгоценного журнала... По ночам прабабушка Мнимозельберг на дагерротипе возмущённо кашляла и стучала зонтом. Однажды она исчезла с фотографии. На ломберном столе красного дерева осталась записка: «Благоволите не продавать мою рамку иноверцам!».

С огорчением разыскивая пропажу, Мнимозея выдвинула стол на середину комнаты и начала неумело вертеть его в разные стороны... Появилось белое облако, принявшее знакомые очертания. А над ним чернело что-то нелепое, вроде панамы. «Монашеский клобук!» – узнала Мнимозея. «А-ад! А-ад! А-ад!» – молвило облако, приподнимая клобук. – «Я тебя не звала, где Иван?» – «Ф-фу! К-как ты м-можешь г-гово-ить п'и мне о к-ком-то ещё! Я с-самый п-популя'ный авто'л жу'нала! М-меня ц-ценят в Из'аиле!» – оно близко подплыло к Мнимозее, намереваясь накрыть её, обволочь. Она сняла с груди подаренный Шатловым нацистский крест и осенила привидение. «Ш-шолом!» – прошепелявило облако и вывалилось в окно.

...В целях конспирации Мнимозеева вырезала из «Нового интеллигента» все публикации Ивана Шатлова. Стараясь их сберечь и увековечить, она мастерила из журнальных кусков самолёты разных типов. У неё на подоконнике собрался целый военный аэродром: юркие истребители, грозные бомбардировщики, стремительные штурмовики.

Это произошло 14 января в христианский праздник Обрезания Господня. РадионОВОСТИ передали информацию из Израиля: «В Мёртвом море были обнаружены субмарины Арабских Эмиратов»... Снежный буран ворвался в окно. Бумажные самолёты взвились в воздух, образовали Звезду Давида и вылетели в форточку. Мнимозеевой удалось ухватить один за хвост – небольшой «У-2» для перевозки военной почты... Силясь заглушить нарастающую тревогу, она затеяла гадание – трясущимися руками развернула самолёт, отсчитала на помятом листе 14-ую строку (по числу календарного дня) и с бьющимся сердцем прочитала: «Израильские полки несут тяжёлые потери – у мусульманского воина легче снять штаны, чем отобрать оружие...». В нос ударил пороховой стиль армейских сводок, голова закружилась, и Мнимозеева внезапно увидела... как на Шатлова набросился исламский фундаменталист, прокричав ему обвинение в незнании сур Корана. В рукопашной схватке Шатл так отдубасил его фотоаппаратом, что тот упал замертво. Чествуя праведную победу, он стянул с правоверного штаны и обнаружил в них... нечто сенсационное – гранатомёт «Золя»! Шатлов остановился, потрясённый видом мёртвого тела ... но не смог побороть искушения сделать снимок для скандального репортажа. Он настроил свой потрёпанный в бою фотоаппарат... но щёлкнуть не успел. Словно по велению разгневанного Аллаха, «Золя» неожиданно выстрелил – бабах! Шатл упал с зияющей раной в паху.

...Неимоверными усилиями воли Мнимозеева отгоняла прочь предчувствие неотвратимой беды. Завтра в новом выпуске журнала появится очередной материал Ивана Шатлова – и исчезнет её навязчивый страх! Стремясь скорее приблизить сей день Господень, она приняла снотворное и уснула.

Мнимозею разбудил страшный сон...Запачканный кровью Иван склонился над её кроватью, пахнуло родным перегаром: «Размножь меня!!!». «Скоро дети будут появляться на свет с помощью органов речи!» – попыталась утешить его Мнимозея. Она захотела обнять своего милого, потянулась к нему... но поймала руками воздух.

Мнимозеева во весь дух помчалась к открытию газетного киоска, чтобы успеть купить свежий номер «Нового интеллигента»... Сжимая в руках журнал, она с безумной надеждой просматривала его страницы. Ивана Шатлова нигде не было! Бумажные листы в её ладонях намокли и отяжелели от слёз отчаяния. Под глянцем журнальной обложки застыла серая Стена Плача... скорбящие назвали её Вратами Милосердия! «Наш Святой Храм был сожжён... и всё радовавшее нас было уничтожено...», – Мнимозеева зашептала слова молитвы и принялась иступлёно рвать на себе одежду.

Опомнившись, Мнимозеева воочию узрела, что её обступили небесные посланники в лилейных хитонах. В преддверии Страшного суда она дрогнула и покаялась: «Я виновна в смертном грехе!», швырнула под ноги и стала яростно топтать нацистский значок – сатанинский дар своего возлюбленного... Ещё миг – и Мнимозеева увидела, как один из божьих арбитров прицелился в неё здоровенным шприцом. «А-ад! А-ад! А-ад!» – донёсся до боли знакомый голос из разверзшейся преисподней. «Господи, помилуй!» – заголосила она и забилась о землю, как раненная птица. Но вдруг услышала над собой строгий голос Спасителя: «Ведите себя интеллигентно, Мни-мо-зея!». Облечённый в кипенную ризу, Он поднял её с колен и, повторяя по буквам, вписал её имя в раскрытую перед Ним священную Книгу Жизни.

Новая Москва

Троицк

Лола
Звонарёва

Новомосковский административный округ (НАО) – один из 12 административных округов города Москвы. Был образован 1 июля 2012 года в результате реализации проекта расширения территории города. Наряду с Троицким, один из двух (и более близкий, смежный из них по отношению к основной территории Москвы) новых административных округов т. н. «Новой Москвы». На территории округа находятся станции электропоездов Мичуринец, Внуково, Аэропорт Внуково, Толстопальцево, Кокошкино, Крёкшино Киевского направления; станция Щербинка Курского направления. На электропоездах по-прежнему действует пригородный зонный тариф стоимости проезда по расстоянию. В Новомосковский административный округ в соответствии с распоряжением мэра Москвы вошли следующие поселения Внуковское, Воскресенское, Десёновское, Кокошкино, Марушкинское, Московский, «Мосрентген», Рязановское, Сосенское, Филимонковское, Щербинка. В январе и феврале 2016 года в округе открылись первые станции метро – «Румянцево» и «Саларьево» Сокольнической линии.

ЛОЛА ЗВОНАРЁВА

СОСТРАДАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ: ФЕНОМЕН АЛЬБЕРТА ЛИХАНОВА

«Невеликая детская душонка полна благодости и чистых порывов, и беда чаще всего в том и заключается, что порыв этот бывает незрим взрослым».

Альберт Лиханов повесть «Крёсна»

Он родился 81 год назад в городе, где все дышало историей. Раздери-хинский овраг напоминал о давнем сражении вятичей с незнакомыми соседями, пришедшими столетия назад глубокой ночью, чтобы вместе противостоять татарскому нашествию. Александр Герцен, Виктор Васнецов, Александр Грин... Память о великих людях, которые ходили по этим же улицам, сопровождала его с детства. Вторым родным домом для второклассника Альберта Лиханова стала детская библиотека.

Пройдут десятилетия прежде, чем он опишет военное детство, первую встречу с книгой, с добрыми волшебницами из детской библиотеки. Память талантливого художника сохранила столько неповторимых деталей, что читатель – и юный, и взрослый – легко переносится в то трудное время, чтобы еще раз убедиться, что Литература, Книга, Библиотека неизменно оказывалась духовным центром для русских мальчишек, спасая их от зла и равнодушия и погружая в мир подлинной культуры и настоящих ценностей.

Мальчик вырос, окончил факультет журналистики Уральского государственного университета, стал писателем, академиком, защитником детей – возглавил им же созданный Всесоюзный детский фонд, получил государственные и правительственные отечественные и зарубежные премии. Написанные им романы и повести о русских подростках, бедах и искушениях трудного взросления юного человека, проникнутые болью и любовью, будут изданы общим тиражом свыше 30 миллионов экземпляров, а 100 из них – на 38 иностранных языках. Но душа постоянно возвращается туда, где все начиналось. В тихий городок на реке Вятке, где библиотека в старинном двухэтажном особняке с гордостью носит его имя.

Известную поговорку следовало бы переиначить: «И один в поле воин, если это – АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ». Где искать истоки лихановских побед? Только ли знаменитый вятский характер, известный во всей России особой настойчивостью, последовательность, умением добиться необходимого, желаемого. Военное детство, естественная приобщенность – через маму, бабушку, отца-фронтовика – к народным страданиям воспитали в маленьком уроженце Кирова воина и борца, стойкого оловянного солдата – из тех, кто умирает, но не сдаётся.

Киров, Свердловск, Новосибирск – судьба словно специально провела Альберта Лиханова по этим городам, чтобы будущий писатель почувствовал гений места, навсегда сохранив в душе любовь к русской глубинке, к Уралу и Сибири. В эпоху, когда столичные читатели с энтузиазмом толпились на московских стадионах, рукоплещая эстрадной поэзии, красиво рифмующей либеральные истины, молодой корреспондент «Комсомольской правды» по Сибирскому региону готовил 50-томник молодой сибирской прозы, напоминая самоупоенной столице о народных бедах и традициях народной культуры, о трудном, полуголодном и неторопливом существовании, которое хорошо знакомо миллионам россиян за тысячу километров от Москвы.

Пятьдесят лет назад этот человек впервые переступил порог детского дома. Тогда он был молодым журналистом, но чужое детское горе так остро отозвалось в сердце, что и сегодня, спустя пять десятилетий, две тысячи детских домов со всей России, десятки тысяч детских сердец с надеждой обращаются к этому неторопливому, сосредоточенному, надежному человеку, зная, что только он один во всем огромном равнодушном и светлом взрослом мире может помочь им. И – вот чудеса-то! – действительно часто вполне реально помогает и даже спасает.

Непросто определить место этого писателя в истории отечественной литературы и его роль в сегодняшней словесности. Слишком уж он не похож на других: не стремится идти чужими проторенными путями, явно избегает юмора – верной дорожки к невзыскательному читательскому вкусу. Писатель осторожно относится к иронии в эпоху, когда так модно стало ерничать и хихикать, все вокруг подвергая последовательному осмеянию.

Когда речь идет о подлинном чувстве, о жизни человека прозаик проявляет себя скорее как лирик и философ, чем как насмешливый юморист. Лиханов солидарен с Александром Блоком, считавшим, что «перед лицом разлагающего смеха, проклятой иронии все оказывается равно и равновозможно: добро и зло, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба – все смешано, как в кабацкой мгле. Преклонить колени перед Недотыкомкой, соблазнить Беатриче – все уравнено, все подлежит осмеянию, нет святых, которые остались бы неприкосновенными. Ничего святого».

Литературу Альберт Лиханов понимает как деятельную помощь детям. Он хорошо помнит: детская жизнь наполнена катаклизмами, остро драматична, а порой и трагична. Любой пустяк, незначительное событие воспринимается как крах, грань между реальностью и мечтами хрупка и прозрачна. При этом дети абсолютно беззащитны перед окружающими их взрослыми.

Объяснить детям – взрослым, а взрослым – детям – такую непростую задачу ставит перед собой писатель: «Я очень хотел бы своей литературой построить некие мосты между взрослыми и детьми. Но все мы – бывшие дети. Про старика обычно говорят – он впал в детство. Я говорю наоборот: как бы не выпасть из детства».

При этом в детской литературе писателю явно тесно: слишком значительные художественные, философские и психологические задачи ставит прозаик перед собой. В свое время именно Альберт Лиханов предложил выделить юношескую литературу в специальный раздел, отделив ее от детской. Ближе других писателю здесь был прозаик Николай Дубов, не

боявшийся в своих повестях остро драматических ситуаций. Всякое деление условно, но та живая связь, которая соединяет ткань лихановской прозы с духовным и художественным миром Л.Н. Толстого, И.С.Тургенева и Ф.М. Достоевского гораздо плотнее, чем общий контекст детско-юношеской прозы советского периода, в рамках которого принято рассматривать книги писателя.

Проза Лиханова, в которой поток сознания героя свободно монтируется с выразительными диалогами (при этом каждый из героев говорит своим неповторимым голосом, своим языком и только ему присущими словечками и интонациями), открывает нам диалектику души юных и взрослых персонажей. Понятие полифонии, проанализированное М.М. Бахтиным на примере прозы Ф.М. Достоевского, вполне применимо к повестям и романам писателя. А пейзажи в романах и повестях Альберта Лиханова, в которых неизменно отражается душевное состояние героя, нередко написанные ритмической прозой, заставляют вспомнить лирическую прозу о природе И.С. Тургенева.

Особая современность отличает книг Лиханова: писатель глубоко чувствует, насколько резко меняется время и сама жизнь наших маленьких современников, сталкивающихся с конфликтами и сложностями, которые были невозможны в недавнем прошлом. Писатель убежден – время изменило сам формат литературы и ее цели. Все больше издается развлекательных и учебно-информативных книг, стремительно исчезает из детской книги нравственное, воспитательное начало. В детской литературе побеждает заигрывание с читателем, «человек играющий» явно вытесняет «человека думающего и чувствующего»: в результате ребенок утрачивает уважение к литературе. Это происходит в изменившихся социальных условиях, когда подросток с раннего возраста все чаще сталкивается с острыми конфликтами и неразрешимыми проблемами. В такой ситуации у литературы возникают новые социальные роли.

В своих книгах писатель проанализировал и воссоздал самые разные, нередко почти закрытые для взрослых области подростковой и детской жизни, сложные семейные и школьные конфликты и неразрешимые с точки зрения отчаявшегося юного человека ситуации. К примеру, если сравнить школьную любовь эпохи Рувима Фраермана и сегодняшнюю, станет очевидно: в школе изменился сам характер любви. Задача писателя, по мнению Альберта Лиханова, – не говорить комплименты юным современным, а объяснить – жалости достоин человек, не понимающий, что именно от его подростковой жизни сегодня зависит, состоится он в будущем, или нет.

Миссия писателя для юношества, с точки зрения Лиханова, – миссия

взыскательного аналитика, исследующего все, что происходит с современным детским, отроческим и взрослым мирами, в поисках достойного выхода. Те, кто сосредоточен на создании развлекательного и упрощенного издательского продукта, вольно или невольно воспитывают клиента с высушенными мозгами и потребителя с заведомо примитивными вкусами. Они сознательно делают ребенка придатком чего-то технического или коммерческого, лишают его жизнь высоких смыслов и сверхзадач, необходимых юному человеку для того, чтобы состояться в будущем на серьезном уровне – в семье, в профессии, в культуре. Философ Эрик Фромм в книге «Душа человека» писал: «Современный капитализм нуждается в людях, которые... стремятся потреблять все больше и больше, в людях, чьи вкусы нивелированы, легко поддаются влияниям и легко изменяются. Он нуждается в людях, которые считают себя свободными и независимыми, не подчиненными какой бы то ни было власти и принципам совести... хорошо прилаженным к социальной машине, которыми можно управлять без принуждения». Счастье этих людей состоит, по мнению философа, в получении удовольствия. А удовольствие состоит в поглощении товаров, зрительных впечатлений, пищи, напитков, сигарет, людей. Это они понимают как свободу.

Тем внимательнее вглядывается серьезный художник в жизнь современного человека «среднего класса», делая его героев своего произведения – таковы братья Борис и Глеб, растущие без отца в начале XXI века в романе Альберта Лиханова «Слетки», семья мальчика-инвалида в повести «Мальчик, которому не больно».

В сегодняшнем российском мире изменилась система ценностей и резко сменились все традиционные представления. Альберт Лиханов почувствовал это одним из первых.

Писатель не раз уже признавался: раньше творчество давало импульс к созданию фонда, решению в реальности детских проблем. В последние годы председатель Российского Детского Фонда получает сотни писем от детдомовских детей. На его столе лежат десятки личных дел, каждое из которых – история большой беды или подлинного несчастья не так давно появившегося на свет маленького человека.

Эти детские судьбы, не услышанный плач малышей и подростков, против которых идет в государстве необъявленная война, заставляют писателя Альберта Лиханова братья за перо и писать романы и повести, читая которые, ты открываешь для себя мир, полный слез и трагедий.

Уже в название новых книг писателя нередко выносятся образ-символ, клеймящий бессердечное сообщество взрослых, предавших своих детей. Роман «Никто» – безмянными и несуществующими для успешных и равнодушных людей стали сотни тысяч детей, запертых сегодня в детских домах и интернатах, чтобы завтра стать заключенными, пациентами психбольниц или бомжами.

Роман «Сломанная кукла» – о бедах детей из новых русских семей, запертых в золотую клетку и подвергающихся в квартирах с евроремонтом такому же жестокому насилию, что и интернатские бедолаги.

Если в советское время человека хотели сделать колесиком и винтиком государственной машины, то в начале XXI века появляется знаковый образ «сломанной куклы», испорченной марионетки. Он становится сквозным для пронизанной трагическим настроением прозы Лиханова. В романе «Слетки» писатель приводит страшную цифру – 40 тысяч самоубийств в год. Лиханов внимательно исследует семейные драмы, чреватые самоубийством одного из героев, показывая, как безответственное, эгоистичное поведение одного из членов семьи способно спровоцировать родного человека на страшный шаг.

Словно бросая вызов любителям гендерных разделений, Альберт Лиханов обратился к жанру двойного портрета: повесть «Мальчик, которому не больно» – о мальчишке-инвалиде, каких в современной России сотни тысяч и о них тоже принято забывать, дополнена повестью «Девочка, которой все равно». Ее героиня – пережившая насилие мальшица, а таких детей в прошлом году в России было более 126 тысяч (эту страшную статистику привел в докладе президент).

Голос писателя, книги которого переведены на 34 языка и изданы общим тиражом около 30 миллионов экземпляров, слышен во всем мире. Даже сегодня, в эпоху всеобщего кризиса чтения, в приложении к выходящей в Нью-Йорке газете «Русская Америка» переизданы повести Альберта Лиханова «Мальчик, которому не больно» и «Девочка, которой все равно», в азербайджанском литературном журнале опубликован перевод рассказа «Свечушка», в Софии на болгарском выпустили повесть «Никто». В Гданьском университете летом 2010 года состоялся круглый стол, посвященный творчеству писателя, с участием ученых и писателей из семи стран. Презентации 15-томного собрания сочинений Альберта Лиханова, вышедшего в 2010 году к 75-летию писателя, прошли не только в Кирове, Калининграде, Белграде, Москве, Архангельске, Березниках Пермской области, но и в Вене, Братиславе, Париже, Таллинне. В канун 190-летнего юбилея со дня рождения Ф.М. Достоевского в столице Эстонии, где когда-то родилась всемирно известная легенда о Великом Инквизиторе, вошедшая в роман «Преступление и наказание», писателю была вручена Международная литературная премия имени Ф.М. Достоевского, присуждаемая один раз в два года.

...Когда-то живший в Вятке А.И. Герцен так сформулировал отечественное писательское кредо: «Мы не врачи, мы – боль». Альберт Лиханов своей деятельностью энергично возразил авторитетному классику: в XX веке и начале XXI можно не только писать историю болезни (как это делают тысячи хороших русских писателей), но и пытаться вылечить ее, опираясь на неравнодушных людей и достойных соратников. Просто для этого необходимо посвятить решению не решаемых государством проблем всю свою жизнь, душу, время... И Альберт Лиханов это сделал.

ПОКОЛЕНИЕ, РАНЕНОЕ ВОЙНОЙ

«Война давно прошла, и эти женщины и тетя Поля все еще ее забыть не могут – поют печальные песни, смотрят на фотографии тех, кто так никогда и не состарится. И никогда они ее не забудут, потому что война – это самое страшное».

Альберт Лиханов мальчишечий роман «Лабиринт»

«Хорошо, когда у человека трудное, важное дело. Стыдно, если тебе легко, а твоему отцу на войне трудно».

Владислав Бахревский. «Поле жизни Альберта Лиханова»

Писатель Альберт Лиханов, переживший войну в детстве и всегда помнящий об отце-фронтовике и маме, работавшей в госпитале, убежден – война с фашистской Германией стала главным событием в жизни его поколения, тех, кому суждено было появиться на свет в тридцатые годы прошлого века: «Констатирую – четыре года моих тревог, моего сострадания оказались самыми главными и самыми впечатляющими в моей личной судьбе, все свои главные книги я посвятил военному детству и его моральной сущности... сострадание не оставило меня и во взрослости». Поэтому многие его герои – родом из военного детства. И писатель доказывает нам, что подростки, врасплох застигнутые войной, нередко выдерживали испытание военным лихолетьем с не меньшим достоинством, чем их взрослые современники.

Истоки несчастий, продолжающих преследовать русских детей сегодня, необходимо искать в прошлом веке, когда в больших и малых войнах погибли миллионы отцов и мужей, когда сиротство, безотцовщина стали главными бедами нескольких поколений мальчишек и девочек. Детство Альберта Лиханова совпало с военным лихолетьем, и потому так напряженно, болезненно всякое прикосновение писателя к памяти детства. Роман «Голгофа» позволяет услышать долгое разрушительное эхо войны в судьбах и душах трех маленьких девочек, осиротевших по вине главного героя, не умеющего простить себе несчастного случая – по его вине сестры остались без матери. И если после появления в 1961 году на страницах журнала «Юность» повести Василия Аксенова «Звездный билет» многие ровесники писателя стали мечтать о собственном звездном пути и звездных личных победах, то, словно споря с в одночасье ставшим популярным молодым прозаиком, Альберт Лиханов в повести «Звезды в сентябре», опубликованной в 1965 году, делает главным героем мальчишку Леку, мечтающего совсем о других звездах.

Любимый герой Аксенова – персонаж из притчи англичанина Оскара Уальда «Звездный мальчик». У Альберта Лиханова тоже есть среди классиков мощный союзник – это француз Антуан де Сент-Экзюпери – автор эпиграфа к повести: «А у тебя будут особенные звезды... У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!» Второклассники Лека с Ньюской не могут равнодушно наблюдать, как похоронки приходят

почти в каждую избу в их родной деревне. Они верят, что, если найти звезду, которая упала в лесную чащу, мечты о счастье сбудутся, война закончится, а отцы и братья вернутся домой живыми. Для маленького человека ночное путешествие в лес без взрослых – героический поступок. И писатель показывает – самоотверженность и отчаянная храбрость Леки и Ньюски достойна самого серьезного отношения. Нравственное испытание войной они выдержали, постоянно думая не только о себе – но об общем благе, о тех, кто рядом с ними уже был ранен военной бедой или с ужасом ожидал страшных известий о судьбах близких, день и ночь думая о событиях на фронте.

Герой повести «Чистые камушки» пятиклассник Михаська дождался отца с войны, но оказалось, что война имеет способность догонять взрослых даже в мирной жизни, заставляя их искать сомнительные пути к бытовому благополучию и достатку. Преданный аскетическим заповедям военного времени маленький герой не склонен уступать взрослым. Он стремится объяснить им недопустимость таких поступков в обществе, над которым суровой тенью еще висят жесткая бескомпромиссность военных лет, где процветание и финансовый успех за чужой счет приравнивались к предательству и воспринимались как измена выстраданному идеалу.

Писатель убеждает нас, что чуткий к нравственным категориям военного времени юный человек последовательнее и честнее взрослых, оценивая любой поступок в контексте происходящего с окружающими его людьми, ограбленными или смертельно ранеными войной – вспомним каждодневную борьбу за выживание старушки Ивановны и ее вечно голодных внуков. Через испытание войной, подобно автору, проходят все герои дилогии Альберта Лиханова – романа в повестях «Русские мальчишки». Первклассник Коля, от имени которого ведется повествование в повести «Крутые горы», «постепенно узнавал, что такое война», несмотря на стремление мамы заслонить сына от бед и страданий военного времени. Особенно больно ему было пережить недолгую встречу с раненым на фронте отцом, второй раз отбираемому у семьи безжалостной войной, разрушающей не только города и тела, но и души, родственные связи, привычные нравственные понятия.

На глазах читателя происходит становление личности, возмужание юного героя, все ответственнее относящегося к происходящему вокруг и все активнее участвующего во взрослой жизни. Любимые герои писателя постоянно стремятся наравне со взрослыми переживать тяготы военного времени, подставляя плечо слабым и страдающим людям, вне зависимости от их возраста. В повести «Деревянные кони» Коля мучительно думает о том, как успокоить и поддержать Васку, у которого убили отца, а мама собирается замуж за инвалида. Трагическое непонимание между мамой и сыном, не желающим примириться с гибелью на войне любимого отца, и нежелание понять мамино стремление быть счастливой с другим – в центре повести «Теплый дождь», герой которой решает стать военным в память о героически погибшем родителе.

В повести «Магазин ненаглядных пособий» чуть повзрослевший Коля ищет возможности защитить одноклассника Витьку Борецкого, подвергающегося жесточайшей травле со стороны сверстников из-за болезни, по сути, как и многие другие персонажи прозы Лиханова, раненого войной.

Во время последней военной зимы происходит действие в повести «Кикимора». Здоровый мужчина, оказывавшийся в те трудные для советской страны дни в тылу, а не на фронте, воспринимался любимыми героями Лиханова, как личный враг.

Неравнодушие к бедам окружающих людей, чуткость и неизменная отзывчивость приводят к тому, что маленький герой повести «Последние холода» пытается спасти двух осиротевших школьников – Вадика и его младшую сестру Марью, лишившихся сразу и мамы, и продовольственных карточек. Испытание войной помогло впечатлительному мальчику выработать собственную заповедь – необходимость делиться всем, чем только можно – едой, одеждой, теплом, домом, с теми, кому приходится хуже тебя.

Война вытесняет юного героя из уютного дома, где уже нет отца, ушедшего на фронт, и он обретает еще одно, духовное пристанище – детскую библиотеку. В повести «Детская библиотека» Коля понимает, что увлеченная служением культуре, детству, чудесная старенькая библиотекаря, бывшая ленинградская балерина, за служение чужим детям и библиотечному призванию во время войны заплатила страшную цену – жизнь внука, которого не уберегла, не смогла уберечь от голода и болезней. Но судьба ее продолжается в благодарных воспоминаниях бывшего юного члена библиотечного актива, влюбленного, благодаря ее влиянию, в книгу навсегда.

Писатель показывает – война обладает страшным свойством догонять людей, отнимая у них близких. Так произошло с героем романа для детей младшего возраста «Мой генерал», которому дед генерал доверил «военную тайну». Спустя годы юный герой узнает, что его любимый отец Сергей – не родной, а приемный сын генерала, трехлетним малышом случайно найденный молодым военным на одной из фронтовых дорог в разгар боя с фашистами. Но самый страшный символ изуродованного войной детства появляется в романе писателя «Невинные тайны». Одного из героев – Павла Ивановича, по кличке «Пима», бывшего воина-афганца, а ныне вожатого в летнем детском лагере, – преследует спустя годы воспоминание о двенадцатилетнем мальчишке «с выпученными от страха... черными глазами», напоминавшими два ствола, в цветастом, когда-то выходном халате. В руках он держал советский автомат, из которого стрелял в российских солдат. Но сделать испуганного подростка-убийцу ответный выстрел, несмотря на гибель друзей, взрослый герой так и не смог....

События

ГЛАВНОЕ – ИДТИ СВОЕЙ ДОРОГОЙ

40 лет работы в сфере культуры отметила недавно Татьяна Бардина – известный в городе Ивантеевка и московской области человек, руководитель фото объединения «Объектив и природа» и тренер студии молодости и здоровья «Грация» ЦК ИИ имени Л.Н. Кекушева («Первомайский»).

9 ноября 1977 года, после пяти лет работы по специальности – педагогом дошкольного образования, Татьяна Алексеевна стала заведующей библиотекой клуба Ивантеевского опытного завода (ИОЗ) НИИ тракторсельхозмаш. Человек активный, творческий, обладающий, по её собственным словам, сильной энергетикой, Татьяна Алексеевна во время своей библиотечной работы стала участвовать и в жизни клуба. Наша героиня с удовольствием организовывала там для заводчан и их детей торжественные мероприятия к праздникам. И в 1988 году, по наставлению директора завода А.И. Стебунова, после 11-летнего труда в библиотеке, возглавила клуб ИОЗ.

На этой должности она добилась несомненных успехов, пережив невзгоды горбачёвской перестройки и лихих 1990-х. Под руководством Татьяны Алексеевны клуб в 1999 году стал городским, перейдя в ведение комитета по культуре, в 2003 году получил название «Луч», а в 2005-м обрёл право юридического лица. Однако из-за пресловутого финансового кризиса, когда город не смог оплачивать аренду здания клуба, ему пришлось покинуть родные стены. Многочисленные кружки «Луча» распределили по разным городским адресам, начались поиски нового помещения, которые, увы, не увенчались успехом. И в 2012-м клуб был ликвидирован.

Однако и тогда Татьяна Алексеевна не ушла из культурной сферы. Она продолжила вести работу, начатую ещё в клубе (секция ушу, студия «Грация», музыкально-поэтическая гостиная), а также, организовала и провела городские фестивали «Возраст не помеха», «Сильные духом» и «Дорога к Храму» в которых приняли участие творческие коллективы со всей Московской области.

В день сорокалетнего юбилея мы побеседовали с Татьяной Алексеевной, задав ей несколько вопросов. Уже не один год горожане знают её не только как умелого организатора, директора клуба, руководителя спортивно-оздоровительных и творческих объединений, но и как многогранную творческую личность – которая пишет стихи, прозу, сочиняет и исполняет песни, издаёт книги...

– А думали ли Вы «на заре туманной юности», что Ваша работа, да и жизнь будут связаны с культурой?

– Нет, конечно. Я занималась гимнастикой, танцами, пением, окончила музыкальную школу, и у меня были задатки педагога и лидера. Организовывала детей во дворе, проводила с ними какие-то уроки как учительница. Занималась спортом, музыкой, с шести лет начала фотографировать. В школе тоже была активисткой — в октябрьской звёздочке, в пионерской и комсомольской организации, была комсоргом класса. Но направление на дальнейшую деятельность мне задали мои родители мелиораторы. В институт я поступила, но поняла, что это не моё и ушла в педагогику.

Татьяна Бардина

– Какой период из 40 лет Вашей работы в сфере культуры, на Ваш взгляд, был самым интересным?

– Самым ярким, конечно, было время, когда я стала директором заводского клуба. В библиотеке ИОЗа я всё-таки работала вынужденно (по состоянию здоровья пришлось оставить занятия с дошколятами в Москве), хотя я на полную катушку. Перейти на директорскую должность меня уговорило руководство завода, парткома и профкома: за 11 лет моей работы в библиотеке в клубе сменилось 11 директоров. А как только перешла туда, меня сразу ввёл в свою секцию тренер по ушу Владимир Евтеев. И мне это понравилось, начала обучаться на судейских курсах по ушу в институте физкультуры, на курсах Федерации ушу Московской области вошла в состав её правления. Параллельно с тренировками у В.Евтеева, набрала свою группу для женщин, а после обучения стала официально тренером «Грации». Выезжала со спортсменами клуба и как судья на соревнования по всему Советскому Союзу!.. Это было очень интересное время. Перестройка, начавшиеся перемены, новые формы работы. А трудиться приходилось так, что просто некогда было опомниться, несмотря на то, что у меня тогда было двое маленьких детей. Как меня на всё хватало, до сих пор не могу понять! Конечно спасибо мужу и родителям за поддержку!

И второй, пожалуй, самый яркий этап – когда город взял клуб на свой баланс. Началось наше становление как учреждения городской бюджетной сферы. После тягот прошлых лет в клубе вновь появились тепло, свет, новые ставки для сотрудников, стала увеличиваться зарплата. В 2009 году был пик развития клуба. У нас работало 46 кружков, было очень много молодёжи. Именно в «Луче» впервые в городе появились кружки восточного тан-

ца, художественной гимнастики, современные танцы, секции карате, ушу и настольного тенниса. Много было впервые именно у нас. В 2009-м отпраздновали 50 лет клуба, выпустили книгу «Поэзия «Татьянин день», где было рассказано об истории и современном развитии клуба, а так же поэзия и проза наших поэтов и художников. Но, к сожалению, всего через несколько лет «Луча» не стало.

– И всё же, несмотря на это, Ваша деятельность в области культуры продолжается. Чем Вы занимаетесь сегодня?

– Да, я осталась в культурной сфере, и это главное. С 1 января 2012 года я работаю в КДЦ «Первомайском». Веду занятия в студии молодости и здоровья «Грация» и объединении «Объектив и природа». В первой сейчас занимается 36 человек, во втором – 28. Перед тем, как создать объединение «Объектив и природа», я окончила в Москве четырёхмесячные курсы фотографии и получила Диплом. А сегодня, благодаря Интернету, уже веду работу с фотографами по всему миру, да и сама объездила 22 страны. Фотографам попасть на нашу выставку сложно, много желающих. Вчера (наша беседа проходила 9 ноября. – М.Р.) я побывала на Международном конкурсе «Белые журавли Росси» в столичном Центральном Доме литераторов. Там, в рамках этого конкурса, проходила выставка нашего объединения под названием «Реки России». А 13 ноября откроется выставка 10 фотографов объединения «Красота родной земли, в Израиле – в городе Хайфа (престижный для фотографов зал).

– А что у Вас в планах на ближайшее будущее?

– 22 ноября откроем фотовыставку «Ах, ты Зимушка – Зима!», много экскурсий, а 27 января «Грозное небо» – авторы я и американец. И в рамках её

открытия в зрительном зале, состоится большой концерт романса «Зимний вечер в Татьянин день».

– А что бы Вы пожелали себе, да и другим тоже?

– Желаю, процветания моим коллективам – «Грации» (в начале марта исполняется 30 лет!) и объединению «Объектив и природа». И конечно, процветания культуре города в целом, считаю, что творчество и вдохновение в разных направлениях, должны присутствовать в жизни каждого человека. От этого жизнь становится наполненной и красивой.

– Хотите ещё что-то добавить?

– Кстати, возвращаясь к началу нашего разговора, нынешние изменения в культуре городе мне тоже интересно. Перемены – это мой характер, я люблю перемены. И нынешние перемены это – не война, не горбачёвская перестройка, а это шаг вперёд.

Хочу сказать и ещё об одном. Почему за все эти 40 лет моей работы в сфере культуры я остаюсь, так сказать, на плаву? Хотя за это время выпадало немало трудностей на долю и страны, и города, и меня лично (а я попадала в аварию, уже в 2004 году получила инвалидность II группы, перенесла несколько операций). Дело в том, что у меня есть своя линия жизни, и я по ней иду, несмотря ни на что. Оставляя в стороне все свои неурядицы со здоровьем, я всегда шла вперёд, порою сжав кулаки и стиснув зубы. Жила по завету бабушки Елизаветы Петровны Прудниковой (Зайцевой), оренбургской казачки, в деревню к которой приезжала в детстве. Бабушка говорила: «Никогда никому не завидуй, всё делай своими руками и иди своей дорогой». Вот это и есть главное в жизни – никому не завидовать и идти своей дорогой!

ПО ИТОГАМ РЕГИОНАЛЬНОГО ДЕТСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА

В Московском государственном областном университете царила теплая творческая атмосфера: в актовом зале проходил очный этап Регионального детского поэтического конкурса, уже ставшего традиционным для юных подмосковных поэтов. Мероприятие было подготовлено и проведено Ресурсным центром русского языка МГОУ. Из 77 работ, поступивших на заочный этап конкурса, члены жюри, в состав которого вошла известная Московская поэтесса Ольга Журавлёва, выбрали 32 для участия в очном туре.

Праздник поэзии открыли молодые поэты – члены жюри: Простакова Анна Денисовна, Ширмина Анна Олеговна – поэты, участники семинара Ю. М. Полякова, участник литературного объединения «Дыши Поэзией», победитель чемпионата поэзии «Рифмос», победитель конкурса «Лето, в которое мы не вернемся». Они выступили с красочной презентацией и стихотворениями собственного сочинения и настроили участников на волну поэтического состязания. Учащиеся поэты из Балашихи, Долгопрудного, Королёва, Лобни, Озёры, Орехово-Зуево, Подольска, Серпухова, Шатуры, Электростали, а также Воскресенского, Клинского, Ленинского, Ногинского, Рузского, Серпуховского, Солнечногорского, Ступинского и Талдомского районов, представили членам жюри стихотворения разной тематики: звучали строки о любимой родине, страшной войне, безответной любви, умиротворяющей природе, чарующей музыке, философские рассуждения о смысле жизни и т.д.

Помимо глубокого содержания стихотворений, что, несомненно, являлось главным критерием конкурса, участники удивили членов жюри своей артистичностью, костюмами, подготовленным визуальным и музыкальным сопровождением. Мероприятие подарило всем членам жюри, участникам и гостям массу положительных эмоций, строки звучащих стихотворений позволили по-другому взглянуть на многие, казалось бы, привычные вещи, поразмышлять о смысле произведений юных поэтов, взглянуть на мир глазами участников конкурса.

В итоге победителями Регионального детского поэтического конкурса стали:

В младшей возрастной группе – I место – Эги Варвара (Долгопрудный), стихотворение «Мечта» (Ссылка на видео выступления); II место – Нижегородова Марина (Ленинский район), стихотворение «Осенняя прогулка»; III место разделили Орлова Кира (Серпухов), стихотворение «Клякса» и Пересветова Анастасия (Талдомский район), стихотворение «Вот и покатались».

В средней возрастной группе – I место разделили Градинарь Елизавета (Подольск), стихотворение «Дождь» (Ссылка на видео выступления) и Столярова Дарья (Долгопрудный), стихотворение «Осенний друг»; II место – Коренкова Дарья (Балашиха), стихотворение «Конь вороной».

В старшей возрастной группе – I место – Титова Анастасия (Королёв), стихотворение «Лето в стиле Чайковского» (Ссылка на видео выступления); II место – Козлова Ксения (Орехово-Зуево), стихотворение «Обычный дом»; III место – Шилова Полина (Ленинский район), стихотворение «Путник, что шагаешь одиноко...».

Сборник поэтических работ всех победителей и призеров конкурса в скором времени будет опубликован на странице Ресурсного центра русского языка МГОУ в разделе «Публикации».

МЕЧТА

В моих фантазиях витает
Мечта, как птица в небесах.
Она мне сердце окрыляет,
Могу я всё в моих мечтах.

Могу взлететь, как шар воздушный,
Могу нырять на глубину,
Могу искать на дне ракушки
И в космос улететь могу.

И вот лечу к мечте заветной,
Я знаю, что ее найду.
Пусть даже к самой сокровенной –
Я непременно к ней приду.

А если сбудется все это,
Появится еще одна.
Ведь грустно очень жить на свете
Тому, в ком не живет мечта.

Прогулки по Москве

ОЛЕГ ФЁДОРОВ – русский художник, живописец. Окончил Чебоксарскую художественную школу № 1, Московское высшее художественно-промышленное училище имени Строганова. Член Московского союза художников и Профессионально-творческого союза художников и графиков Международной федерации художников ЮНЕСКО. Директор фестиваля «Артия». Живёт и работает в Москве

ИСКУССТВО – ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ ВЫТАСКИВАНИЕ ИЗ БОЛОТА БУДЕН

В Москве, в рамках Клуба метафизического реализма состоялся очередной, весьма необычный вечер, который был посвящён десятилетию дружбы между Союзом друзей выставочного зала «Ходынка» и Клубом метафизического реализма ЦДЛ. В зале присутствовал президент «Союза друзей» Олег Петрович Фёдоров, художник, в недавнем прошлом занимавший должность директора выставочного зала «Ходынка».

С его приходом, зал «Ходынка», из банального публичного пространства, превратился в культурно-массовое выставочное, одновременно сделавшись и театрально-концертным центром. Тогда же образовался международный арт-терапевтический клуб и возник плейбэк-театр «Точка схода». Это особая форма спонтанной импровизации, в рамках которой зрители рассказывают свои истории, а актёры превращают их в художественное произведение на сцене.

Как поведал о своём опыте управления выставочным залом и о том, как это повлияло на его судьбу сам Олег Фёдоров: «Я уже несколько лет не являюсь директором «Ходынки». При мне данное заведение называлось – государственное бюджетное учреждение культуры «Выставочный зал Ходынка». Относилось к департаменту культуры города Москвы на территории Северо-Западного округа. В округе проживало порядка семисот тысяч человек, и мы отвечали сразу за четыре района: Щукино, Хорошево-Мневники, Строгино и Покровское-Стрешнево.

Поначалу «Ходынка» была выставочным, театрально-концертным центром. Вскоре в её стенах возник международный арт-терапевтический клуб.

Арт-терапия – уже не новое течение и развивается в России в последние двадцать лет весьма активно. Арт-терапия как плацдарм искусства зародилось незадолго до Второй Мировой войны. Её общая суть такова: человек в любой форме взаимодействует с искусством и начинает психофизически чувствовать себя лучше.

Сначала посетители «Ходынки» просто приходили на выставки и концерты, а потом инициативная группа постоянных гостей арт-пространства изъявила желание учиться живописи. Тогда я предложил им начать изучать и другие искусства тоже.

Ведь Большая картина строится по канонам театрального представления, романа, симфонии или полнометражного фильма. Так мы и начали. На простых сравнениях форм в разных видах искусства проясняли все универсальные законы. Узнавали как взаимодействуют между собой сами искусства. А от синтеза – всего пара шагов до арт-профилактики и арт-терапии.

Лично мне «Ходынка» дала стимул для занятий арт-терапией на более серьёзном уровне. В настоящее время я являюсь директором Российского фестиваля терапии искусствами, «Артия». Вспоминая недавнее прошлое, понимаю, «Ходынка» была одним из немногих успешных центров арт-терапии в Москве.

Принцип действия арт-терапии прост: взаимодействие с искусствами улучшает эмоциональный фон повседневной жизни человека. Благодаря этому люди чувствуют себя психически и физически намного лучше. Например, меньше чем другие ощущают боль, а у любого человека в столь стремительно меняющееся времена проблем с эмоциональным фоном предостаточно. Легче преодолевается кризис среднего возраста. А в этом случае речь идёт о пополненной самореализации новыми смыслами своего существования.

Кроме арт-терапии мы развили два направления арт-профилактики. Первое – импрессионное, когда человек выступает в роли потребителя: слушает ли музыку или читает книги, смотрит ли картины, и уже это оказывает на него положительное воздействие. Второе – экспрессивная, когда ты сам выступаешь в роли творца: пишешь стихи, рисуешь, сочиняешь музыку. И не важно, каков уровень начальной подготовки. Когда человек активно занимается искусством под управлением профессионалов в области литературы, музыки, изобразительного искусства и театра, всё это на него влияет гораздо активнее.

Арт-терапия отличается от арт-профилактики тем, что в процессе деятельности участвует ещё арт-терапевт. Он может продиагностировать человека с помощью искусства. Это самая красивая и элегантная форма психотерапии. Сразу же и происходит корректировка психологических и эмоциональных состояний, вовлечённых в такую «игру» людей. Сейчас появилось множество сертифицированных арт-терапевтов, как правило, это психологи, прошедшие дополнительную подготовку.

Когда-то все они дружно собирались и на «Ходынке», делясь друг с другом опытом и методиками. Я часто привлекал их для работы в существовавшем в мою бытность университете третьего возраста для пенсионеров Северо-Западного округа Москвы. А задолго до этого действовала программа «Синтез против кризиса», предназначавшаяся, в основном, для молодых менеджеров, бухгалтеров, экономистов, в общем, для всех тех, кому подзатянувшийся кризис и бескрайние океаны однотипных документов, переполненных цифрами, грозили тотальным эмоциональным выгоранием. Арт-терапия и арт-профилактика стала для них спасением.

С Клубом метафизического реализма мы начали взаимодействовать ещё с 2007 года. Нашими объединёнными усилиями было проведено множество

литературных вечеров, поэтических фестивалей, презентаций книг стихов и прозы. Все связи, возникшие за годы совместной деятельности, никуда не исчезли».

В отличие от других заседаний Клуба метафизического реализма, очередной прошёл без долгих и заушных литературных изъявлений. Актёры плейбэк-театра (директор театра – Олег Фёдоров, художественный руководитель – Нина Мезенцева) давали обратную эмоциональную связь зрителям в течении всего вечера, удивляя образностью своей игры. Замечательный писатель и поэт Андрей Щербак-Жуков взбудрил зал своими стихами. Прозвучал редкий дуэт: рояль и саксофон. Публику очаровали своим искусством лауреаты международных музыкальных конкурсов Роман Чистяков и Никита Соколов. Экспрессивное выступление поэта и куратора поэтических турниров Александра Чистякова органично подчеркнуло праздничную атмосферу клуба. Порадовала гостей вечера своими философскими стихами Юлия Мамочева, недавняя выпускница МГИМО, лауреат престижных литературных премий. Максимилиан Потёмкин выступил в излюбленных своих амплуа: поэта и актера театра «Верба» (театр под руководством Дианы Кузнецовой показал отрывок из своего спектакля «Примадонны»). Прозвучали стихи Иосифа Бродского в блистательном исполнении актрисы Серафимы Ивановой. Поэт Леонид Дудко восхитил присутствующих проникновенным словом посвященным славным временам «Ходынки». Поэт Сергей Злыднев порадовал зал лирическими строфами. Выступил Дмитрий Грязнов, – человек-оркестр: композитор и певец...

Плейбэк-театр «Точка схода», показавший нам наши эмоции и чувства в образной метафорической форме, был интересен своей новизной – сочетанием психотерапии и театра. Сейчас вообще наступает то время, когда искусство и наука переплетаются и рожают новые, самые неожиданные формы выражения многогранного человеческого опыта. Можно сказать, что все мы находимся на пороге нового синтеза. За долгие годы существования цивилизации на Земле произошло накопление информации, сейчас её столько, что разум обычного человека никаким образом не сможет вместить её всю. Но вот пришло время качественных изменений и в данном процессе.

Сейчас к настоящему креативу, когда создаётся что-то действительно уникальное или необычное, относятся как к чему-то вторичному. Сами знаете, как ценится писательский труд... Теперь любой мало-мальски соображающий переводчик, пользующийся сервисом от Google, требует к себе гораздо большего внимания. А человеку с творческим контентом проще выбросить свои находки в мусорную корзину, не найдя им применения в условиях кризиса.

Но и это отведённое время заканчивается. Лет через десять мы придём к тому, что у нас будет цениться только креативный контент. А его создатели, которым надоест отдавать свой продукт задарма, потребуют соответствующую качеству цену. Ведь то, что существует вне зоны штампованного про-

изводства – а-ля бесконечные мыльные сериалы, должно, и будет цениться совершенно по-другому. Нельзя бесконца отдавать свой интеллектуальный продукт просто так!

В Клубе метафизического реализма, собрались люди исключительно творческие, безусловно, создающие непреходящие ценности. И просто хочется всем им напомнить, что настанет время, и такие, как они будут цениться гораздо выше, чем весь этот нескончаемый конвейер «ширпотреб».

Председатель клуба, писатель Сергей Сибирцев так высказался по поводу вечера: «Хотелось сделать вечер для друзей «Ходынки» и для друзей метафизического клуба. Получилось весело, умно, задорно. Мне очень понравился оригинальный московский плейбек-театр. Актёры интерпретировали послания зала не только в философской, но и в доброй, юмористической форме и при этом были эмоционально точны.

Помню, как часто бывая на «Ходынке», лично наблюдал за сеансами арт-терапии. Приходили взрослые люди после своих дневных отсидок на фирмах, – уставшие, истрёпанные рутинной, нервной службой, и потом часами стояли у мольбертов, пели и играли, под неусыпным и доброжелательным взором Мастера – художника, музыканта, актёра Олега Фёдорова. И уходили поздно вечером домой – исполненные доброй силой и желанием делиться творческой энергией с семьей и друзьями.

Искусство – это феноменальное вытаскивание из болота буден!

Метафизика нашего времени в том, что поэзия, литература в одном месте, сфокусированные некоей неосязаемой линзой, и породили синтез искусств. А синтез искусств, всегда был, и будет неотъемлемой составной частью клуба писателей-метафизиков».

Лига мастеров

ЮРИЙ РЯБИНИН родился в Москве. Окончил филологический факультет МГУ (1990) и богословский факультет Свято-Тихоновского университета (2011). Лауреат нескольких литературных премий. Автор ряда книг прозы и публицистики. Многочисленные работы различных жанров опубликованы в десятках российских и зарубежных изданий. В 2014 году в составе российской делегации представлял на Международной Франкфуртской книжной ярмарке свой роман «Твердь небесная»

МИР СОШЕЛ С УМА ЧЕМУ НАС УЧИТ И.А. БУНИН

Без малого сто лет назад Иван Алексеевич Бунин, только-только пережив «окаянные дни», произнес одну из своих крылатых фраз – мир сошел с ума!

Вообще, мир сходит с ума периодически и неизменно. Но это отнюдь не естественное его состояние. И не постоянное, как иногда кажется. Свидетельство тому – периоды относительного благоразумия. Но в последние годы и непосредственно в наши дни, очевидно, бунинское выражение соответствует происходящему, – опять у мира припадок.

Речь, разумеется, не идет о каких-то бунинских пророчествах. Писатель вообще не пророк, каковым он нередко представляется публике. Писатель лишь свидетельствует о своем времени, но отнюдь не пророчествует. А если какие-то озарения художника и совпадают с будущим, то это такая же счастливая случайность, как поставить на «зеро» и выиграть.

Однако у многих классиков можно найти очевидные параллели с позднейшими временами и, между прочим, с нынешней нашей эпохой, которые порой воспринимаются как некое предвидение, прозрение будущего. Но такие предвидения способны сделать почти каждый «инженер человеческих душ», – художник непременно засвидетельствует в своем творчестве, что ни сам человек, ни мир в целом, в сущности, не меняются: что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться.

В Одессе, куда Бунин в восемнадцатом сбежал из Москвы от своих захвативших власть Денисок и Серых, он попал в когти подобных же *сахалинских лиц* – своих же Юшек и Игнатов. Как говорится, – из огня да в полымя. Там ему сполна пришлось испытать на себе *гнев низов*.

В очередной раз к Бунину вломилась *толпа товарищей*, теперь... с требованием – *выдать лишние матрацы!* Лишних у него не оказалось. И товарищи *посмотрели и ушли*. Но вот что Бунин замечает в связи с этим: «Во дворе, когда отбирали матрацы, кухарки кричали (про нас): «Ничего, ничего, хорошо, пускай поспят на дранках, на досках!» Это уже природа.

Врожденное и неискоренимое. Изменились ли «кухарки» за сто минувших с той поры лет? Стала ли среднестатистическая русская «кухарка» сердечнее, великодушнее, хотя бы сдержаннее в проявлении упомянутого *гнева низов* на все вокруг себя? Проверим это сию секунду. Прямо не отходя от нашего компьютера.

Вот автор заметки «сворачивает» текстовый файл и открывает одну из новостных лент интернета. Вот, пожалуйста! – тема: состоятельные родители отправляют своих чад учиться за границу. И ниже следуют «комментарии» посетителей сайта (правописание, естественно, подправлено): «Я представляю, у каких родителей есть средства для учебы детей за границей»; «Пусть всей семьей убираются за границу! А то потом всякая шваль, после учебы, европейские ценности тащит в Россию! А оно нам надо?»; «Запрет на занятие любых должностей, если учился за рубежом. Ибо потенциальный шпион»; «Пусть здесь учатся, как все! Нех... по гейропам шастать!»; «Их состояние я бы проверил, раз норовят за границу выскочить»; «Это деги-шпионы! Таких вообще расстреляем. Пусть не возвращаются! По ромам видно, что деньги у них ворованные!»; «Пусть принимают гражданство и сваливают нах... Я только за то, чтоб обратно не принимать, как рабиновичей (?). То туда, то сюда!»; «Пи...уйте в Израиль!»

Не правда ли, эти реплики столетним эхом отзываются на кухаркины крики: ничего! пускай поспят на досках! Или на шипение другой бунинской *толстой розово-рыжей бабы, злой и нахальной*, в этот раз московской: «А буржуи будут ходить по театрам! Им запретить надо ходить по театрам. Мы вот не ходим!» Та же самая плебейская мораль, та же озлобленность никчемной черни на всех, кто хочет и может не делить с ней ее никчемность.

Выше мы обмолвились о правописании. Вот уж, пожалуй, ни в чем другом так не заметны параллели переломных эпох, как в речи, равно устной и письменной. Послушаем Бунина, – что он об этом говорил в свое время.

«Какое обилие новых и все высокопарных слов! – пишет Иван Алексеевич в восемнадцатом году. – Во всем игра, балаган, «высокой» стиль, напыщенная ложь...»

Язык – это стихия, которая чрезвычайно чутко реагирует на какие-либо социальные и политические перемены. Но мало того! – устроители этих перемен обычно сами целенаправленно изменяют, реформируют, «совершенствуют» на свой лад речь, чтобы подчеркнуть, таким образом, насколько они порывают с прошлым, насколько отвергают его, дистанцируются от него. Значительные перемены в языке произошли, например, в эпоху петровых преобразований. Еще более язык изменился, – а лучше сказать, исказился, – в период потрясений начала двадцатого века, о чем свидетельствует Бунин.

Но и в наше время – особенно в недавние девяностые – русский язык терпел, прямо сказать, революционные перемены. Множество слов и выражений не то что бы вышли из употребления, но превратились в «неудобнопроносимые», поскольку несут на себе отпечаток идеологии прежней эпохи. Использование таких языковых единиц в повседневной жизни, показывает, насколько же человек увяз в прошлом, насколько он не в силах адаптироваться в новой реальности, насколько он «отсталый» и «неперспективный» в конечном итоге! Это такие, например, слова и выражения – *товарищ, энтузиазм, коллектив, аппарат, органы, передовик, империализм, разрядка, прогрессивная общественность, активная жизненная позиция, взаимовыгодное сотрудничество*. Разумеется, подобное нередко можно услышать и теперь. Но если носитель не вкладывает в контекст иронии, то звучат они

довольно-таки нелепо и режут слух. Автору как-то пришлось слышать величальную речь одного нашего старца-митрополита в адрес другого такого же великовозрастного архиерея. Причем в своей речи митрополит отметил неиссякаемый энтузиазм коллеги. Многие присутствующие при этом среднего поколения слушатели, едва скрывая улыбку, переглянулись.

И вот взамен этого «тоталитарного» стиля в девяностые годы в русскую речь просто-таки врывается новояз стиля «антитоталитарного» – «демократического», «под Европу», «под Запад». Все эти наши «продвинутые» и «крутые» кто во что горазд заговорили на «английско-нижегородском». В футболе есть такой закон: приглашать в клубы иностранных игроков лишь в пределах какой-то квоты. Поток же иностранщины, нахраписто вторгнувшейся в русскую речь, превзошел уже все допустимые квоты! Эти «заимствования» стали буквально базовыми для языка, – начиная с официального президента и неофициального премьер-министра и заканчивая бесчисленными саммитами, толерантностями, кастингами, гламурами, пиарами, шопингами, мейнстримами, респектами, хитами, блогерами-лузерами, дилерами-киллерами, френдами-бойфрендами, – все эти иностранные занозы для многих сделали основой построения повествования. Потому что у носителей этих «хитов» цель – показать, продемонстрировать, что они либо порвали решительно с постыдным прошлым, либо вообще не из него родом даже, – они-де люди новой формации, нового уровня существования! Ну правильно сказал Бунин: во всем игра, балаган, «высокий» стиль, напыщенная ложь. Все то же самое.

Ну а если говорить о собственно правописании, о культуре письменного общения, то об этом лучше всего можно судить по всяким интернет-сайтам и социальным сетям, ставшим едва ли не главным коммуникативным средством для большей части населения страны. Так вот там правописания вообще нет как такового. Иные реплики, набранные вроде бы родимой кириллицей, там просто невозможно понять!

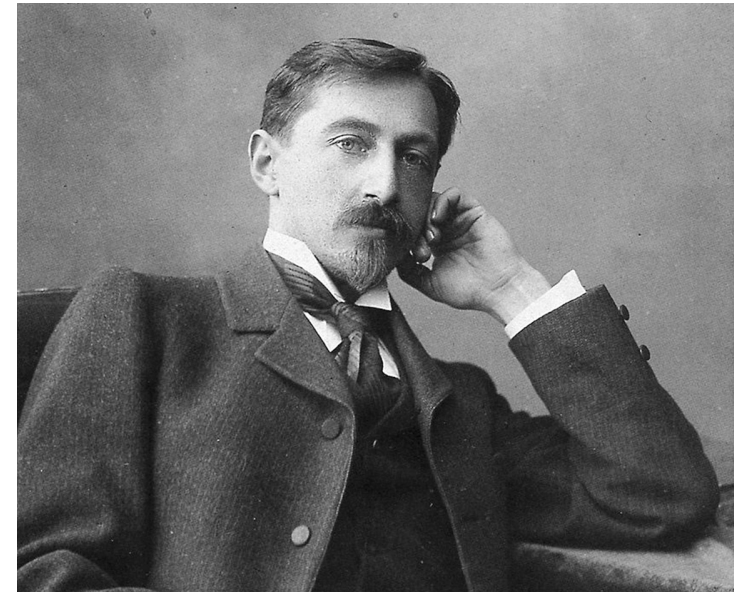
Такое впечатление, что намеренное искажение языка на этих самых «форумах» стало для их участников формой самолюбования, средством пустить пыль в глаза собеседнику. Они будто соревнуются между собой, кто из них в большей мере изуродует речь.

Увы, эти, с позволения сказать, носители языка не осознают, что так ломать родную речь, крушить ее столь безжалостно и радикально, как это происходит в наше время – самоубийство всего этноса! Говорят: кто не хочет содержать свою армию, – будет содержать чужую. Ровно так же можно сказать: кто не хочет беречь родной язык, – будет пользоваться чужим.

В своем восемнадцатом Бунин писал, будто бы адресуясь к нашему восемнадцатому: «Часто теперь, читая какую-нибудь книгу, останавливаюсь и дико смотрю перед собой, – так оглушила, залила, все затмила низость человеческого слова и так дико вспоминать, на минуту выплывая из этого моря, что существовало и, может быть, где-нибудь еще существует *прежнее* человеческое слово!»

Можно, наверное, возразить, что публика, изгаляющаяся над языком в интернете – это отнюдь не законодатели речевой культуры, – да мало ли, что

И.А. Бунин

они там выстукивают дрожащим от «пузыря» бормотухи указательным! Бочка дегтя не испортит ложки меда, если эти стихи разделены этажами социального расслоения. В России же испокон существовали два социума – этакие элои и морлоки, – каждый со своим особым языком. И именно первые – прежде всего, писатели, поэты, журналисты – являются верными стражами чистоты речи. Но далеко не все, как выясняется. Есть и среди современных писателей такие же носители эталонного русского языка, каким был Бунин, а среди журналистов – новые Дорошевичи и Гиляровские. Но словесный вал, который исходит от пишущей дивизии «милордов глулых», чаще всего заглушает, забивает, подавляет массой плевел те немногие зерна, что еще пытаются насадить среди соотечественников ревнители языка Пушкина-Толстого-Бунина.

В разгар русского лихолетья Бунин обращает внимание на то, что в России, вытеснив практически настоящую изящную словесность, воцарилась «заборная литература». Он вылавливает из советских газет шедевры этой самой «литературы». Вот некоторые:

Уж все цветы в саду поспели...
Тот лен, из какого веревку сплели...
Иду и колосья пшена разбираю...
Вы об этой женщине не тужьте...
Царевну не надо в покои пустить...

Бунин называет это – «разрушением слова, его сокровенного смысла, звука и веса». Но не меньшее разрушение происходит и в наше время. Мы тоже выловили немало подобных шедевров. И не откуда-нибудь, а из современ-

ных толстых журналов, о которых часто говорят, как о последних блюстителях старых русских литературных традиций, а также и с некоторых специализированных поэтических сайтов. Извольте, соотечественники:

Дрочи, завистливая детвора,
А я пошел смотреть на пеликанов.

Просила смирно себе прощенья...

(«Вы об этой женщине не тужьте!» – узнаете?!)

Совала доллары в два кармана...

(А было – три. Но третий шел под евро.)

Как увижу вдохновенье,
Без стихов не сплю ни дня!

(Действительно, как можно днем спать без стихов! Ночью-то не уснешь без них!..)

А такого, по выражению Бунина, «сам дьявол не сочинил бы»:

Вот он умер и лежит, как высер,
А ведь это бывший человек.

Так-то!..

Просим поверить, примеров «заборной литературы» автор, не особенно утруждаясь, нашел значительно больше, нежели возможно использовать в невеликой заметке. К счастью, у нас теперь мало читают. Поэтому подобные «высеры» по большей части остаются на память редакциям, опубликовавших их издания. Реализовались мечтания Толстого: лучше вообще не читать, чем читать плохие книги и дурные газеты. Однако в наше время учителем словесности вместо литературы для широких масс сделались так называемые «электронные СМИ» – телевиденье и радио. Казалось бы, вот уж кто должен порадовать, как говорится, о языке, о культуре, о человеке. Поусердствовать. Ничуть не бывало! И они туда же!

Как-то телевиденье показало церемонию вручения одной из своих корпоративных премий. Вот на зов ведущего из зала на сцену выскакивает лауреатка в джинсах. О том, что ее ждет такой триумф, телезвезда, как говорится, ни ухом ни рылом. То есть не допускает такого даже в самых смелых мечтаниях.

Что убедительно было тотчас засвидетельствовано ее же речевым стилем. Оказавшись у микрофона, она объявляет запросто: «Знала бы, – платье одела», – неплохо для телеведущей сказано, правда? Но далее, рассказывая, между прочим, о своей профессиональной ответственности перед аудиторией, она еще добавляет перцу: «Я не могу лажануться». Морлоки на интернет-форумах, как у них принято говорить... отдыхают.

Ну и еще вот кое-какая запомнившаяся нам мелочь из теле-радиоэфира: «Вы зреете в корень», «Полный анилаг», «Пернатые вороны», «Надо от-

стегивать! – и отстегивать приличные суммы», «Появилась организация, которая мочит бандитов», «Футболист упал и мучился в титанических муках».

Бунин предъявляет литературе необыкновенно высокие требования. Он так рассуждает: «А.К. Толстой когда-то писал: когда я вспомню о красоте нашей истории до проклятых монголов, мне хочется броситься на землю и кататься от отчаяния. В русской литературе еще вчера были Пушкины, Толстые, а теперь почти одни «проклятые монголы».

Вообще, нам-то теперь отнюдь не кажется, что во времена «окаянных дней» в русской литературе были почти одни «проклятые монголы». Если бы тогда работал единственно сам Бунин, то уже литературу тех лет можно назвать значительной и достойной. Но, помимо того, еще целая плеяда талантливых авторов пополняла русскую литературную сокровищницу настоящими шедеврами. Возможно, когда-нибудь так же будет восприниматься и письменная культура нашего времени. Но пока она как-то не производит впечатления. В конце прошлого столетия Россия пережила редкий даже для такой богатой на потрясения страны перелом, равный, может быть, крушению империи, Смуте или татарскому нашествию. Откликнулась ли литература на этот перелом? Осмыслила его? О «заборных» опытах, разумеется, нет речи, – эта «литература» не упустила прореагировать и на погибель принцессы Дианы. Но были ли созданы произведения по мотивам событий начала девяностых хотя бы равные «Хождениям по мукам»? – не говоря уже о новом «Тихом Доне»! – нисколько! – это не то чтобы не интересно литературе, а, скорее, не по плечу нынешним литераторам. Уж если Бунин свои «окаянные дни» считал литературным безвременьем, то как бы он оценил нынешнее состояние отечественной словесности!

Во всех своих дневниковых записях – и в «Окаянных днях», и в собственно дневниках – Бунин то и дело обращает внимание на ложь и лицемерие установившегося режима: «Читали статейку Ленина. Ничтожная и жульническая – то «интернационал», то «русский национальный подъем»; «Тон газет все тот же, – высокопарно-площадной жаргон, – все те же угрозы, остервенелое хвастовство, и все так плоско, лживо так явно, что не веришь ни единому слову и живешь в полной отрезанности от мира»; «Лжи столько, что задохнуться можно»; «Необыкновенно глупо: «Советское отечество»! Уж не говоря о том, что никто там ни с кем не советуется».

Ушли ли из нашей современной жизни лицемерие, жульничество, хвастовство? Ну, понятно, вопрос риторический. Это все равно, что спрашивать, а ушло ли воровство, кумовство, взяточничество, бюрократия? Куда ж оно, родимое, денется...

Вспомним в связи с бунинскими наблюдениями знаменитое наше не такое уж давнее «остервенелое хвастовство» – *дефолта не будет!* – заявленное за три дня до катастрофы финансовой системы. Если же заявивший, как говорят, сам был введен в заблуждение своей лукавой свитой, то тогда ему вдвойне позор! – это уже больше, чем преступление: это ошибка. Или поистине-грозное того же авторства: *не так сели!* Единственное удовольствие от этого паханского рыка – предполагать, насколько же, наверно, стусевалась от него не по рангу рассевшаяся сервильная камарилья.

Кстати, о свите, об «аппарате». В России сейчас насчитывается сто чиновников на десять тысяч человек населения. В то время как в СССР – в последние годы его существования – таковых насчитывалось чуть более семидесяти на десять тысяч.

Идейная база революционных преобразований девяностых строилась в пику прежним порядкам, между прочим, и на декларировании «сокращения аппарата», «модернизации управления» и т.п. Рынок-де сам отрегулирует численность чиновничества, сведя его до допустимого минимума. Но вот подернулась тиной рыночная мешанина, и мы имеем «аппарат»... еще более раздутый, нежели в поздний советский период.

И что же говорит об этом Бунин: «Как они одинаковы, все эти революции! Во время французской революции тоже сразу была создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый потоп декретов, циркуляров ...и вообще всяческих властей стало несметно, комитеты, союзы, партии росли как грибы, и все «пожирали друг друга»... Все это повторяется потому, прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна».

Ну точно! – вот же они наши «революционные» девяностые-двухтысячные: сплошь жажда игры, лицедейства, позы, балагана! «Ключевский отмечает чрезвычайную «повторяемость» русской истории», – приводит Бунин авторитетное мнение в подтверждение собственных наблюдений неизменных наших исторических параллелей.

В советском государстве, – афористично обращает внимание Бунин, – никто ни с кем не советуется. Он имеет в виду, что за вывеской народовластия советская система скрывает самый жесткий, беспросветный тоталитаризм, самое циничное лицемерие.

Но вот в новой постсоветской России очередные выборы верховного правителя. Вроде бы они отвечают формальным демократическим, признанным в большинстве цивилизованных стран, принципам «четыреххвостки» – прямые, равные, тайные, общие, – все честь по чести! Своевременные еще к тому же. Но мы-то прекрасно понимаем, что в этих «выборах» нет выбора! что это ровно то же лицемерие, что и подмеченное Буниным в системе «советов»! Как там никто ни с кем не советовался, так же и здесь никто никого не выбирает, – все заранее решено и предопределено, кем следует. «Выборы» эти нужны власть-навсегда-придержавшим лишь для соблюдения формальностей. Чтобы не потерять лица. Особенно в глазах «партнеров».

Из всех этих параллелей можно, казалось, сделать неутешительный вывод: вечные «окаянные дни» – судьба России. Но это неверно. Сам Бунин так не считает. Потому что как никто знает Россию, верит в нее: ему известны неизменные русские характерные свойства – парадоксальность, непредсказуемость, способность перетерпеть любую напасть, преобразиться и возродиться. «Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?» – восклицает он в своей знаменитой речи «Миссия русской эмиграции» в 1924 году. И далее там же продолжает: «Говорили – скорбно и трогательно – говорили на древней Руси: подождем, православные, когда Бог переменит орду! Давайте подождем и мы».

Пожалуй, главная и исчерпывающая характеристика, данная Буниным русской натуре, сформулирована им таким образом: из нас, как из дерева – и дубина, и икона – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев. В современном понимании, впрочем, и Пугачев – не худший русский тип. Уже Пушкин сделал его симпатичным героем. Теперь же этот образ – такое почти былинное воплощение удали, непокорности, протеста, риска, авантюризма в лучшем понимании этого слова. Все эти качества, как были, так и остаются традиционными русскими чертами. Но и Сергей Радонежский отнюдь не ушел из нашей национальной природы.

Вот эти две, на первый взгляд, казалось бы, противоположные, но в чем-то и близкие стихии, и остаются характерным стержнем русского человека. «В зависимости от обстоятельств», как говорит Бунин, наш человек то в большей степени Сергей, то Емелька. Бог переменяет орду. Действительно. Дождались. Но не меняется русский характер. Вот почему еще и наши потомки, читая Бунина, будут узнавать себя, узнавать свое время.

Литпамятники

Алексей Яковлевич Марков родился на Ставропольщине в 1920 году. В голод 1932 года вместе с матерью бежал в Дагестан. Первые стихи напечатал на кумыкском языке. В войну с фашизмом дошел солдатом до Берлина. В 1952 году окончил Литературный институт. А.Т. Твардовский отрыв январский номер Нового мира за 1952 год первой поэмой А. Маркова «Вышки в море». В 1968 году выступил против ввода войск в Чехословакию. Автор ряда поэм о русской славе «Михайло Ломоносов», «Ермак», «Рылеев», «Атаман Платов», «Пугачёв». Умер в 1992 году.

ОБ АЛЕКСЕЕ МАРКОВЕ

(1920-1992)

...Когда от грубости отчаянной,
Когда от глупости людской,
От пошлости как бы нечаянной,
Острот из книжки записной
Не по себе мне вдруг становится,
Я вспоминаю о тебе,

– ...так начинаются стихи из любовного цикла Алексея Маркова. – Так можно начать разговор о творчестве самого Маркова и продолжить эти строки – я вспоминаю стихи Алексея Маркова. Главный завет Пушкина, который воспринял поэт – это «Мысли, мысли, господа...»

Творческая биография Маркова вобрала в себя почти всю историю XX века. Спасаясь от голода 1932–33 года в Ставропольском крае, он попал в Дагестан, там опубликовал первые стихи на кумыкском языке, и тут же был замечен классиком дагестанской литературы Эфенди Капиевым... Там он опубликовал первую поэму о жертвенном мальчике «Коля Большаков», там он начал не только публиковаться, но и писать стихи «в стол»... Еще в 1939 году он осознал двойничество мыслящих граждан на территории России. Тогда было написано стихотворение «Паук». Но началась война, и он стал солдатом, он гордился именно этим званием – солдат. Еще в детстве в глухом дагестанском ауле, где он поселился с матерью и старшей сестрой – он слышал вслед крики местных детей «Солдат идет!» И в след ему летели камни-голыши! Была жива память о русском солдате, которого не слишком-то жаловало дагестанское население... И мальчиком Алексей Марков должен был нести крест русского солдата...

С ранением он попал в госпиталь, в Тифлис, где тогда жил один из последних представителей Серебряного века русской литературы, Рюрик Алексан-

дрович Ивнев, ему молодой поэт принес стихи и получил блестящую оценку да еще в рифму:

И чувство нежное, живое
Бурлит, клокочет, как у Данта.
Кто понял сердце молодое
Под гимнастеркою сержанта?!

(из стихотворения «Алексею Маркову», 1944 г.)

Позже в компании Ивнева и на знаменитых еще с 20 годов Никитинских субботниках он познакомился с людьми, окружавшими когда-то Сергея Есенина – с Августой Миклашевской, с голубой дамой 20-х Мальвиной Мироновой, с единственным оставшимся в живых поэтом перебитого в ЧК «есенинского круга» – Пименом Карповым (он обманул чекистов: удачно претворился сумасшедшим и уехал навсегда из Москвы в глухомань)... всю жизнь Алексей Марков дружил с сестрами Есенина, а Татьяна Петровна Есенина-Флор редактировала его сборник «Снова в дорогу» – буквально ночевала в цензуре, прозывавшейся – Главлитом. Сборник вышел во время хрущевской оттепели, многие стихи из него потом никогда цензурой не пропускались.

В частной переписке Алексей Марков получил отклик от А.И. Солженицына на этот сборник: «Необходимо встретится. У нас, несомненно, много общего», – писал тогда Александр Исаевич. В мемуарной книге «Бодался теленок с дубом» Солженицын с восторгом оценивает стихотворение А. Маркова «У гроба мать Есенина читает приговор...», напечатанном в журнале «Молодая гвардия».

Тогдашний редактор «Молодой гвардии» Никонов, говорил, что тем, кто просто ругает строй нет места в литературе, а Маркову многое можно, ибо он болеет за Россию и пытается залечить её раны. Алексей Яковлевич не раз отмечал, что способен хоть на короткое время «обратить в свою веру редактора». Даже редактор партийного «Огонька» А.В. Софронов сделал вид, что не замечает эзоповского языка в эпилоге поэмы «Пугачев» и напечатал – что бы было со страной, если бы к власти пришел Пугачев:

Указы, указы, указы,
Рубите имущем башки,

– это было напечатано в «Огоньке» в самые застойные времена...

– Хрустальные тонкие вазы –
К чертям, под ночные горшки,
Хватайте и землю и воду,
Валите глухие леса,
– Народу, народу, народу,
– указов шумят голоса...

После Отечественной войны Алексей Марков поступил в Литературный институт по рекомендации Бориса Леонидовича Пастернака. А. Марков читал ему свои фронтовые стихи «Мать» — где описан мистический случай

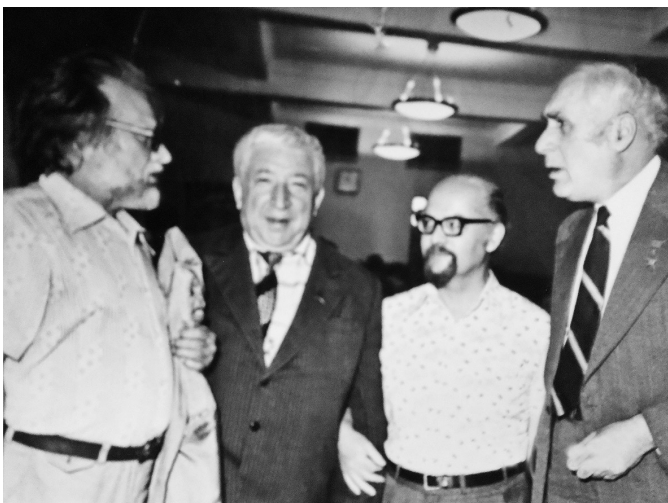
А. Марков с Ильёй Глазуновым

С отцом Александром Менем

С Анатолием Рыбаковым

С Расулом Гамзатовым и Ираклием Абашидзе

на фронте — солдату привиделась мать над окопом и он выбежал к ней, и за спиной у него раздался взрыв от прямого попадания в его окоп... стихи о любви.

Мы привыкли прощаться без слез,
Сомневаться в надежде и встрече,
Помню лиственный запах волос
Что легли мне разлукой на плечи
День туманный и мокрый перрон
От вокзала труба уцелела.
На холодных путях эшелон,
И пурга от черемухи белой.
Ты не просишь, что б письма писал,
Теребишь только влажный платочек.
Голубеют в глазах небеса,
Непорочные, чистые очень,
Твое имя я скоро забыл,
Помню, нежное-нежное было...
Я не знаю, тогда я любил?
Только шепот забыть я не в силах.
Да горячие щеки от слез,
Да помятые травы и вечер,
Только лиственный запах волос,
Что легли мне разлукой на плечи.

Пастернак написал; «Слушал Алексея Маркова, стихи мне не понравились, но мне кажется, я присутствовал при рождении большого русского поэта». Кстати вошёл на дачу Пастернака Марков, читая «Погоняет ворон ворона, Даль темна от воронья, Вся Россия разворована, Покраснела от вранья...». Да, и нет, за сказанное слово, Мне не закроют все пути, А лишь из лагеря большого, Придётся в малый перейти...» Испуг (Пастернака) тоже не стоит сбрасывать со счетов, дело-то было при Сталине. В институте Алексей Марков писал много стихов «в стол»:

В стол ...
Каждый праздник домоуправленья,
Не спросив на это позволенья,
Вешает огромный портрет
На моё окно, уже вот 30 лет,
На портрете человек с усами,
Мы его нарисовали сами.
Из дали посмотришь благодать,
Но а мне и света не видать...

Историю с этим стихотворением описал в своем романе «Белые одежды» (в беллетристическом изложении) пожизненный друг Маркова Владимир Дудинцев. То что Маркова допрашивали на Лубянке и как – у Дудинцева, верно описано, дальше – уже вымысел художника. Владимир Дудинцев удивлялся тождественности боли поэта в социальных стихах и в любовной лирике.

А. Марков с Владимиром Солоухиным

В это же время Марков написал поэму «Заколоченный Дом» – об искусственном голоде в Ставропольском крае, который он в детстве в полной мере пережил. Мальчиком волок могучее тело отца, чтобы скинуть в общую могилу. Поэмой «Вышки в море», написанную во время учебы в институте, Твардовский открыл «Новый мир» 1952 года.

Александр Трифонович Твардовский
 Пожелал мне доброго пути...

Твардовский сам, по-отцовски, у себя дома, отредактировал поэму. (Об этом ярко написано в мемуарах Маркова о Твардовском, опубликованных в журнале «Москва» Леонидом Бородиным, в чьей нелегкой лагерной судьбе Марков сыграл спасительную роль.)

Безотцовщина, Алексей Марков так доверился Трифоновичу, что, как-то гуляя с ним по Москве и проходя мимо прижизненного памятника Сталину, сказал вдруг: «Скоро снесут всю эту бодягу, освободится посевная площадь». Твардовский побледнел, протрезвел и со словами «Изыди сатано» перешёл на другую сторону улицы.

Поэму же «Заколоченный Дом» в 1955 году, то есть перед XX съездом партии Алексей Марков принёс на обсуждение в Союз писателей, тем самым доставив немало нервных минут тогдашним ведущим писателям (страшно осуждать коллективизацию). Евгений Евтушенко в своих мемуарах рассказал, как чуть ли не через окно, неся рукопись в зубах, спасал поэму о геноциде крестьянства от НКВД, хотя это не совсем точно...

В оттепельные времена проводилось хрущевское гонение на Православную Церковь. Тогда Алексей Марков вместе с Дмитрием Лихачевым, чьи письма об «общем деле» сохранились в архиве Маркова, и Владимиром Ивановичем Малышевым, – главными специалистами по древнерусской литературе, спасли много церквей, доказывая архитектурную их ценность...

«Надеюсь в 1968 году прочитать хорошее стихотворение об Аввакуме. Вам написать его легко, так как у Вас есть «Аввакумовское начало» – писал Владимир Иванович.

В начале 70-х, к Алексею Маркову пришли издатели православного рукописного журнала «Вече», задачей которых было восстановление культурной справедливости, в малом количестве экземпляров они пытались возродить имена Столыпина, Розанова, Леонтьева, Соловьева, Бердяева, с журналом сотрудничали Лев Николаевич Гумилев, Венедикт Ерофеев (его вещь «Розанов глазами эксцентрика» была там напечатана), благословил журнал, в светском смысле – Солженицын, в церковном – отец Дмитрий (Дудко). Марков там напечатал очерк «С устатку», о гибели деревни от пьянства. С Дудко он дружил до конца жизни, отец Дмитрий принимал его последнее покаяние.

Дружил он и с отцом Александром Менем. Маркова привезли в Семхоз к Меню, тогда, когда у него жила вдова Осипа Мандельштама и отец Александр встретил его чтением наизусть целой главы из поэмы А. Маркова «Ермак», чем покорила навсегда сердце поэта. Александр Мень удивлялся точности исторической интуиции Маркова в поэмах «Михайло Ломоносов», «Пугачев», «Рылеев». «Мой Толстой»... Все книжечки Александра Меня, вышедшие на Западе, с нежными надписями хранятся в архиве Маркова.

В 1968 году, «двойничество» Маркова расшифровали на Лубянке, перехватили его личное письмо с реакцией на ввод войск в Чехословакию: «Что касается Чехословакии – то мне впервые стыдно, что я русский, славянская кровь на наших танках». Казнили полночи в Союзе писателей, но Виктор Розов и Анатолий Рыбаков пообещали положить на стол свои членские билеты, если Маркова изгонят...

Лебединая стая, крик осенней тоски,
 я пишу и бросаю, как на ветер, листки

Да востребует кто-то мою радость и грусть...

Об Алексее Маркове можно сказать словами Достоевского: «...Он преклонялся перед правдой народной. Если не нашел ничего в своей жизни более достойного любви, как народ, то, стало быть, признал и истину народную, и истину в народе, и что истина есть и сохраняется лишь в народе».

Наше всё

ВИКТОР АКСЮЧИЦ — советский, российский философ, богослов, публицист, российский политик, народный депутат РСФСР (1990–1993), религиозный деятель. С середины 1980-х годов публиковался в эмигрантских и западноевропейских изданиях. С 1987 года с Глебом Анищенко издавал литературно-философский журнал русской христианской культуры «Выбор» в самиздате, затем переиздававшийся в Париже, с 1991 года официально издававшийся в России...

СЕРИЯ «МИССИЯ РОССИИ»

V. СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Поэзия для Пушкина не была хобби или родом профессиональных занятий. Поэтическое творчество – это наиболее адекватная форма его жизни. В поэзии и через поэзию Пушкин был связан с Высшей Реальностью, проживал свою судьбу, переживал судьбу своего народа, культуры, мира, открывал для себя новые измерения бытия. В этом смысле Марина Цветаева говорила, что «Пушкин – поэт с историей». Валентин Непомнящий отмечал, что Пушкин входил в стихотворение одним, а выходил другим, для него поэзия – это сама жизнь, прохождение жизни в слове, это эстетика не отображения жизни, а эстетика преображения жизни. Поэтому сложнейшие и глубочайшие смыслы в творчестве Пушкина выражены удивительно ясно и прозрачно. «У Пушкина почти нет загадок. Во-первых, он слишком уважал своего «благодарного читателя», чтобы предлагать ему ребусы. Во-вторых, Пушкин прост потому, что в последний период творчества настолько разобрался в себе и в окружающем мире, насколько это вообще доступно мирскому человеку. В-третьих, внутренняя ясность отлилась в предельно чёткие словесные и художественные формы» (Г.А. Анищенко).

Универсальность пушкинского гения непревзойдённа, и этот феномен не поддаётся эмпирическому объяснению. Его всечеловеческое творчество вобрало основные темы и проблемы европейской и мировой литературы. Пушкин, имея неповторимый творческий облик, пропустил через себя влияния многих авторов, впервые внёс в русскую литературу жанровое и видовое разнообразие европейских литератур. Будучи уникальным русским писателем, он обладал сверхъестественной способностью проникаться духом иноязычных литератур и чутко передавать их национальный колорит. «Наиболее изумительной чертой Пушкина, определившей характер века, был его универсализм, его всемирная отзывчивость» (Н.А. Бердяев).

В открытости Пушкина сказалась русская духовность. Поэт называл себя «эхом русского народа». Гоголь говорил, что Пушкин есть, «может быть, единственное явление русского духа». Расхожим стало утверждение: «Пушкин – это наше всё». Непомнящий отмечал, что ни к одному другому литератору в мире народ не относился так, как к Пушкину. Невозможно себе

представить, чтобы каждая годовщина Шекспира или Данте отмечалась всенародно, а у их памятников ежегодно появлялось множество цветов. Ни к кому не относятся столь многогранно: на одном полюсе всенародно слагаются анекдоты, на другом – видят в нём национального пророка. Пушкин – это «Россия, выраженная в слове» (В.С. Непомнящий); он олицетворяет национальное сознание и жизнеощущение. Пушкин грациозно переводил образы европейской литературы в литературу отечественную, а русскую культуру расширял до общечеловеческой. При этом разрабатывал разнообразные литературные жанры и проблемы культуры – не только поэзии и художественной литературы, но и языка, истории, театра, философии, политики.

Глеб Анищенко обратил внимание на то, что «Гоголь когда-то обозначил именно нынешний временный рубеж для начала истинного понимания Пушкина, говоря о том, что он – «русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Двести лет минуло». Современный литературовед Н.Н. Скатов полагает, что слова Гоголя следует понимать «не в том смысле, что через 200 лет явились сонмы русских Пушкиных или в роли некоего коллективного Пушкина предстала вся нация. Речь идёт именно о развитии самого Пушкина на протяжении этих 200 лет нашей жизни и в нашей жизни. Может быть, ещё никогда Пушкин как русский человек не представлял перед нами как целый космос русской жизни в такой свободе, в такой непредвзятости, в такой возможности выбора, столь избавленным от односторонности. И в такой силе призыва к восприятию себя».

«Этот «призыв к восприятию» трудно не почувствовать сегодня при серьёзном соприкосновении с произведениями поэта. Может быть, действительно мы получили сейчас шанс подойти к довольно полному пониманию пушкинского творчества. Для этого, однако, совершенно необходимо очистить своё восприятие от прежних наслоений: отказаться от идеологических и исторических стереотипов; не размываться на рассмотрении периферийных сторон творчества, а сосредоточить внимание на главных направлениях; заставить себя воспринимать прямой смысл написанного, а не искать несуществующие (но желаемые) подтексты; читать Пушкина, а не подглядывать за его личной жизнью» (Г.А. Анищенко). В чём явилось значение Пушкина за прошедшие двести лет и в чём его провиденциальное значение для современности?

Как преподобный Серафим в Православии, так Пушкин в светской культуре, подобно духовному кристаллу, вбирает достижения прошлого, творчески их преобразуя и задавая новые измерения будущего. «Пушкин был живым средоточием русского духа, его истории, его путей, его проблем, его здоровых сил и его больных, чающих исцеления узлов... Единственный по глубине, ширине, силе и царственной свободе духа, он дан был нам для того, чтобы создать солнечный центр нашей истории, чтобы сосредоточить в себе всё богатство русского духа и найти для него неумирающие слова. Он дан был нам как залог, как обетование, как благодатное удостоверение того, что и на наш простор, и на нашу страсть может быть найдена и создана завершающая и совершенная форма. Его дух, как великий водоём, собрал в

себя все подпочвенные воды русской истории, все живые струи русского духа» (И.А. Ильин). Творческий гений Пушкина опережал своё время. Его жизнь подобна свернутой во времени жизни русского национального духа – она повторяет этапы его становления и раскрывает будущие пути. Отсюда сугубый интерес поэта к истории своего народа – как истории его собственной души, а также обращённость к будущему – его пророческое служение. Гений, открываясь измерениям вечности, мог предвидеть нечто в будущем.

Юный Пушкин преисполнен энергии жизнерадостного язычества и страстного возрожденчества. *«Лирический герой раннего творчества Пушкина воспринимает жизнь как цепь, состоящую из отдельных мгновений»* (Г.А. Анищенко). Но молодой поэт не мог не осмыслить мировоззренческие основы такой жизненной позиции: *«Восемнадцатилетний поэт смог чётко определить мировоззренческий исток такого «мгновенного» мировосприятия и назвать его: безверие. Тот, кто с первых лет безумно погасил отрадный сердцу свет», вынужден жить лишь мгновением, так как для него земная жизнь не может представляться чем-то цельным, а жизни вечной не существует»* (Г.А. Анищенко). Это время душевных кризисов, внутренней опустошенности, духовного томления и тоски. *«В сознании героя пушкинской лирики возникает и до предела обостряется к концу южного периода трагический конфликт между ощущением полной бессмысленности жизни, с одной стороны, и с другой – страхом перед бессмысленной смертью, пожирающей всё-таки дорогие мгновения жизни»* (Г.А. Анищенко).

«Пушкин часто был золова арфа либерализма на пиришествах молодёжи, откликаясь теми голосами, которые на него налетали» (П.А. Вяземский). У века Просвещения он заимствует кощунственное отношение к религии («Гаврилада»), увлечение либеральными идеями и социальными утопиями. *«Дух отрицания», с такой силой обрушившийся на человеческую личность, естественно, затронул и все области её воззрений. Безверие, которое раньше переживалось как трагедия, теперь принимает вид фривольного кощунства или богоборчества. В сфере социально-политической прежние просветительские устремления сменяются революционными призывами к кровопролитию. В начале 1820-х годов богоборчество и революционность образуют некое нигилистическое единство в творчестве поэта»* (Г.А. Анищенко).

Пушкин становится апологетом и певцом тираноборчества: *«В деспотическом государстве тираноборец, политический убийца заменяет и подменяет собой закон. Эта подмена происходит в кругу земных реалий. Однако пушкинский тираноборец, совершая суд, руководствуется отнюдь не собственным произволом: он получает некую санкцию свыше»* (Г.А. Анищенко). В «Кинжале» инерция безверия доводит до логического предела: *«Вышней силой», «богом» «юных праведников» является прямая противоположность Христу – анти-Христос... революционеры-тираноборцы приводят в исполнение приговор «высшего суда» анти-Христа, подменяющего собой Христа истинного»* (Г.А. Анищенко). Поэт заразился господствующими идеями своего времени и выразил их с разрушительной поэтической силой. Пушкинский «Кинжал» стал чуть ли не гимном декабристов. О тогдашнем положении Пушкина писал П.А. Вяземский: *«Хотя он и не принадлежал к*

заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере».

Юный поэт дошёл до края и заглянул в inferнальные бездны, но нашёл в себе силы отшатнуться, ибо пушкинский атеизм не был тотально безысходным. *«Ему уже тогда противоречили некоторые основные тенденции, определяющие собственный духовный склад Пушкина... Мы насчитываем три такие основные тенденции: склонность к трагическому жизнеощущению, религиозное восприятие красоты и художественного творчества и стремление к тайной, скрытой от людей духовной умудрённости... Этот духовный опыт должен был уже рано привести Пушкина к ощущению ложности «просветительства» и рационалистического атеизма»* (С.Л. Франк).

С 1824 года и Михайловской ссылки начинается духовное перерождение Пушкина. Глеб Анищенко полагает, что в «Пророке» 1826 года Пушкин описывает коллизии в душе поэта: *«В «Пророке» говорится о том, о чём там написано прямо: о чуде непосредственного откровения Бога человеку и о чудесном изменении всей сущности человека»* (Г.А. Анищенко). Поэтому «Пророк» является не только вершиной пушкинской поэзии, но и всей его жизни, её величайшим событием... *В зависимости от того, как мы угадываем «Пророка», мы понимаем и всего Пушкина... Если это есть только эстетическая выдумка, одна из тех, которых ищут литераторы, тогда нет великого Пушкина»* (протоиерей Сергей Булгаков). Итогом духовных превращений и обретения божественных даров (всеведения, всеслышания, пророческого слова, исполненности Божьей воли) явилось рождение пророка, *«перед которым Бог ставит совершенно определённую задачу: «глаголом жги сердца людей»... В «Пророке» подобный призыв обретает новый, глубочайший смысл только потому, что он есть не мысль поэта, а непосредственная воля Бога... Сердце, душа и разум героя-пророка, исполненного волей Бога, направляются на то, чтобы донести эту волю до сердец ближних. Чудо, описанное в «Пророке», и может быть единственным объяснением рождения «нового» Пушкина в середине 1820-х годов... Чудесное рождение «нового» человека во все не означает его последующего чудесного бытия. Пушкин, рождённый как бы заново чудесным образом, в последующий период испытывает все трудности становления новорождённого организма. Со всеми болезнями, подвергаясь этому организм жесточайшим испытаниям»* (Г.А. Анищенко).

В период возмужания в душе поэта совершается переоценка ценностей. В «Борисе Годунове» он полемизирует с декабристами, декларируя неприятие социальных потрясений. Наступают годы духовных исканий, поиска ответов на главные вопросы. Пушкин обращается к прошлому своей родины (занятия историей), переживает вращение в национальную традицию, приобщение к корням национальной культуры. Это также время создания семьи как онтологической связи с предками и потомками – обретение глубинных душевных корней, без которых душа человека усыхает. *«Приблизительно в это время (начиная с «Бориса Годунова») Пушкин в духовном, нравственном, мировоззренческом и даже политическом смысле стал с неимоверной скоростью обогатить своё время, своё общество. Вскоре голос прежнего всеобщего любимца перестал восприниматься современниками как нечто внятное. (Показательно, что квартира, где умирал поэт, была завалена его нерас-*

проданными изданиями: Пушкина просто не читали)» (Г.А. Анищенко). Об этом свидетельствовал и Н.В. Гоголь: «Влияние Пушкина как поэта на общество было ничтожно. Общество взглянуло на него только в начале его поэтического поприща, когда он первыми молодыми стихами своими напомнил было лиру Байрона; когда же пришёл он в себя и стал, наконец, не Байрон, а Пушкин, – общество от него отвернулось».

В последний, прерванный смертью период жизни поэт достигает духовного просветления. Зрелый Пушкин высоким творчеством и достойной жизнью расширяет духовные горизонты русской культуры. «Вся жизнь Пушкина раскрывается перед нами как постановка и разрешение основных проблем всероссийского бытия и всероссийской судьбы. Он всю жизнь неутомимо искал и учился. Именно поэтому он призван был учить и вести. И то, что он находил, он находил не в виде отвлечённых теорий, а своим собственным бытием: он сам был и становился тем, чем он “учил” быть; он учил, не уча и не желая учить, а становясь и воплощая. И то, что его вело, было вдохновение, вызывавшееся в нём всяким божественным явлением на его пути, и любовь к России – страстное и радостное углубление в русскую стихию, в русскую душу, в русское прошлое, в русскую простонародную, сразу наивную, откровенную и детскую жизнь» (И.А. Ильин).

В лице праведника (Серафима Саровского) и поэта созидание жизни и культуры в России обретало новое качество. Последующие достижения русской культуры зачинаются в этом духовном узле. Как писал Юрий Лотман, «Пушкин, конечно, не производил хронологических расчётов с карандашом в руках, но он ощущал ритмы истории». Поэтому Пушкин сознавал, что ему приходится открывать новую эпоху: «Радищев был для него... не человеком, начинающим новую эру, а порождением умирающей эпохи. Восемнадцатый век был для него таким же “великим концом”, как и первый век нашей эры, завершением огромного исторического цикла» (Ю.М. Лотман). Говоря о Радищеве, Пушкин утверждает, что господствующие тенденции минувшего века не достойны подражания и продолжения: «В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Реналья; но всё в нескладном, искажённом виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приносившие ко всему, – вот что мы видим в Радищеве... Нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви». Большинство общества разделяло взгляды Радищева, но Пушкин пытается вернуть образованный слой в русло отечественной истории: «Клянись честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Пушкин характеризовал тлетворный дух XVIII века: «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал своё имя. Она была направлена против господствующей религии, вечною источника поэзии у всех народов, а любимым орудием её была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная». В начале XIX века в

церковной культуре царили рационализм и школьное начётничество – как реакция на вольнодумное и легкомысленное XVIII столетие. В светской культуре господствовала сентиментальная и романтическая расслабленность ума и воли. Но Александру Пушкину, подобно Серафиму Саровскому, свойственны беспрецедентная для века метафизическая реалистичность и углубленность. «Наряду с поэтическим гением нельзя не удивляться в Пушкине какой-то нарочитой зрячести ума: куда он смотрит, он видит, схватывает, являет. Это одинаково относится к глубинам народной души, к русской истории, к человеческому духу и его тайнам, к современности и к современникам» (протоиерей Сергей Булгаков).

Пушкин создаёт современный русский язык: «Пушкин чародей родного языка, закончивший его чеканку, как языка совершенного, мирового. Говорить по-русски – теперь значит говорить на пушкинском языке» (А.В. Карташев). Русский литературный язык он обогатил церковно-славянизмами, оживив многие архаические формы, а также вводил в высокую культуру простонародные языковые пласты. Гений поэзии, наделённый безукоризненным чувством языка, использовал высокий стиль, торжественность и поэтичность церковнославянского языка, избегая выпренности и напыщенности, вместе с тем органично заимствовал народный говор, избегая искусства нарочитой простонародности. Способствовал этому универсум языкового сознания Пушкина, который блестяще владел французским (его первый разговорный язык) и был знатоком европейских литератур. Язык Пушкина – современный русский язык – несёт на себе печать пушкинского гения, в котором глубина и многообразность содержания выражается грациозной лапидарностью форм.

(продолжение следует)

Москва-веды

ОЛЬГА ЖУКОВА родилась в Москве в семье журналистов. Член Союза писателей России и Союза журналистов Москвы. Историк, москвовед, культуролог. Автор книг «Чудесная Москва», «Русское купечество. Гении дела и творцы истории» и др. Кандидат исторических наук.

«ШЕКСПИРОВСКИЙ СЛЕД» В ВЕШНЯКАХ, ИЛИ КРАЕВЕДЕНИЕ СПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ

Мало кто из современных москвичей догадывается, почему одна из улиц Вешняков – окраинного района Москвы, застроенного преимущественно типовыми «брежневками», носит имя, звучащее столь «по-английски» – Кетчерская. Являясь старожилом Кетчерской улицы, автор может свидетельствовать, что отнюдь не просто бывает растолковать тем, кто едет в гости впервые, это непривычное для русского слуха наименование. Как правило, собеседнику на другом конце трубки слышится: «Керченская», и приходится прибегать к такой уловке: «Премьер-министра Англии по фамилии Тетчер помните? А улица называется почти так же, только первая буква «К».

Николай Христофорович Кетчер (1809–1886), память о котором отражена в названии улицы, был по роду своему шведом, а вовсе не англичанином. Дед его – владелец завода медицинских инструментов в Стокгольме, перебравшийся в Петербург, по приглашению посла императрицы Елизаветы Петровны, оценившего его мастерство. Отец – Христофор Яковлевич, продолжил семейное дело, но завод имел уже в Москве. Женился на русской женщине – Пелагее Васильевне Беловой. Все пятеро их детей были «крещены в православной вере». Самое яркое детское воспоминание Николая Христофоровича – появление в Москве вояк Наполеона и бегство семьи со всем домашним скарбом, на подводах, во Владимир. Не удивительно, что старший сын шведского инструменталиста уже в полной мере ощущал себя русским, обладал темпераментом отнюдь не нордическим, а по-славянски шумным, взрывным, хотя и знал в совершенстве несколько европейских языков.

Он окончил Московскую медико-хирургическую академию в 1828 году ему преподавал знаменитый московский врач Х.И. Лодер, лечивший своих пациентов долгими прогулками-променадами на чистом воздухе, отчего навсегда сохранилось в русском языке словечки: «лодырь» и «лодырничать».

Молодой врач Кетчер в 1830 году работал уездным московским лекарем. Командировался на борьбу с холерой в Суздаль и Курск. Особенно интересовался судебной медициной.

Либерал-западник, которого друзья – В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарёв, Т.Н. Грановский – звали «Нелепым», «Несносным крикуном», «Минотавром» прослыл поистине русским «достопамятным явлением Мо-

сквы» и к концу своей жизни по взглядам, убеждениям и настроениям оказался гораздо более близок к славянофилам – М. Погодину, В. Кокореву, братьям Аксаковым...

А.И. Герцен, оценивая Кетчера не просто как друга, а как исторический персонаж, отметил: «Кетчер по всему принадлежит к тем странным личностям, которые развились на окраине петровской России, особенно после 1812 года, как её последствие, как её жертвы и косвенно как её выход. Люди эти сорвались с общего пути – тяжёлого и безобразного – и никогда не попадали на свой собственный, искали его и на этом искании останавливались».

Отметим, что идеологические споры западников и славянофилов той поры коренным образом отличались от нынешних стычек в среде российской интеллигенции, ориентированной, с одной стороны, – на западные, с другой стороны, – на традиционные российские ценности. Ни один западник XIX в. не позволил бы себе назвать свой народ, например, «гробом с гниющими потрохами», потому что при всём критическом отношении к тогдашней российской действительности западники прошлого не являлись русофобами, и так же, как славянофилы, любили свой народ, лишь по-разному представляли его путь к безусловному будущему процветанию.

И если сегодня трудно представить, чтобы современные «славянофилы» – патриоты и «западники»-либералы собрались, например, за чашкой чая и спокойно обсуждали свои позиции, то в литературных гостиных и многочисленных кружках 40-х годов XIX века мировоззренческие дискуссии были обычным делом. Да и все идеологические споры отходили на второй план, когда разговор переходил в плоскость серьёзной литературы и искусства.

И именно Н.Х. Кетчер, будучи по профессии врачом, работая в Московском врачебном управлении и даже, одно время, возглавляя его, взял на себя благородную миссию перевести для русского читателя с немецкого, французского и английского языков многие важнейшие общественно-значимые произведения: «Разбойники», «Заговор Фиеско в Генуе» Ф. Шиллера и «Путеводитель по пустыне, или Озеро-море» Дж. Ф. Купера, «Житейские воззрения кота Мурра» Э.Т.А. Гофмана и «Црини» К.Т. Кёрнера, «Философские письма» П.Я. Чаадаева и выбивающуюся из общего литературного ряда, но такую необходимую для всех практикующих врачей России «Частную патологию и частную терапию» К.Г. Неймана...

...Через два года службы в Медицинском департаменте Петербурга Кетчер сбежал в родную патриархальную Москву.

О Петербургском периоде его жизни нам известно лишь, что при всей своей активности, он скучал, оказавшись в довольно чопорной столичной среде, столь пропитанной «западным духом». Дмитрий Васильевич Григорович, вспоминая И.И. Панаева, жившего, как и Белинский, близ Аничкова моста в доме Лопатина, отмечал: «По субботам у Ивана Ивановича собирались литераторы, а также прилепившиеся к литературе и вообще знакомые. Из числа литераторов помню... Кетчера, переводчика Шекспира, пока он не возвратился в Москву». Здесь поселился он в маленьком домике с садом, в котором выращивал цветы. Сажал подсолнечник и огурцы, которые соб-

Кетчер Николай Христофорович – врач, поэт и переводчик. Родился в Москве, в 1809 г., умер там же 12 октября 1886 г. Сын шведа, начальника московского инструментального завода. Детство провел в Москве и во Владимире. Воспитывался в пансионе, где изучил английский язык и получил любовь к английской литературе и особенно к Шекспиру; затем окончил курс в Московской медико-хирургической академии. С 1830 года он начал службу московским уездным врачом; в следующем году был командирован для борьбы с холерой в г. Суздаль и в Курскую губернию. В 1843 г. переехал в Петербург и определился в Медицинское управление. Вернулся в Москву, состоял с 1845 по 1877 г. штат-физиком и инспектором медицинской конторы, с 1877 по апрель 1885 г. начальником московского врачебного управления. В апреле 1885 г. вышел в отставку

стенноручно солил. Разводил кур, жалея резать на суп, лечил больных кошек и собак. Любил ходить в лес по грибы. Словом, вёл размеренную жизнь московского обывателя.

Но «прилепившемуся к литературе» Кетчеру доверял издание своих произведений И.С. Тургенев. Николай Христофорович редактировал множество переводов для издателя К.Т. Солдатёнок. После смерти Белинского Кетчер взялся за издание Собрания сочинений «Неистового Виссариона». Он же редактировал «Журнал Министерства внутренних дел» и «Магазин земледения», т.е., говоря современным языком – краеведения. А писал он статьи для журналов «Отечественные записки» и «Современник», «Московский наблюдатель» и «Журнал садоводства».

Однако в русскую литературу и историю он вошёл, прежде всего, как переводчик У. Шекспира. Русские театры знакомили зрителя с шекспировскими пьесами в переводах Кетчера. В шуточной эпиграмме на него, написанной Соболевским, но приписываемой иногда И.С. Тургеневу, отмечалось: «Вот и он, любитель пира // И знаток шампанских вин, – // Перепёр он нам Шекспира // На язык родных осин». А сам он жаловался на склоне лет: «Кончил я переводить Шекспира, и теперь мне скучно без любимой работы». Как утверждает Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: «Любовь К[етчера] к Шекспиру доходила до поклонения; вот почему его переводы, не всегда отличаясь поэтичностью, замечательно близки к подлиннику: К[етчер] боялся опустить хотя бы одно слово».

Приведём для примера лишь два взгляда на Шекспира из двух противоборствующих лагерей.

Западник и атеист Николай Огарёв в стихотворении «Шекспир», объясняет приход гения в мир велением провидения: «На землю ступай, – провиденье сказало, – / И пристально там посмотри на людей, / Дела их твоя чтоб душа замечала /И в памяти ясно хранила своей. /Ты вырви в них душу и в смелом созданье /Её передай им ты в звучных словах, /И эти слова не исчезнут в преданье /И вечно в людских сохраняются умах».

Славянофил Константин Сергеевич Аксаков в статье «Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или мертвые души» ставит русского гения в один ряд с английским: «В самом деле, у кого встретим мы такую полноту, такую конкретность создания (отчего не употребить этого слова)? Скажем здесь, не обинуясь, наше мнение. Да, очень у немногих: только у Гомера и Шекспира встречаем мы то же; только Гомер, Шекспир и Гоголь обладают этою тайною искусства».

В современных литературоведческих статьях можно встретить наивные рассуждения о том, что возвышенный «язык Шекспира», мол, это вам не «язык Есенина» – «кумира маргиналов» и т.д., но все ли могут в полной мере оценить именно язык Шекспира, а не «языки» его переводчиков – Маршака и Пастернака? И не прав ли был Кетчер, трепетно сохраняя каждое слово великого англичанина? Да и современники считали главным достоинством переводов Кетчера именно его близость к первоисточнику. Возможно, сегодня эти переводы воспринимаются скорее, как «подстрочкики». Но при этом особенно умиляют проскальзывающие в них своеобразные «русизмы». Например, один из персонажей Шекспира жалуется: «...Я не получал от вас ни полушки»...

Интересны для исследователя и комментарии Кетчера, в которых он предстает не только как тонкий знаток языка, но и как знаток английского фольклора и истории. А иногда даже даёт комментарии, как врач: слуга пререкается с хозяином и предлагает не есть мясо без подливки. «Почему же?» – вопрошает хозяин. И слуга отвечает: «Да вы опять рассердитесь...» И Кетчер отмечает за скобками: «Полагали, что сухое мясо развивало желчь, делало сердитым».

Итак, Шекспира в переводах Кетчера читали все образованные слои русского общества. По свидетельствам мемуаристов, одной из общих и даже, в определённой степени, примиряющих тем, для западников и славянофилов стало творчество Шекспира. Необычайно велико его значение в общественно-литературной русской жизни. О нём много говорили, спорили, представляли оригинальные толкования его образов и сюжетных перипетий.

Анатолий Фёдорович Кони, выдающийся правовед и литератор, вспоминал свои студенческие годы, когда пришлось ему стать свидетелем застольных и вечерних бесед у писателя А.Ф. Писемского, собеседниками которого становились драматург А.Н. Островский и скульптор Рамазанов: «Островский указывал на всё величие бессмертных творений английского гения. Мы слушали его жадно, и ему, видимо, нравилось наше напряжённое внимание. Самой глубокою из трагедий Шекспира он тогда считал «Короля Лира». Анализируя по этому поводу человеческие страсти как материал для драматического произведения, он находил, что каждая из них имеет своего представителя в отдельных образах, разработанных Шекспиром, и что судьба каждого из них есть изображение неизбежного конца, которым роковым образом завершается развитие той или другой страсти».

Шекспир и Островский господствовали на подмостках русских театров. И особый интерес публики представляли европейские гастролёры, приво-

Уильям Шекспир (William Shakespeare) – родился 23 апреля 1564 г. в маленьком городке Стратфорд-на-Эйвоне. Считается, что Шекспир учился в стратфордской «грамматической школе», где изучил латинский язык, основы греческого и получил знания античной мифологии, истории и литературы, отразившиеся в его творчестве. В возрасте 18 лет, Шекспир женился на Энн Хэтуэй, от брака с которой появились на свет дочь Сюзанна и близнецы Гамнет и Джудит. Примерно в 1587 году.

жившие в Россию не только спектакли по пьесам Шекспира, но и ставившие произведения Островского. А.Ф. Кони вспоминает в этой связи Эрмете Цаккони и его итальянскую труппу. Сравнивает игру итальянца Томмазо Сальвини и американца Айра Олдриджа в роли «Отелло», отмечая, что в последнем «сказывался темперамент уроженца «знойной Африки», и чудилось, что в минуты страсти в его жилах течёт не кровь, а раскалённая лава. В сцене умерщвления Дездемоны он был просто страшен. Войдя в спальню, он крался, как кошка, и, видимо, топился совершить своё жестокое дело с назревшей решимостью. Он вёл допрос Дездемоны, сидя на маленьком табурете у её ног, задавая вопросы глухим и дрожащим от волнения голосом, согнувшись, нетерпеливо потирая переднюю часть своих бёдер и похлопывая себя по коленкам. Видно было, как звериная жажда мщения волною заливают в нём человеческие чувства. Задухение Дездемоны сопровождалось у него торжествующим воплем и рыканием, затем наступало молчание, длившееся довольно долго, и он отходил от ложа жены с видом ослабевшего, но успокоенного человека. Его отчаянные крики: «Дездемона! Дездемона!» – когда он узнаёт истину, потрясали весь зрительный зал и долго-долго звучали в ушах слушателей. Звучат они и теперь для меня с такой же силой, как будто я вижу Олдриджа перед собою в великолепном, своеобразном костюме и слышу его английскую речь».

С особой теплотой вспоминает Анатолий Фёдорович встречу знаменитого русского актёра Михаила Семёновича Щепкина «со знаменитым трагиком негром Айра Олдрижем, посетившим его в сопровождении шумливого Кетчера»: «в передней раздался звонкий хохот, и оттуда показалось смеющееся, жизнерадостно, красное лицо Кетчера под шапкою лохматых седых волос, а за ним и сам Айра Олдридж... Олдридж начал беседу красиво составленной фразой о том, что он не мог уехать из Москвы не отдавши дань почтения знаменитому артисту и не услышав от него критического отзыва о своей игре. «Скажи ему, – обратился Щепкин к Кетчеру, – что я его

видел только в «Отелло» и нахожу, что он замечательный артист и что в последнем действии он меня, старика, – человека привычного – взволновал до глубины души». В ответ на это Олдридж почтительно наклонил голову, сказал, что такой отзыв для него – лучшая награда, но всё-таки настойчиво просил у Щепкина критических замечаний. «Иначе, – прибавил к его словам Кетчер, он может принять твои слова за простую условную любезность». – «Ну, когда так, – заволновался Щепкин, – то скажи ему, что мне не нравится вся его сцена с приезжающей Дездемоной. Когда привозящая её галера останавливается у берега, и она ступает на землю, Олдридж спокойно и величественно идёт ей навстречу, подаёт ей руку и выводит на авансцену. Разве это возможно? Он забывает, что Отелло – мавр, что в нём льётся и кипит южная горячая кровь, что он давно не видел жены, которую не только любит, но в которую страстно влюблён... и вот она пред ним – одновременно предмет обожания и вождления... да ему вся кровь должна ударить в сердце, он должен броситься к ней. Как зверь, забыв всё окружающее, схватить её, смять в своих объятиях, принести на руках на авансцену и только тут вспомнить, что он военачальник и что за ним следят любопытные взоры. Вот тут он должен сделаться тем, чем его с самого начала изображает Олдридж. Да скажи ему, – и Щепкин вскочил со стула в порыве артистического творчества, – что он должен осыпать её поцелуями, целовать ей руки и ноги; да скажи ему, что...» – и он сделал энергичное и весьма образное указание, неудобное для повторения в печати. Олдридж выслушал перевод, улыбнулся и наклонил голову в знак согласия».

Неудивительно, что так дружески сошлись два этих импульсивных человека – актёр Щепкин и врач Кетчер, которого Т.П. Пассек характеризовал так: «высокий молодой человек с лицом последнего могикана; он сел на маленький стол (Парки тотчас же подломили ножки жизни этого стола; стенторский голос его, как Нил при втечении в Средиземное море, далеко вдаётся в общий гул, не потеряв своей самобытности. Это упсальский барон, он живёт в двух шагах от природы, в Преображенском. Там у него есть СА и домик, у которого дверь не имеет замка. В этом доме барон прячется и вдруг, как минотавр или татары, набегает на Москву неотразимый и неожиданный, обирает книги и тетради и исчезает... Он с четвероногой трибуны что-то поведует... два неустрасимые человека подвергают жизнь свою опасности. Слушая барона в атмосфере его декламации, непрерывно рассекаемой рукою и ногою и молнией зажженной сигары».

В этом ярком отрывке Н.Х. Кетчер предстаёт перед читателем, как фигура колоритная и самобытная. И неслучайно обмолвка – «живёт в двух шагах от природы, в Преображенском». Доподлинно неизвестно, как связан Н.Х. Кетчер или, может быть, другие члены его фамилии подмосковным Кусково, но издавна существовали в этом, когда-то загородном дачном местечке два Кетчеровских поезда. В 1970 г., исчезая с карты Кусково при строительстве микрорайона «Вешняки-Владычино», они дали название новой улице – Кетчерская.

Совсем немногие проезды, проспекты и просеки старых Кусково, Ново-Гиреево (именно через дефис когда-то писалось это название), Вешняков

и Владычино сподобились чести оставить свой след в современной топонимике. В личном архиве автора, например, хранится открытка со штемпелем «Кусково» и адресом: «Нижегородская железная дорога. Станция Ново-Гиреево, угол Княжеского и Ольгинского проспектов, участок № 484. Ея Высокоблагородию Марии Ильиной», датированная ноябрём 1918 года.

Напомним, когда-то Николай Христофорович редактировал журнал «Магазин земледелия», т.е. краеведения и, безусловно, сам он горячо и шумно поддержал бы развитие краеведения такого маленького и, казалось бы, небогатого на исторические достопримечательности района, как Вешняки. О таких окраинных уголках мегаполиса принято говорить с неким пренебрежением – спальный район. Но ведь славен он усадьбой графа Шереметева «Кусково», которую встарь величали «Подмосковным Версалем» и комплексом Московского гуманитарного университета, история которого началась в боевом 1944 году открытием здесь Центральной комсомольской школы, позже переименованной – в Высшую.

Но, пожалуй, можно и даже нужно уже вписать в многовековую летопись столицы новую страничку – историю Кетчерской улицы. Ведь старожилы её помнят, как с начала 70-х годов прошлого века на обширных пространствах раскидывались здесь дома-башни и возводились многокорпусные дома-девятиэтажки. Изогнутые и длинные, как крепостные стены, создавали они дворы, в которых помещалось по три детских сада и две школы, оставляя в стороне собственно проезжую часть улицы Кетчерской, тянущуюся вдоль линии Горьковского направления Курской железной дороги. И постепенно отступали, уходили в прошлое старые бревенчатые избы и дачки, а яблони и вишни, старые вязы и дубы остались микрорайону в наследство от прежних времён до сих пор.

Автору, как старожилу Вешняков с 1972 года краеведение родного района представляется глазами ребёнка. Помнятся старые дома, идущие под снос, и целый ряд их, тянущийся сразу от Новогиреевской эстакады до Оранжевой Шереметевской усадьбы по левой стороне. За чередой домов находилась небольшая площадка с аттракционами – «чёртово колесо», качели-лодочки, и разнообразные карусели: для самых маленьких – с автомобильчиками, для среднего возраста – с лошадками и оленями, а для самых больших и бесстрашных – ракеты и цепочки. По правой стороне аллеи, за высоким деревянным зелёным забором, размещалась школа служебного собаководства. И окрестная малышня с любопытством подглядывала в заборные щёлки за тренировками солдат-кинологов и их четвероногих питомцев, преодолевающих полосу препятствий.

Современному поколению вешняковцев трудно представить, что были времена, когда на Кетчерской не было ни одного магазина, и продукты продавались в одной из жилых квартир в доме № 6. За прилавком работала продавщица, отпускающая товар, а за её спиной, на стеллаже стоял целый ряд шоколадных зайцев в ярких обёртках из фольги – мечта малышни. А когда открылся настоящий, большой магазин (нынешняя «Пятерочка»), то появился и новый соблазн – длинная полка, уставленная бирюзово-синими баночками сгущенного молока. Но каждое утро приезжал и становил-

Кетчерская улица. Слева – платформа Новогиреево. Фото 1974 г.

ся между домами № 6 и № 8 молоковоз из совхоза, и жители устремлялись к заветной бочке с бидончиками. Летом так же в разлив здесь продавали квас.

Своеобразным феноменом среди новостроек выглядел двор дома № 8. Здесь у каждого подъезда стояли лавочки, на которых сидели, как встарь на завалинке, старушки деревенского вида, а чуть поодаль, среди вишен и яблонь, на деревянных столиках жильцы среднего поколения громко стучали в домино. Именно в этот дом были переселены местные жители деревни Вешняки, поэтому и в новом городском житье не сразу смогли отказаться от старого уклада жизни.

Огромный гранитный валун, размером с легковой автомобиль, украшал собой двор близ дома-башни № 2 корпус 5. Здесь каждую зиму заливали замечательную горку. Ходили слухи, что в этом кооперативном доме купила квартиру семья академика Сахарова, и жильцы чуть ли не митинговали, не желая соседства с диссидентом. Неожиданное косвенное подтверждение слухам пришлось однажды услышать от бывшего сотрудника КГБ, вспомнившего, что есть, мол, в Вешняках такой заметный, огромный камень рядом с домом-башней. И сразу стало понятно, что такая осведомленность вызвана долгом службы. В лихие 90-е эта природная «достопримечательность» Кетчерской улицы вдруг неожиданно исчезла. Можно предположить, что не один добротный памятник был из нее выпилен на каком-нибудь кооперативном предприятии.

Представляется, что подобные воспоминания о времени, которое навсегда ушло в прошлое, могут быть полезны и молодому поколению вешняковцев, ведь именно через историю своей семьи своей малой родины, пусть даже она и спальный район, человек приходит к пониманию истории своей страны. А краеведение спальных районов может стать перспективным направлением локальной истории, или земледелия, как сказал бы Николай Христофорович Кетчер.

Переводика

ЕВГЕНИЙ РАШКОВСКИЙ – советский и российский востоковед, религиовед, переводчик, историк науки и образования, русской философской мысли, доктор исторических наук. Окончил Московский историко-архивный институт – библиограф ФБОН. Научный сотрудник различных институтов АН СССР (РАН). Переводчик. Преподает в Открытом православном университете им. о. А. Меня. Директор научно-исследовательского центра религиозной литературы Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы.

WILLIAM COWPER (1731–1800)

I AM monarch of all I survey;
My right there is none to dispute;
From the centre all round to the sea
I am lord of the fowl and the brute.
O Solitude! where are the charms
That sages have seen in thy face?
Better dwell in the midst of alarms,
Than reign in this horrible place.

I am out of humanity's reach,
I must finish my journey alone,
Never hear the sweet music of speech;
I start at the sound of my own.
The beasts that roam over the plain
My form with indifference see;
They are so unacquainted with man,
Their tameness is shocking to me.

Society, Friendship, and Love
Divinely bestow'd upon man,
O, had I the wings of a dove
How soon would I taste you again!
My sorrows I then might assuage
In the ways of religion and truth;
Might learn from the wisdom of age,
And be cheer'd by the sallies of youth.

Ye winds that have made me your sport,
Convey to this desolate shore
Some cordial endearing report
Of a land I shall visit no more:
My friends, do they now and then send
A wish or a thought after me?
O tell me I yet have a friend,
Though a friend I am never to see.

Уильям Купер (Коупер) (William Cowper) – выдающийся английский поэт. Воспитывался в вестминстерской школе, вел уединенную жизнь, наложившую печать меланхолии на его характер. Неудачная любовь сделала поэта еще более угрюмым, и он даже покушался на самоубийство. Перевел «Генриаду» Вольтера, потом писал лирические стихотворения и религиозные гимны. В 1774 г. вышел первый сборник, не имевший успеха. В 1785 г. вышла вторая книга: «The Task», отражающая более светлое настроение, которым Коупер был обязан знакомству с талантливой леди Остен. Его тихая искренняя поэзия, любовь к природе, художественное изображение ее и стремление к естественности были началом реакции против риторической поэзии Попа и делают поэта, наряду с Вордсвортом, одним из двигателей английского «возрождения поэзии» начала нашего века. В конце жизни впал в душевное расстройство. Посмертное собрание сочинений Коупера вышло в 1803 г. Лучшая биография написана Соутеем к изданию 1833 г.

How fleet is a glance of the mind!
Compared with the speed of its flight,
The tempest itself lags behind,
And the swift-winged arrows of light.
When I think of my own native land
In a moment I seem to be there;
But alas! recollection at hand
Soon hurries me back to despair.

But the sea-fowl is gone to her nest,
The beast is laid down in his lair;
Even here is a season of rest,
And I to my cabin repair.
There's mercy in every place,
And mercy, encouraging thought!
Gives even affliction a grace
And reconciles man to his lot.

* * *

Здесь я живу абсолютным царём, –
 Но глянуть вблизи или вдаль, –
 В бессловесном царстве моём
 Только одна печаль.
 Стократ прославлено мудрецом
 Одиночество, – сыт я им всласть!
 Мне бы в гущу людей – и дело с концом!
 Ни к чему мне царская власть.

Брошен, оставлен я, обделён, –
 Тяжек мне сей покой:
 Не услышать до конца времён
 Сладостной речи людской...
 Покорность непуганого зверья, –
 Какая в нём радость мне?
 В изгнании царском – тоска моя:
 В безлюдье улады нет.

Дар общения нам уделил
 Господь милосердный мой, –
 Мне б только взмах голубиных крыл,
 Чтобы вернуться домой!
 Тогда бы всю жизнь мою усладил
 Веры и мысли свет:
 Я бы с мудрыми старцами дни проводил,
 Юношей слышал привет.

Прислушайтесь, буйные ветры морей,
 Как мучится человек!
 Расскажите о родине дальней моей,
 Не увижу которой вовек.
 Где родной мой дом, где моя родня? –
 Одна пустота вокруг, –
 Но, может быть, где-то и ждёт меня
 Какой-то неведомый друг?

АЛЕКСАНДР СЕЛКЁРК (1676–1721) – шотландский моряк, прототип Робинзона Крузо. В 1704 году высажен (marooned) после ссоры с капитаном Дэмпиром на небольшой тихоокеанский остров Мас а Тьерра, где провёл в одиночестве долгих четыре года. Меланхолический герой-рассказчик этого стихотворения Уильяма Купера мало похож на реального Селкёрка – бузотёра и пьяницу, каковым он остался и по возвращении на родину.

Безответные ветры морей,
 Сердцу немислимый гнёт!
 Но вдруг на исходе жизни моей
 В сиянии солнца и вод
 Светящийся парус мелькнёт?.. –
 Увы, я во власти тоски и скорбей,
 Словно в царстве сонных теней –
 Ночи и дни напролёт.

Чайке – гнездо, зверю – нору,
 А я – изгнания жилец –
 Пойду, свой старый шалаш подопру,
 Чтоб не покосился вконец...
 И ежели быть на исходе дней
 Наедине с собой, –
 Чтоб только подумать о жизни своей
 И смириться с жестокой судьбой...

20.07.2017 (перевод с английского)

Гостиная

Гостиная Абхазия

МАДИНА ЛАСАРИЯ родилась в 1985 году в Абхазии, в городке Гудаута. Со стихами всё началось лет в 14. Закончила Гудаутскую среднюю школу № 4. Позже прошла ещё 5 классов музыкальной школы по классу фортепиано. Долгое время лечились в Москве – училась ходить. Пару лет работала оператором связи. В настоящее время с матерью держит домашнюю гостиницу...

* * *

Неимоверно хрупок
Этот свет,
Он льётся сквозь
Расцепленные пальцы
А я лишь плакать начинаю
В тишине – которой этот свет никак не сдался!
У чьих-то неухоженных могил
Я радуюсь тому, что ты лишь пепел
По-прежнему прозрачный как хрусталь
И верящий в крамолу, в явь и в небыль

* * *

Не различая ноток страха
Оставленного под забором,
Я чьё то бывшее несчастье
Иным раскрасила узором;
Не умоляя о пощаде
(куда от сей гордыни деться?!)
Я различила ноты страха
В том самом подзаборном сердце!

* * *

И будешь тихо говорить
Со слов почти сдирая кожу
Что январём одним храним
Его привет казался строже;
Что ангелов слепая тень
Укрылась в герцогстве безумия
И где-то смотрит им в глаза
Тот, кто пропел им аллилуйя!
Не важно чья это любовь
Сильнее беспощадной дрожи;
Наверно нынешний январь
На семьдесят смертей моложе...

* * *

Не отправляйся путешествовать, не надо
Тот поезд нынче дальше не пойдёт
Не станет ни конца и ни начала
Останься – рассуди наоборот...
Когда из дикобраза вынешь иглы
И дверца шкафа тихо закрепит,
Тогда вернись – в ином не будет смысла
Твой Лазарь слишком внятно говорит!

* * *

А где-то изломанно хрупкий,
Такой невесомый гранит;
И тайна которую ночью
Мой страх неизменно хранит;
А где-то одно совершенство
Всё той же не спящей тоски
И город остывшего детства
Куда не заглядывал ты...

* * *

Forever and ever David...

Я приглушаю краски, но не сердце;
Я не зову тебя, декабрь странно пуст
Кроваво алым перебором скерцо
Дотронуться с тоской до нервных рук
Я не пытаюсь угадать причины
Из за которой этот день остыл
И в зеркале оскалились морщины
Которых ты совсем не ощутил....

Гостиная Прага

ЛЮДМИЛА СВИРСКАЯ родилась в Алма-Ате ещё в СССР. После окончания школы переехала в Барнаул, училась в Алтайском государственном университете, на факультете филологии и журналистики. В 1999 году переехала в Чехию. Первая книжка вышла в Барнауле в 1995 году в серии «Авторский альманах Август». На сегодняшний день выпущено семь поэтических сборников, и большое количество публикаций в альманахах и журналах Российской Федерации и Европы. Живёт и работает в Праге

* * *

Ещё один год –
Без сердечных хлопот,
Которыми в юности доверху полон,
Без тени надежды,
Что собственный Воланд
Тебя осчастливит безумством.
И кот
Запрыгнет на стол,
А потом подползёт
Под лист – окончательно девственно-белый...

Ещё один год:
Не смеялась,
Не пела,
Не знала,
Не верила...
Не было...
Вот
Кончается он,
Как увиденный сон,
Пришедший под утро –
От холода? Кашля?
А Новый – старательно держит фасон,
И жизнь открывает осенний сезон
И машет листком, словно флагом на башне:
Пустым, пожелтевшим, помятым (увы),
С трудом долетевшим ко мне из июня...

Ещё один год – без тебя.
Без любви.
Без вещей и жутких балов
В полнолуние.

* * *

Уже давно пора менять смеситель
Добра и зла, коль с самого утра
Ошпарит зло.
И жалкое «спасите»
Опять сорвется с кончика пера.
И кофе обжигающий нахлынет,
Соленым показавшись – вопреки,
С непроходящим привкусом полыни,
С необъяснимым запахом тоски.

И даже в самом солнечном июле
Покоя нет ни сердцу, ни уму:
Всё время снятся войны, взрывы, пули,
И самолеты падают во тьму.
Последний крик – пронзителен и резок...

И через годы не растает боль
Пропущенных звонков и СМСок,
Из «ниоткуда» посланных тобой.

Гостиная Финляндия

ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВ родился в Ленинграде в 1962 году. Закончил химический факультет Ленинградского университета, профессия – биофизхиминформатика. В 1995 году переехал в Штаты, в 1998-м в Финляндию, репатриировался в Израиль, вернулся в Финляндию. Последние 12 лет работает на должности ведущего разработчика в финской компании Нокia. Первые тексты созданы в Израиле. Ранее не публиковался.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

Певец немых, любой мотив сойдёт.
Но вот беда – глухие всё внимают
Глухому гласу моему и плачут наперёд.
Одной слезы увечных ради – боль лишь головная.
Прополис пчёлам – как поэту стих,
Святые книги – вот великие поэмы.
Нет бога кроме Одиссея, и Гомер слепых –
Пророк его – размёл по морю среднему тотемы.
Как не пинал ногами – склеился узор,
Не морщит более, хотя козлом воняет.
Видать, изрядно внешности сродство.
Что миновало – вновь грядёт без края.
Ювенты кризис – или кризис роста,
Или банальнее – гастрит желудка?
Чуму на все дома, от хижин до высоток,
Эфир небес вдыхать, душою и рассудком.
Много земель – средь морей, где ночь.
Море одно – средь земель, где день.
Всему – колыбель. Понт с Тавридой – прочь.
Потёмкин, Аврора, бот Петра. Тень.
Всё воспеваем одно – в резюме получаемся
Эпигоны. Плагииаторы. Кризис жанра.
Маркизова лужа – не зеркало. Плохой замысел
Для отражения топи гнилой. Как синантроп.
Запах ладана – староверы или опять рамадан?
Пульчинелла во дворе фальшивого замка.
Пыль, три окурка, потерянный дайм, просыпан дурман.
Вечерний туман сны навевает о чём-то венецианском.

НЕПРОВАНС

партизаны
сержантские сборы на месяц
обмотки времён гражданской войны

с секретных складов
берданки
по воскресеньям два варёных яйца
молочный кисель серой загадочной слизью
вкуса спермы моржа
ближайший оазис тепла и самогона
в ста километрах
солдатская лавка
зубная паста
о-де-колон
жидкости тела всё тело
пахнет гвоздикой
крысы под полом пицчат
чайками на океане
чайками
вечный тройной май
пахнет гвоздикой

* * *

рядовые под бромом валдаем над шахтой закрытой по осв два
вещества
для сталкеров крышка болото морошка брусника черника детоксикация
влажные сны
весны
всякая тварь после случки печальна
случайно
чувствует что могла породить новую жизнь новую муку
скуку
кроме трижды беременной постоянно жены начальника штаба
масштабы
дети полка дочери сыновья земля бессмертна множат томление суету
кресту
о будущем памяти нет о прошлом не будет
осудят

ЛЕВ ХАЛИФ – поэт, прозаик, родом из Ташкента. Ещё в 1956 году весь литературный мир Москвы ошарашил целый разворот стихов никому тогда не известного Льва Халифа. А уже в 1974 году он демонстративно вышел из Союза писателей России. В 1977 году эмигрировал в США. В 1979 году издательство «Альманах» (Лос-Анджелес) впервые опубликовало книгу прозы «ЦДЛ». В 2001 году Екатеринбургская «У-Фактория» напечатала дополненное издание. Живёт и работает в Нью-Йорке

ОБЕЛИСК В ЛЕСУ

Пощадил здесь надгробие камень,
Вместо них один обелиск,
С оgranёнными боками,
Утолщающимися вниз,
Ему далеко до вершины
В отдалении стоящих деревьев,
Его явно наспех вершили,
От работы слегка одурев,
Знак печальный погоста,
Заблудившегося в лесу,
Невеликого росту,
Он почти навесу,
Меж могил мал просвет коридоров,
Будто все тут вповалку лежат,
Где гранита и лабрадора,
И тем более мрамора жаль,
Погребальщики явно спешили,
Да и времени было в обрез,
Им хотелось пространства пошире,
Но его, как всегда, экономил лес,
Позволяя себе поляну,
Вырубаемую впопыхах,
И, конечно же, сдуру, спьяну,
Чтоб скорей закопать чей-то прах,
Лес не любит когда в нём хоронят,
Да ещё втихаря,
Человек здесь всегда посторонний,
Не считая зверья.

* * *

Войны калеки,
Транспорт их без рессор,
Их кареты,
Пара досок и всё,

Пару досок из леса,
Им лес одолжил,
Телеса их без веса,
Но зато много жил,
Росту по пояс,
На своих инвалидных тележках,
Им бы стоя,
Но у них недостаток телесный,
Ног их не видно,
Их попросту нет,
Инвалиды,
Им не мил белый свет,
Планом крупным
Они не видны,
Войны обрубки,
Бюсты войны.

* * *

У поэтов век всегда недолог,
Что ни день – опять некролог,
Мрут, не оставляя интервала,
Даже мало,
Друг за дружкой мои коллеги
Вдруг перед смертью стали гнуть колени,
Вышибаясь из привычной колеи,
Будто стали жить скорее,
Будто это гонка на пари,
Мрут, как мухи, или как генсеки,
С той лишь разницей что их не ложат на лафет,
У поэтов всё же преимущество над всеми,
С ними вместе умирает белый свет,
Когда случается такое,
На излёте их недолгих лет,
Воздух пахнет темнотою,
Это значит где-то кончился поэт.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (АВТОРЫ И №№ СТРАНИЦ)

- Аксючиц Виктор – 216
Андрей Забурдаев – 40
Багдасаров Евгений – 158
Беспалова Татьяна – 74
Бицоева Венера – 70
Бобров Александр – 112
Бортничук Ирина – 60
Бурташов Валерий – 14
Введенский Серафим – 42
Виноградов Герман – 12
Витковский Евгений – 8
Вовк Антон – 114
Гордон Гарри – 66
Делба Владимир – 144
Дормидошко Ольга – 56
Ефимов Гарри – 68
Жирафов Алексей – 44
Жукова Ольга – 224
Журавлёва Ольга – 64
Звонарёва Лола – 174
Кацюба Галина – 160
Клюкин Роман – 18
Козин Иван – 118
Кольчугин Алексей – 142
Королёва Людмила – 34
Ксенчук Анна – 98
Курмангалина Яна-Мария – 38
Кюне Катерина – 156
Ласария Мадина – 240
Лаэртский Александр – 86
Мамочева Юлия – 82
Маркова Екатерина-Августа – 36
Маслов Алексей – 102
Медведев Евгений – 58
Миодушевский Владимир – 54
Мнацаканян Сергей – 138
Николаева Олеся – 50
Пеленягрэ Виктор – 52
Победина Галина – 104
Потёмкин Максимилиан – 140
Правда Богдан – 72
Правда Люба – 96
Прахов Борис – 154
Пушкарёв Дмитрий – 92
Ракша Ирина – 120
Рашковский Евгений – 232
Роцин Михаил – 184
Рябинин Юрий – 198
Свирская Людмила – 242
Сербовеликов Николай – 90
Соловьёва Екатерина – 88
Фёдоров Олег – 192
Халиф Лев – 246
Чемоданов Андрей – 10
Шахназарова Наталья – 84
Широков Виктор – 100
Юсипова Эльмира – 116
Яковлев Леонид – 244